Сочиненія

Густава Эмара

Изданіе П. П. Сойкина.

Сочиненія

Густава Эмара.

Масъ-Горка

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
 Изданіе П. П. Сойкина
12, Стремянная, 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 декабря 1898 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

I. Западня.

Четвертаго мая 1840 года, между десятью и одиннадцатью часами вечера, шестеро мужчинъ пробирались, крадучись и поминутно оглядываясь по сторонамъ, черезъ дворъ скромнаго вида домика на улицѣ Белграно въ Буэносъ-Айресѣ.

Когда они достигли загуана сѣней, темнаго какъ и вся остальная часть дома, одинъ изъ мужчинъ, шедшій впереди, пріостановился и, обращаясь къ слѣдовавшимъ за нимъ, сказалъ:

— Еще одна необходимая предосторожность, господа!

— Какъ видно, этимъ предосторожностямъ не будетъ конца,— перебилъ его другой, казавшійся моложе всѣхъ остальныхъ; на поясѣ у него была привѣшена широкая рапира, наполовину скрытая подъ складками широкаго синяго суконнаго плаща.

— Какъ бы многочисленны ни были эти предосторожности,— возразилъ первый, — все же онѣ не будутъ лишними; мы не можемъ выйти всѣ вмѣстѣ: насъ шестеро; трое двинутся раньше, перейдутъ черезъ улицу и будутъ слѣдовать по тому тротуару, что находится по ту сторону улицы Белграно; немного погодя выйдутъ другіе трое и пойдутъ вдоль домовъ по эту сторону улицы. Мѣстомъ встрѣчи пусть будетъ улица Балькарсе тамъ, гдѣ она пересѣкаетъ улицу Белграно.

— Отлично придумано!

— Прекрасно,—согласился молодой человѣкъ въ синемъ плащѣ,—въ такомъ случаѣ я пойду впередъ съ Кордовой и съ сеньоромъ,—сказалъ онъ, указывая на того изъ своихъ товарищей, который только-что высказалъ свое предложеніе раздѣлиться на двѣ группы.

Съ этими словами онъ поспѣшно отодвинулъ засовъ калитки и въ сопровожденіи избранныхъ имъ товарищей вышелъ на улицу. Здѣсь, оглядѣвшись кругомъ, онъ перешелъ на противоположный тротуаръ и зашагалъ по направленію къ рѣкѣ по улицѣ Белграно.

Минуты двѣ спустя снова отворилась калитка и трое мужчинъ, очутившись за ея порогомъ и тщательно приперевъ ее за собой, пошли согласно уговору въ томъ же направленіи, какъ и первые трое—только по другой сторонѣ улицы.

Сдѣлавъ молча нѣсколько сотъ шаговъ, товарищъ молодого человѣка съ рапирой обратился къ нему со слѣдующими словами:

— Да, другъ мой, не завидное наше положеніе, быть можетъ, мы сегодня въ послѣдній разъ ступаемъ по улицамъ родного города. Мы покидаемъ эту страну, чтобы вступить въ ряды боевой арміи, которой предстоитъ много кровопролитныхъ битвъ и сраженій. Одинъ Богъ знаетъ, что намъ сулитъ будущее въ этой страшной войнѣ.

— Конечно, но мы не можемъ поступить иначе,—сказалъ молодой человѣкъ, имѣвшій при себѣ рапиру, — хотя я знаю человѣка, который очевидно созданъ не такъ, какъ мы и смотритъ на все иначе.

— Какъ иначе?

— Я хочу сказать, что этотъ человѣкъ полагаетъ, что нашъ долгъ оставаться здѣсь, что мы, какъ природные аргентинцы, не должны покидать Буэносъ-Айреса.

— Несмотря на Розаса?

— Да, несмотря на Розаса.

— Значитъ, по его мнѣнію, намъ не слѣдуетъ присоединяться къ дѣйствующей арміи?

— Да.

— Б-а-а! такъ этотъ человѣкъ или подлый трусъ, или онъ Масъ-Горкеро!

— Нѣтъ, ни то, ни другое; смѣлость его не подлежитъ никакому сомнѣнію, а душа у него самая возвышенная, самая благородная, какую только можно встрѣтить въ наше время.

— Въ такомъ случаѣ, что же должны мы дѣлать?

— Оставаться въ Буэносъ-Айресѣ, потому что тотъ врагъ, противъ котораго мы должны бороться—здѣсь, а не тамъ, говоритъ онъ. При этомъ онъ очень убѣдительно высказываетъ, что здѣсь въ дни революціи падетъ меньшее число жертвъ, чѣмъ тамъ, на полѣ брани въ пять-шесть мѣсяцевъ войны безъ малѣйшаго вѣроятія успѣха. Но довольно объ этомъ, вѣдь здѣсь въ Буэносъ-Айресѣ и самый воздухъ подслушиваетъ, и свѣтъ подглядываетъ, и мракъ таитъ предателей, а пыль и камни мостовой доносятъ и передаютъ, а потому возможно, что и нашъ разговоръ будетъ пересказанъ палачамъ нашей свободы.

При этомъ молодой человѣкъ съ невольнымъ вздохомъ поднялъ къ небу свои прекрасной формы большіе черные глаза грустное выраженіе которыхъ, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовало матовой блѣдности его красиваго лица, дышавшаго благородной отвагой.

По мѣрѣ того какъ бесѣда двухъ товарищей становилась оживленнѣе, проводникъ замедлялъ шагъ; мало того, онъ даже пріостановился, съ тѣмъ чтобы поплотнѣе укутаться въ свой понто плащъ. Дойдя до улицы Баркарсе, онъ сказалъ:

— Здѣсь мы должны дожидаться нашихъ товарищей.

— Да, но хорошо ли вы помните то мѣсто, гдѣ насъ должно ожидать китобойное судно?—спросилъ молодой человѣкъ въ синемъ плащѣ.

— Конечно, отозвался Кордова, разъ я взялся служить вамъ въ качествѣ проводника, то безъ сомнѣнія съумѣю оправдать возложенныя на меня надежды, тѣмъ болѣе, что всю условленную сумму я уже получилъ отъ васъ сполна. Не думайте, однако, что эти деньги были нужны мнѣ,—я патріотъ не хуже васъ,—но тѣ люди, которые взялись переправить васъ на ту сторону, требуютъ за это извѣстное вознагражденіе.

Пока тотъ говорилъ, молодой человѣкъ не сводилъ своихъ печальныхъ проницательныхъ глазъ съ косоватыхъ и хитрыхъ глазъ Кордовы.

Между тѣмъ подошли и остальные трое.

— Самое важное для насъ теперь не разлучаться,—сказалъ

одинъ изъ подошедшихъ,—идите-же впередъ, Кордова, и показывайте намъ дорогу.

Кордова повиновался: онъ пошелъ по Венесуэльской улицѣ затѣмъ повернулъ въ улицу Хуана Лоренцо и спустился къ рѣкѣ, широкія волны которой покойно катились въ изумрудныхъ берегахъ. Ночь была тихая, ясная, темно-синій сводъ неба былъ усѣянъ безчисленными звѣздами, холодный южный вѣтерокъ, освѣжая воздухъ, предвѣщалъ уже близость зимнихъ холодовъ.

Залитая блѣднымъ, трепетнымъ свѣтомъ звѣздъ, разстилалась серебристая гладь Ріо-Платы, дикой и пустынной какъ пампа. Глухой ропотъ могучихъ волнъ рѣки, плавно набѣгавшихъ на пологій песчаный берегъ, казался подавленнымъ вздохомъ этого богатыря, принужденнаго въ данный моментъ качать на мощной груди своей цѣлую эскадру въ 30 кораблей французскихъ военныхъ судовъ.

Вдали едва замѣтно мерцали огни нѣсколькихъ судовъ, стоявшихъ во внутреннемъ рейдѣ, а въ ста шагахъ отъ пустыннаго берега вырисовывался темный причудливый силуэтъ города, мрачнаго и однообразнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ грандіознаго. Повсюду царила невозмутимая тишина; нигдѣ ни души живой, такъ что невольно становилось жутко.

Были только тѣ, кто шли сюда на этотъ безотрадный и пустынный берегъ для того, чтобы, быть можетъ, на вѣки проститься со своей родиной, гдѣ въ это тяжелое время жестокая и возмутительная тиранія изгоняла тысячи лучшихъ сыновъ родины; только тѣ, что бѣжали въ эту мрачную ночь, зная, что имъ предстоитъ или пасть подъ кинжалами *Масъ-Горки* въ томъ случаѣ, если бы ихъ накрыли, или же сказать вѣчное «прости» дорогой родинѣ, семьѣ, близкимъ, друзьямъ и всѣмъ своимъ богатствамъ, если имъ посчастливится бѣжать на утломъ суднѣ, которое должно было доставить ихъ къ берегамъ чужеземной страны, сулившей имъ немного вольнаго воздуха,—свободы дѣйствій и возможности стать въ ряды тѣхъ людей, которые еще дерзали бороться противъ этой ужасной диктатуры.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, самые смѣлые умы и сердца чувствовали себя бсзсильными передъ всѣми ужасами террора, этого страшнаго зла, постигшаго Францію и Англію задолго до того времени, когда о немъ получили понятіе въ Америкѣ.

За тюремными заключеніями, за вѣшаніемъ, за разстрѣливаніями слѣдовали уже оффиціальныя убійства, выполняемыя съ готовностью Масъ-Горкой (*Mas-Horca*), этою шайкой отчаянныхъ, утвержденныхъ правительствомъ бандитовъ, которыхъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ отвергли бы даже друзья Марата.

Не удивительно поэтому, что впечатлѣнія этого террора начинали отзываться и на этихъ людяхъ, которые теперь молча шагали по безлюдному, пустынному берегу рѣки съ намѣреніемъ эмигрировать—преступленіе, считавшееся оскорбленіемъ тираніи и потому безпощадно наказуемое смертью.

Вотъ имена тѣхъ лицъ, о которыхъ до сихъ поръ идетъ рѣчь.

Тотъ, который шагалъ впереди всѣхъ, взявъ на себя обязанности путеводителя,—Хозе Кордова, былъ простолюдинъ, человѣкъ изъ народа, изъ того низшаго класса населенія Буэносъ-Айреса, напоминающаго по своему наряду и внѣшнему виду людей цивилизованныхъ, т. е. интеллигенцію,—а по своей склонности къ бездѣйствію и лѣни—дикихъ пампасскихъ пастуховъ (гаучо).

Въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія за Кордовой слѣдовалъ полковникъ донъ Пабло Салазаръ, ветеранъ 1813 года, человѣкъ изъ высшаго общества, замѣчательной красоты и ума.

Рядомъ съ полковникомъ шелъ донъ Луи Бельграно, родственникъ знаменитаго генерала, того-же имени, владѣлецъ громаднаго состоянія, переходившаго по наслѣдству изъ рода въ родъ. Человѣкъ необычайнаго ума, высоко образованный, смѣлый, честный и великодушный во всѣхъ своихъ поступкахъ, этотъ донъ Луи и былъ тотъ самый молодой человѣкъ въ синемъ плащѣ, съ широкою рапирой и грустнымъ вы-

раженіемъ прекрасныхъ черныхъ глазъ, съ которымъ успѣлъ уже познакомиться нашъ читатель.

За ними шли: Пальмеро, Сандоваль и Маркэзъ, всѣ трое— аргентинцы.

Вскорѣ они уже достигли того мѣста набережной, которое находилось какъ разъ противъ дома, въ которомъ жилъ сэръ Вальтеръ Спрингъ посланникъ ея Королевскаго Величества, Королевы Великобританской. Здѣсь Кордова остановился и сказалъ:

— Вотъ въ этомъ мѣстѣ должно пристать китобойное судно.

Всѣ взгляды обратились къ рѣкѣ, чтобы различить желанное судно среди окружавшаго ихъ со всѣхъ сторонъ непроницаемаго мрака. Только Кордова, казалось, старался отыскать судно на сушѣ, такъ какъ глаза его были обращены въ направленіи, противоположномъ рѣкѣ.

— Судна здѣсь нѣтъ,—сказалъ онъ наконецъ,—придется пройти немного дальше.

Всѣ молча послѣдовали за нимъ.

Не прошло и двухъ минутъ какъ они двинулись съ мѣста, какъ вдругъ на разстояніи тридцати или сорока шаговъ впереди себя полковникъ Салазаръ замѣтилъ какую-то темную движущуюся массу; не успѣлъ онъ сообщить объ этомъ своимъ товарищамъ, какъ неожиданный грозный окрикъ: «Кто идетъ»? раздался среди мертвой тишины этого пустыннаго прибрежья, вселяя страхъ и ужасъ въ сердца бѣглецовъ.

— Не откликайтесь,—сказалъ Кордова,—я выступлю немного впередъ и постараюсь разглядѣть, сколько человѣкъ намъ преграждаютъ путь.

И, не дожидаясь согласія, онъ сдѣлалъ сперва нѣсколько неторопливыхъ шаговъ впередъ, но затѣмъ вдругъ со всѣхъ ногъ бросился бѣжать въ городъ, при чемъ издалъ рѣзкій, пронзительный свистъ.

Въ отвѣтъ на этотъ свистъ вдругъ послышался топотъ коней, лязгъ и бряцаніе оружія; то была бѣшеная кавалерійская атака пятидесяти конныхъ солдатъ, направленная на несчастныхъ изгнанниковъ.

Полковникъ Салазаръ едва успѣлъ поднять свой пистолетъ, какъ уже былъ опрокинутъ мощною грудью коня, мчавшагося на него во весь опоръ.

Пальмеро и Маркэзъ успѣли выстрѣлить, но въ свою очередь были опрокинуты и смяты лошадьми.

Сандоваль вонзилъ свой длинный кинжалъ въ грудь одного коня, но тотъ, запрокидываясь назадъ, повалилъ и его; между тѣмъ кавалеристъ, высвободивъ ноги изъ стремянъ, вскочилъ и, выхвативъ свой ножъ, трижды вонзилъ его въ грудь молодого человѣка, ставшаго первою жертвой этой роковой ночи.

Салазаръ, Пальмеро и Маркэзъ, барахтаясь въ дорожной пыли, смятые конскими копытами, окровавленные на половину и раздавленные, почувствовали, что ихъ схватили за волосы, въ то же время холодная сталь лезвія ножей ощупывала горло, а чей-то рѣзкій повелительный голосъ приказывалъ убійцамъ не щадить ихъ, сопровождая слова страшными проклятіями.

Несчастные противились, сколько могли, защищая горло руками, но напрасно: неумолимый ножъ отсѣкалъ пальцы, добирался до горла и въ потокахъ крови ихъ души уносились въ лучшій міръ—къ Господу и Творцу своему, вопія о возмездіи за это страшное дѣло.

Между тѣмъ какъ убійцы, соскочивъ съ коней, наклонялися надъ изуродованными тѣлами своихъ жертвъ, съ тѣмъ чтобы завладѣть имѣвшимися при нихъ драгоцѣнностями и звонкой монетой, не имѣя возможности различить и узнать другъ друга въ этой кромѣшной тьмѣ, всего въ какой нибудь сотнѣ шаговъ отъ мѣста происшествія этой страшной сцены, нѣсколько человѣкъ обступили одного, который отчаянно защищался, отбиваясь отъ нихъ.

Человѣкъ этотъ былъ никто иной, какъ донъ Луи Бельграно, отстаивавшій свою жизнь отъ четверыхъ убійцъ. Вотъ какъ это случилось: въ тотъ моментъ, когда солдаты атаковали ихъ и полковникъ Салазаръ былъ опрокинутъ, донъ Луи, шедшій позади его, успѣлъ сдѣлать удивительнѣйшій ска-

чокъ футовъ на пятнадцать въ сторону города. Благодаря этому ловкому маневру, онъ очутился на флангѣ вражескаго отряда и вслѣдствіе этого счастливо избѣгнулъ страшнаго натиска конницы. Отсрочивъ такимъ образомъ на нѣсколько мгновеній свою, все-же неминуемую гибель, онъ успѣлъ выхватить изъ ноженъ рапиру и, сбросивъ свой широкій плащъ, обмоталъ имъ лѣвую руку, изобразивъ изъ него щитъ. Хотя ему и посчастливилось благополучно избѣжать натиска конницы, но отнюдь не ея преслѣдованія; ляшка одного изъ солдатъ коснулась его плеча; тотъ моментально повернулъ коня, а ближайшій къ нему товарищъ его сдѣлалъ тоже,—и оба они разомъ, съ саблями наголо, обрушились на молодого человѣка.

Этотъ послѣдній не видѣлъ того, что происходило, но догадался, въ чемъ собственно состоялъ маневръ его враговъ. Ловкимъ скачкомъ онъ кинулся между двухъ лошадей, защищая голову лѣвою рукой, обмотанной плащемъ, тогда какъ правой поспѣшно вонзилъ свою рапиру въ грудь того всадника, который очутился по правую его сторону, послѣ чего самъ проворно подался въ направленіи города.

Въ этотъ моментъ къ уцѣлѣвшему солдату присоединились еще трое другихъ и они уже вчетверомъ стали нападать на дона Луи. Руководствуясь звукомъ топота лошадей, молодой человѣкъ снова проворно отскочилъ въ сторону и еще разъ избѣжалъ натиска коней, при чемъ нанесъ смертельный ударъ въ голову ближайшему къ нему коню.

Животное дрогнуло, замотало головой и взвилось на дыбы со страшнымъ ржаніемъ, затѣмъ вдругъ повернуло на другихъ коней и зашаталось. Солдатъ тотчасъ же понялъ, что лошадь подъ нимъ ранена на смерть и проворно соскочилъ на землю; его примѣру машинально послѣдовали остальные его товарищи, сами того не сознавая, зачѣмъ они это дѣлаютъ.

Донъ Луи успѣлъ за это время сдѣлать еще съ десятокъ шаговъ въ направленіи къ городу; одну минуту у него даже мелькнула мысль искать спасенія въ бѣгствѣ, но онъ тотчасъ же сообразилъ, что этимъ только истощитъ свои столь

необходимыя ему въ этой неравной борьбѣ силы и все-же не сможетъ уйти отъ своихъ преслѣдователей, которые въ каждую минуту снова могли вскочить на коней и безъ труда нагнать его.

Какъ ни быстро мелькнуло въ его головѣ это соображеніе, но не успѣлъ еще онъ окончательно формулировать въ своемъ мозгу эту мысль, какъ уже враги его снова накинулись на него. Трое изъ нихъ были вооружены кавалерійскими саблями, а четвертый—большимъ ножомъ.

Спокойный, смѣлый, сильный и ловкій, донъ Луи, не дрогнувъ, встрѣтилъ нападеніе четырехъ убійцъ, искусно парируя ихъ удары и успѣвая даже самъ наносить удары то въ ту, то въ другую сторону наугадъ, но почти каждый разъ удачно.

Тѣ трое, что были вооружены саблями, съ остервенѣніемъ нападали на него, стараясь наносить всѣ удары по головѣ. Донъ Луи, ловко парируя и отбиваясь, постепенно увеличивалъ свободное вокругъ себя пространство и продолжалъ отступать къ городу, усиленно работая своей рапирой.

Ослѣпленные бѣшенствомъ убійцы не хотѣли вѣрить, чтобы одинъ человѣкъ могъ такъ мужественно и такъ упорно сопротивляться четверымъ; они даже не замѣчали въ пылу своего бѣшенства, что удалились отъ остальныхъ своихъ товарищей болѣе чѣмъ на двѣсти шаговъ, не подозрѣвая намѣренія дона Луи, главною цѣлью котораго было удалиться со своими преслѣдователями отъ главной группы настолько, чтобы окончательно потонуть вмѣстѣ съ ними въ непроницаемой мглѣ ночи.

Однако молодой человѣкъ начиналъ сознавать, что силы его слабѣютъ, грудь дышетъ съ трудомъ, рука устала наносить удары; противники его были не менѣе утомлены, чѣмъ онъ; однако, они рѣшили покончить съ нимъ скорѣе, возбуждаемые криками и угрозами одного изъ нихъ.

Но въ тотъ моментъ, когда они готовились дружно ударить на него, онъ успѣлъ сдѣлать два сильныхъ и быстрыхъ выпада направо и налѣво и какъ лучъ молніи сверкнулъ между ними и сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ въ сторону города.

Несмотря на то, что человѣкъ, вооруженный ножомъ, потерялъ кисть правой руки, а другой изъ разбойниковъ исходилъ кровью отъ страшной головной раны, однако всѣ четверо продолжали съ безумной яростью нападать на молодого человѣка.

Изуродованный безрукій разбойникъ, обезумѣвъ отъ ярости и боли, изловчился и накинулъ дону Луи на голову свой громадный плащъ. Не угадавъ намѣренія своего врага, молодой человѣкъ ловко поймалъ его на остріе своей рапиры и пологая, что тотъ одновременно съ этимъ собирается пронзить его кинжаломъ, нанесъ ему ловкій ударъ прямо въ сердце.

Тѣмъ не менѣе плащъ выполнилъ свое назначеніе и, закутавъ голову дона Луи, лишилъ его возможности слышать и понимать, что кругомъ него происходитъ. Однако молодой человѣкъ и этимъ не смутился: онъ сильнымъ, ловкимъ движеніемъ откинулся назадъ и, проворно высвободивъ свою лѣвую руку отъ плаща, которымъ она была окутана, сталъ на нее наматывать плащъ, освобождая отъ него голову, въ то же время не переставая дѣйствовать правой и описывая вокругъ себя огромные и быстрые круги своею длинною рапирой. Но въ тотъ моментъ, когда онъ окончательно высвободилъ голову и могъ наконецъ снова свободно вдыхать въ себя свѣжій ночной воздухъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что холодное остріе сабли глубоко вонзилось въ его лѣвый бокъ, между тѣмъ какъ почти одновременно съ этимъ другой сильный сабельный ударъ сдѣлалъ ему широкую рану на правомъ плечѣ.

— Подлецы!—воскликнулъ Луи, — вамъ не удастся доставить моей головы вашему господину, прежде чѣмъ вы не изрубите меня самого въ куски.

И собравъ весь остатокъ силъ, онъ сперва ловко отразилъ ударъ своего непріятеля, затѣмъ нанесъ ему такой ударъ, что тотъ упалъ, пронзенный въ грудь, а вмѣстѣ съ нимъ и самъ молодой герой, который вслѣдствіе своей слабости не могъ удержаться на ногахъ, хотя и сохранилъ полное сознаніе и присутствіе духа.

Тогда тѣ двое солдатъ, которые еще оставались въ живыхъ, накинулись на него.

— Я еще живъ!—крикнулъ имъ донъ Луи звучнымъ возбужденнымъ голосомъ, въ которомъ слышалось нѣчто вызывающее и вмѣстѣ грозное.

И этотъ первый звукъ человѣческаго голоса среди безлюдья этой страшной ночи заставилъ содрогнуться отъ ужаса и страха сердца убійцъ.

Донъ Луи попытался подняться на ноги; онъ оперся локтемъ правой руки на тѣло павшаго врага и, схвативъ свою рапиру лѣвой, онъ продолжалъ неравный бой. Убійцы, не смотря на то, что онъ былъ крайне слабъ, не рѣшались близко подойти къ нему.

Наконецъ, одному изъ двухъ разбойниковъ удалось нанести несчастному сильный сабельный ударъ по бедру, такъ какъ у дона Луи уже не хватило силы парировать этотъ ударъ. Страшная боль заставила его сдѣлать еще одно послѣднее усиліе, чтобъ приподняться, но въ тотъ же моментъ второй убійца схватилъ его за волосы и, ударивъ головой о землю, надавилъ ему грудь колѣномъ.

— Ну, наконецъ то, унитаръ! Наконецъ-то ты попался намъ въ лапы! - воскликнулъ негодяй со скрежетомъ зубовъ и, обращаясь къ своему товарищу, уцѣпившемуся за ноги раненаго, сказалъ: дай мнѣ твой ножъ—надо его прирѣзать!

Донъ Луи все еще не хотѣлъ сдаваться и всячески старался вырваться изъ рукъ державшихъ его разбойниковъ, но всѣ его усилія приводили только къ тому, что, раскрывая все больше и больше его раны, увеличивали потерю крови и вмѣстѣ съ тѣмъ уносили послѣдній остатокъ силъ.

Злобный дьявольскій смѣхъ подлаго бандита раздался надъ ухомъ дона Луи въ то время, когда тотъ схватилъ ножъ и занесъ его надъ находившимся почти безъ сознанія дономъ Луи, котораго онъ лѣвой рукой держалъ за волосы, готовясь нанести роковой ударъ...

II. Спаситель.

Въ тотъ моментъ, когда ножъ убійцы былъ уже готовъ вонзиться въ горло беззащитнаго молодого человѣка, страшный

ударъ какимъ-то орудіемъ сразу уложилъ на мѣстѣ убійцу, который не успѣлъ даже вскрикнуть и какъ куль повалился на того, кто долженъ былъ стать черезъ секунду его жертвой.

— А теперь твой чередъ!—сказалъ сильный, спокойный голосъ,—и поднятая съ оружіемъ рука занеслась надъ послѣднимъ изъ убійцъ, который, какъ мы уже упоминали выше, держалъ ноги дона Луи, не осмѣливаясь подойти къ нему ближе.

При этихъ словахъ бандитъ какъ кошка сразу вскочилъ на ноги и, сдѣлавъ большой прыжокъ въ сторону, побѣжалъ со всѣхъ ногъ по направленію къ рѣкѣ.

Человѣкъ, ниспосланный сюда какъ-бы самимъ Провидѣніемъ, не сталъ его преслѣдовать, а обратилъ все свое вниманіе на эту груду раненыхъ, мертвыхъ и умирающихъ, среди которыхъ лежалъ и донъ Луи и сталъ вглядываться въ черты этого молодого человѣка, наклонясь къ самому его лицу.

— Боже!- воскликнулъ онъ съ выраженіемъ несказанной тревоги,—донъ Луи! Неужели?!

И приподнявъ убитаго, тѣло котораго придавило своею тяжестью дона Луи, онъ отбросилъ мертвеца въ сторону и, ставъ на колѣни, осторожно пропустилъ руки вокругъ стана молодого человѣка, затѣмъ приподнявъ, положилъ его голову къ себѣ на колѣно.

— Боже мой! прошепталъ онъ,—неужели они его убили... Нѣтъ, онъ еще живъ! — воскликнулъ онъ, немного погодя, въ порывѣ неудержимой радости, ощутивъ на своемъ лицѣ слабое дыханіе раненаго, и почти въ то же время рука послѣдняго отвѣтила слабымъ пожатіемъ его руки, — да, онъ живъ и узнаетъ меня! Слава Всевышнему!!

Тогда онъ, не задумываясь долѣе, оглядѣлся кругомъ и, убѣдившись, что по близости нѣтъ ни души живой, поднялся на ноги, бережно поднялъ раненаго и, взваливъ его себѣ на плечи, поспѣшно направился въ ближайшую улицу, гдѣ находился домъ сэра Вальтера Спринга. Онъ шелъ твердой увѣренною поступью, обличавшей въ немъ человѣка, хорошо знакомаго съ этою мѣстностью. Вдругъ онъ немного замедлилъ шагъ и затѣмъ остановился.

— Ахъ,—прошепталъ онъ,—волненіе лишаетъ меня силъ — мнѣ остается всего еще какихъ нибудь полъ-квартала, а я чувствую, что не могу идти дальше; необходимо отдохнуть, мнѣ даже трудно дышать.

Тѣло раненаго скользнуло на землю, оросивъ кровью незнакомца.

— Луи, — сказалъ онъ, приблизивъ свои губы къ самому уху раненаго, — Луи, вѣдь это я, Мигуэль, твой другъ, твой братъ!

Раненый медленно повернулъ голову и полураскрылъ глаза; обморокъ его, вызванный потерей крови, начиналъ проходить подъ вліяніемъ свѣжаго ночного воздуха, который оживлялъ его

— Бѣги, Мигуэль!.. спасайся... — были первыя слова дона Луи, произнесенныя чуть слышнымъ, слабымъ голосомъ.

Мигуэль наклонился надъ нимъ и нѣжно поцѣловалъ его.

— Дорогой другъ, рѣчь не обо мнѣ, а о тебѣ... Послушай, обхвати рукой мою шею и держись за нее, сколько можешь, крѣпче... Но, что это такое?! Развѣ ты дрался лѣвой рукой, что ты и теперь еще держишь ею шпагу! Бѣдный другъ, — видно, эти разбойники ранили тебя въ правую руку! Боже ты мой! Какъ я только подумаю, что меня не было подлѣ тебя когда тебѣ приходилось одному отбиваться отъ этихъ мерзавцевъ...

Все это онъ говорилъ, стараясь добиться отъ друга какого нибудь отвѣта, изъ котораго онъ могъ бы понять настоящее положеніе дѣла и въ тоже время боясь услышать роковую вѣсть о какой нибудь смертельной ранѣ. Не получивъ однако никакого отвѣта, онъ снова поднялъ раненаго на плечи; тотъ, очнувшись отъ своего безсознательнаго состоянія, старался по мѣрѣ силъ облегчить своего спасителя.

Движеніе и свѣжій ночной вѣтерокъ вернули дону Луи немного жизни и онъ сказалъ своему другу тономъ невыразимой нѣжности и благодарности:

— Довольно, Мигуэль, я думаю, что съ твоей помощью я съумѣю пройти самъ нѣсколько шаговъ.

— Нѣтъ, этого совсѣмъ не нужно,—возразилъ донъ Ми-

гуэль, осторожно спуская его на землю,—мы уже достигли того мѣста, куда я хотѣлъ принести тебя.

Донъ Луи съ минуту простоялъ на ногахъ, но раненый въ бедро по самую кость, онъ въ этомъ положеніи испытывалъ ужасныя мученія; боль въ бедрѣ невольно заставила его опуститься на колѣни.

— А я-то воображалъ, что ты не сумѣешь устоять на ногахъ, — сказалъ донъ Мигуэль съ дѣланной радостью, между тѣмъ какъ сердце его сжималось отъ тревоги и опасенія, что раны его друга слишкомъ серьезны, быть можетъ, даже смертельны.—Мы теперь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ мнѣ можно будетъ оставить тебя временно въ полной безопасности, между тѣмъ какъ я поищу какого нибудь средства, чтобы препроводить тебя туда, гдѣ ты найдешь и необходимый уходъ, и надежное убѣжище.

Разговаривая такимъ образомъ, донъ Мигуэль поднялъ своего друга на руки и съ большимъ трудомъ сталъ спускаться на дно глубокой канавы или траншеи, которую нѣсколько дней тому назадъ стали рыть неподалеку отъ дома великобританскаго посла сэра Вальтера Спринга.

Усадивъ бережно своего друга на днѣ траншеи и прислонивъ его къ одной изъ стѣнокъ ея, онъ заботливо сталъ разспрашивать его, куда онъ раненъ.

— Я... не помню... не знаю..., — слабо отвѣчалъ тотъ и, завладѣвъ рукой своего друга, съ великимъ усиліемъ дотронулся ею до праваго плеча и до бедра лѣвой ноги, не знаю... но только вотъ здѣсь и здѣсь я чувствую ужаснѣйшую боль.

— Ну, если только у тебя нѣтъ другихъ ранъ, кромѣ этихъ, то это пустяки,— сказалъ донъ Мигуэль, обнадеженный этими словами и съ радостью сталъ обнимать своего друга.

Но при этомъ, немного порывистомъ и слѣдовательно неосторожномъ прикосновеніи, раненый вдругъ громко вскрикнулъ отъ боли.

— Боже! что это?!—испугался донъ Мигуэль.

— Я... кажется... да, я дѣйствительно раненъ... вотъ сюда...

въ лѣвый бокъ... но бедро... бедро... причиняетъ мнѣ... страшныя страданья...

— Постой,—сказалъ донъ Мигуэль и, доставъ изъ кармана платокъ, крѣпко перевязалъ имъ раненую ногу. -Вотъ такъ, все-таки это пріостановитъ хотя немного кровоизліяніе, —продолжалъ онъ.- Ну, а теперь посмотримъ, что съ твоимъ бокомъ... подожди, вотъ мой шарфъ, мы его тоже употребимъ въ дѣло.

Съ этими словами онъ туго перевязалъ шарфомъ огромную рану, дѣлая все это какъ бы шутя, между тѣмъ какъ самъ далеко не былъ спокоенъ въ душѣ съ той самой минуты, какъ увидалъ послѣднюю рану своего товарища, сильно опасаясь, не затронуты ли какіе нибудь жизненные органы.

Въ эту тревожную минуту до слуха молодыхъ людей донеслись веселые звуки рояля.

Сэръ Вальтеръ Спрингъ давалъ въ эту ночь большой вечеръ своимъ друзьямъ.

— Аа,—замѣтилъ донъ Мигуэль, оканчивая перевязку,—англійское превосходительство изволитъ забавляться.

— Тогда какъ у его порога убиваютъ честныхъ гражданъ этой страны, —прошепталъ донъ Луи.

— Эге, другъ мой, да онъ именно по этому-то случаю и ликуетъ, для того чтобы быть достойнымъ представителемъ своей державной повелительницы: этотъ благородный англичанинъ обязанъ слѣдовать во всемъ примѣру этой дамы, которая танцуетъ и поетъ надъ мертвецами и убитыми подобно готтентотскимъ вдовамъ, но только съ тою разницей, что послѣднія проявляютъ такимъ образомъ свою скорбь и горе, а она—свою радость и веселіе.

Донъ Луи слабо улыбнулся этому замѣчанію друга и собирался добавить съ своей стороны пару словъ, какъ вдругъ донъ Мигуэль поспѣшно зажалъ ему рукою ротъ.

— Я слышу какой-то шумъ,—шепнулъ онъ ему въ самое ухо, ощупью отыскивая шпагу.

На самомъ дѣлѣ, топотъ двухъ коней постепенно приближался къ тому мѣсту, гдѣ притаились наши друзья. Минуту

спустя можно было безъ труда отличить два голоса, дружелюбно разговаривавшие между собой.

— Послушай, пріятель, высѣчемъ огоньку, зажжемъ сигару и при свѣтѣ ея огня сосчитаемъ добычу,—я не имѣю ни малѣйшей охоты идти на набережную и предпочитаю вернутся прямо домой.

— Такъ давай спѣшимся! —отозвался другой.

Оба соскочили съ коней; послышалось бряцаніе стальныхъ ножепъ о землю. Затѣмъ, взявъ подъ уздцы своихъ коней, они усѣлись всего шагахъ въ четырехъ отъ того мѣста, гдѣ пріютились донъ Луи и его вѣрный другъ.

Одинъ изъ двухъ солдатъ досталъ свое огниво, высѣкъ огонь и раскурилъ огромную сигару.

— Ну, а теперь подавай мнѣ бумаги, одну за другой, мы станемъ ихъ разсматривать вмѣстѣ.

Другой солдатъ снялъ свою шляпу и досталъ изъ нея пачку банковыхъ облигацій; одну изъ нихъ онъ передалъ товарищу, который, сильно затянувшись, освѣтилъ ее огнемъ своей сигары.

— Сто!—произнесъ тотъ изъ нихъ, который держалъ въ рукахъ пачку.

— Сто!—повторилъ за нимъ его товарищъ, выпуская густое облако дыма.

То-же самое продѣлали они тридцать разъ подрядъ, иначе говоря, надъ каждой пачкой билетовъ. Всю сумму въ 3.000 піастровъ или, иначе говоря, пятнадцать тысячъ франковъ они подѣлили по ровну, по 1.500 піастровъ на брата и еще остались недовольны.

— Я полагалъ, что здѣсь больше,—сказалъ одинъ изъ нихъ,— вотъ если-бы намъ удалось прирѣзать того, то дѣло было бы другое: у него кошелекъ былъ туго набитъ золотомъ.

— Куда это направлялись эти унитары, навѣрно въ армію Лаваля?

— Эхъ, чертъ возьми, да куда же иначе! Меня только печалитъ, что не всѣ они бѣгутъ туда со своими деньгами, а то бы у насъ бывали часто такія доходныя ночки!

— А что, если Лаваль когда-нибудь вернется и насъ ему выдадутъ?!

— Баа!.. мы вѣдь дѣйствуемъ не по своей волѣ, а по приказанію высшаго начальства и властей; послѣ, когда увидимъ, что дѣло плохо, можно будетъ притихнуть и отдохнуть, ну, а пока я радъ голову сложить за *Ресторадэра*, потому-то я и считаюсь довѣреннымъ лицомъ.

— Какъ-же! полагайся на это; стоитъ намъ только когда-нибудь убить хоть однимъ меньше, чѣмъ намъ назначено, и ты увидишь, что будетъ и съ тобой, и со мной.

— Да что, вотъ командиръ послалъ насъ двоихъ въ эту сторону, а Кабрито въ обратномъ направленіи, Сальмона и четверыхъ другихъ товарищей въ улицы, ну, что же, завтра мы скажемъ, что проискали его всю ночь и не могли найти, и ты увидишь, что намъ за это не будетъ никакого взысканія.

— А ужъ какъ перетрусилъ Пикадо, когда явился донести объ этомъ командиру; онъ увѣрялъ его, будто на помощь унитару явилось четверо, но командиръ, какъ видно, не повѣрилъ ему; вѣдь онъ же знаетъ, что Пикадо трусъ.

— Да, но зато другіе-то были не трусы; и одинъ человѣкъ не могъ убить ихъ всѣхъ.

Какъ бы то ни было, но я его искать не стану.

— Искать, кого? этого унитара? хм, я ѣду на набережную, и онъ спокойно сталъ садиться на коня, тогда какъ товарищъ его остался сидѣть на мѣстѣ.

— Ладно, убирайся, а я вотъ докурю сигару, да и домой, а завтра раненько по утру заѣду за тобой, чтобы намъ вмѣстѣ вернуться въ казармы.

— Ну, такъ до завтра! — и, повернувъ лошадь, солдатъ не куривший сигары, крупною рысью тронулся въ путь.

Выждавъ нѣсколько минутъ, оставшійся вытащилъ изъ кармана какой-то предметъ и, приблизивъ его къ огню своей сигары, сталъ со вниманіемъ разглядывать его со всѣхъ сторонъ.

— Хм, да это золотые часы!—прошепталъ онъ,—и никто не видалъ, какъ я ихъ взялъ; тѣми деньгами, что я за нихъ выручу, мнѣ ни съ кѣмъ не придется дѣлиться,— продолжалъ онъ, —

*

хм, да они идутъ! въ томъ лишь бѣда, что я смотрѣть-то по нимъ не умѣю. Это унитарская штучка, намъ она ни къ чему, я и такъ знаю, что теперь полночь и...

— И это твой послѣдній часъ, мерзавецъ! -воскликнулъ надъ самымъ его ухомъ донъ Мигуэль, сопровождая эти слова глухимъ ударомъ въ голову бандита, который тутъ же палъ замертво, не издавъ ни звука. То былъ тотъ же ударъ, которымъ онъ уже уложилъ того солдата, что занесъ ножъ надъ горломъ дона Луи. Ударъ этотъ былъ нанесенъ какимъ-то малаго размѣра оружіемъ, не издающимъ никакого звука и почти незамѣтнымъ въ рукѣ.

Выбравшись ползкомъ изъ траншеи, донъ Мигуэль осторожно подкрался къ разбойнику и неожиданно нанесъ ему этотъ смертельный ударъ. Когда тотъ упалъ, онъ высвободилъ изъ руки убитаго поводья и, взявъ лошадь подъ уздцы, подвелъ ее къ самой траншеѣ; не выпуская изъ рукъ поводьевъ, онъ спустился и въ порывѣ радости сталъ обнимать и цѣловать своего друга.

— Не падай духомъ! не теряй надежды! теперь ты спасенъ; Провидѣніе намъ послало лошадь т. е. именно то, чего намъ съ тобою въ данный моментъ недоставало.

— Я какъ будто чувствую себя немного бодрѣе, только ты поддержи меня, я не могу держаться на ногахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого вовсе не надо! -возразилъ донъ Мигуэль, поднявъ своего друга на руки и донеся его до верхняго края траншеи. Здѣсь ему удалось, хоть и съ большимъ трудомъ, посадить раненаго на лошадь, которая тревожно озиралась, не понимая, что съ нею происходитъ и не хотѣла стоять на мѣстѣ. Схвативъ рапиру дона Луи, донъ Мигуэль однимъ прыжкомъ вскочилъ на крупъ коня, и, обхвативъ руками станъ товарища, схватилъ поводья и тронулся въ путь.

— Мигуэль, не ѣзди ко мнѣ, домъ запертъ, мой слуга ночуетъ сегодня дома.

— *Caramba!* мнѣ это даже и въ голову не приходило, да я и не хочу везти туда тебя: это было бы непростительной глупостью.

— Но, въ такомъ случаѣ, куда же мы поѣдемъ?

— То мое дѣло! не разспрашивай меня покуда ни о чемъ, и говори, какъ можно, меньше, такъ какъ тебѣ говорить вредно.

Донъ Мигуэль почувствовалъ, что голова дона Луи тихонько качнулась и затѣмъ скатилась на плечо. Онъ бережно прислонилъ ее къ своей груди, съ раненымъ сдѣлался новый обморокъ, но, къ счастію. онъ на этотъ разъ продолжался не долго.

Лошадь шла шагомъ; изъ опасенія, что сильное сотрясеніе можетъ повредить больному, донъ Мигуэль не давалъ ей хода.

Миновавъ множество узкихъ глухихъ пустынныхъ улицъ, они достигли, наконецъ, самой окраины города и стали спускаться въ совершенно безлюдную и заброшенную мѣстность Марко, куда и свѣтлымъ днемъ никто не рѣшался ступить, такъ какъ это было ничто иное, какъ глубокій оврагъ, весьма опасный, особенно въ такую пору, когда земля сырая.

Дурная слава и существенныя неудобства этой мѣстности и побудили дона Мигуэля избрать именно ее, такъ какъ здѣсь ему нечего было опасаться дурныхъ и нежеланныхъ встрѣчъ. Къ тому же ему были прекрасно знакомы здѣсь всѣ тропинки; они спустились въ обрывъ безъ всякихъ непріятныхъ приключеній. Проѣхавъ еще нѣсколько улицъ, они добрались наконецъ до улицы Барранкасъ, не встрѣтивъ на своемъ пути ни одной живой души.

— Ну, теперь ты спасенъ!—обратился донъ Мигуэль къ своему другу, - еще немного и мы будемъ тамъ, гдѣ ты найдешь самый заботливый уходъ и попеченіе и при томъ вполнѣ надежное убѣжище.

— Гдѣ же это? слабымъ, чуть слышнымъ голосомъ освѣдомился донъ Луи.

— Здѣсь!—отвѣчалъ донъ Мигуэль.

И съ этими словами онъ придержалъ коня, остановивъ его передъ красивымъ домикомъ, окна котораго были убраны бѣлоснѣжными тюлевыми занавѣсками и, кромѣ того, защищены снаружи зелеными жалюзи, сквозь которыя прокрадывались узкія полоски свѣта.

Подъѣхавъ къ самому окну, донъ Мигуэль просунулъ руку въ скважину жалюзи и трижды стукнулъ въ стекло.

Въ отвѣтъ на это какой-то женскій голосъ съ тревогой спросилъ:

— Кто тамъ?

— Да это я, Гермоза, я, твой Мигуэль.

Окно растворилось, маленькая бѣлая ручка подняла жалюзи, и стройная фигура молодой женщины въ черномъ высунулась въ окно настолько, что ея рука коснулась чугунныхъ перилъ балкончика.

При видѣ двухъ всадниковъ на одномъ конѣ она быстро откинулась назадъ въ испугѣ и недоумѣніи.

— Развѣ ты не узнаешь меня, Гермоза?—продолжалъ донъ Мигуэль,— послушай, поди и отвори сейчасъ же входную дверь, сдѣлай это сама и не буди никого изъ прислуги—пойми, что это вопросъ жизни, быть можетъ, даже болѣе.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула молодая женщина, затворяя окно и поспѣшно кинувшись къ дверямъ залы, а оттуда и къ входнымъ дверямъ, которыя она порывисто отворила, не размышляя о томъ, слѣдуетъ ли ей остерегаться чего нибудь или нѣтъ.

— Входи же! обратилась она къ дону Мигуэлю тѣмъ особымъ голосомъ, какой является только у женщинъ въ такіе моменты, когда онѣ вдругъ рѣшаются на какой нибудь смѣлый поступокъ и, какъ это почти всегда бываетъ, подъ вліяніемъ чувства, а не въ силу разсудительности или разсчета.

— Нѣтъ, подожди,—отвѣчалъ донъ Мигуэль, который уже успѣлъ соскочить съ коня вмѣстѣ съ дономъ Луи, котораго онъ поддерживалъ подъ обѣ руки, не выпуская въ то же время поводьевъ лошади.

— Замѣни меня здѣсь одну минуту, Гермоза, сказалъ онъ, поддержи этого молодого человѣка, онъ не можетъ одинъ держаться на ногахъ.

Гермоза, не задумываясь, обхватила одной рукою станъ молодого человѣка, который стоялъ прислонившись къ косяку двери.

— Благодарю, сеньорита, благодарю, прошепталъ донъ Луи слабымъ, растроганнымъ голосомъ.

— Вы ранены?—участливо спросила молодая женщина.

— Да... немного...

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула она, чувствуя, что у нея руки всѣ въ крови.

Покуда эти двое обмѣнивались только что приведенными словами, донъ Мигуэль вывелъ коня на средину улицы, повернулъ его въ сторону города, предварительно привязавъ поводъ къ лукѣ, ударилъ его плашмя рапирой дона Луи по крупу, послѣ чего лошадь, не дожидаясь второго подобнаго удара, помчалась какъ изъ лука стрѣла въ указанномъ ей направленіи.

— Ну, а теперь,—сказалъ донъ Мигуэль,—пойдемте въ домъ.

И, поднявъ на руки дона Луи, онъ внесъ его въ домъ и, плотно затворивъ за собою двери, ведущія на улицу, внесъ раненаго въ гостиную и осторожно уложилъ на софу: этотъ человѣкъ, полный такой беззавѣтной храбрости и мужества, съ такимъ запасомъ душевныхъ силъ, не смотря на самыя энергичныя усилія и на свою желѣзную волю, не могъ стоять на ногахъ безъ посторонней помощи даже одной минуты.

III. Гостепріимство.

Между тѣмъ какъ донъ Мигуэль укладывалъ своего друга на софу, донна Гермоза пробѣжала въ кабинетикъ, смежный съ гостиной и, схвативъ съ чернаго мраморнаго столика алебастровую лампу, при свѣтѣ которой она читала «*Contemplationes*» Виктора Гюго въ тотъ самый моментъ, когда донъ Мигуэль постучалъ въ ея окно, и, вернувшись въ гостиную, поставила эту лампу на этажерку, полную книгъ и цвѣтовъ.

Вслѣдствіе испытываемаго ею волненія и перепуга донна Гермоза была чрезвычайно блѣдна, но, не смотря на эту блѣдность и на то, что свѣтло-каштановые локоны ея роскошныхъ волосъ были въ безпорядкѣ, донъ Луи не могъ не замѣтить, что ей не болѣе двадцати лѣтъ, что у нея прекрасныя черты и чудные глаза, кроткіе нѣжные и голубые, а

выраженіе этого милаго лица самое привлекательное и чарующее. Казалось, черный ея нарядъ нарочно былъ избранъ ею для того, чтобы выдѣлять еще больше матовую бѣлизну ея рукъ и лица. Однако, при взглядѣ на строгій покрой ея платья, сразу можно было узнать, что то былъ траурный нарядъ.

Въ моментъ, когда донна Гермоза поставила лампу на этажерку, донъ Мигуэль, подойдя къ ней, ласково взялъ ея руку и, нѣжно сжимая въ своихъ, сказалъ:

— Дорогая Гермоза, ты, конечно, помнишь, что я часто и много говорилъ тебѣ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, съ которымъ я связанъ самою тѣсной дружбой; этотъ задушевный другъ мой, этотъ донъ Луи, вотъ онъ,—передъ тобою, раненый и больной,— но раны его, такъ сказать, оффиціальныя— это дѣло Розаса. Необходимо спасти моего друга, спрятать его отъ постороннихъ глазъ, и излѣчить отъ ранъ, все это я возлагаю на тебя, дорогая Гермоза.

— Но что могу я сдѣлать, Мигуэль?—спросила она съ нескрываемымъ волненіемъ, обращая свой ласковый тревожный взоръ въ сторону дона Луи, неподвижно лежавшаго на софѣ. Его мертвенно-блѣдное лицо рѣзко выдѣлялось, благодаря густымъ чернымъ кудрямъ его волосъ, а чрезмѣрно расширенные зрачки горѣли точно горячіе угли, придавая его красивому лицу какое-то особенное, вовсе не свойственное ему выраженія.

— Что ты можешь сдѣлать, Гермоза, —продолжалъ донъ Мигуэль,— ты прежде всего скажи мнѣ, сомнѣваешься ли ты въ томъ, что я всегда любилъ тебя, какъ братъ родную сестру, хотя ты мнѣ только двоюродная,- скажи, сомнѣваешься ты въ этомъ?

— Нѣтъ, Мигуэль!

— Прекрасно! въ такомъ случаѣ, ты во всемъ будешь послушна мнѣ эту ночь, дорогая моя, —продолжалъ онъ, цѣлуя ее въ лобъ, а завтра ты снова станешь полновластной хозяйкой въ своемъ домѣ, а также и въ моей душѣ.

— Располагай же мной, приказывай, я во всемъ готова

безпрекословно повиноваться тебѣ! горячо и съ готовностью воскликнула молодая женщина.

— Первое, что я тебѣ приказываю, такъ это чтобы ты, не будя никого изъ прислуги, сейчасъ же принесла сюда стаканъ хорошаго вина съ сахаромъ.

Не давъ ему даже времени докончить послѣднее слово, донна Гермоза выбѣжала изъ комнаты.

Тогда донъ Мигуэль подошелъ къ своему другу, который успѣлъ уже немного отдохнуть; дыханіе его становилось менѣе затрудненнымъ, онъ даже улыбнулся.

— Эта молодая женщина—моя двоюродная сестра, —сказалъ онъ, красавица вдова, о которой я столько говорилъ тебѣ со дня ея возвращенія изъ *Тукумана* четыре мѣсяца тому назадъ. Съ тѣхъ поръ она живетъ здѣсь одна въ этой виллѣ, — и, я думаю, что, если ея гостепріимство не удовлетворитъ твоихъ желаній, то ужъ во всякомъ случаѣ глаза твои останутся довольны ею.

— Донъ Луи слабо улыбнулся, но вслѣдъ затѣмъ черты его вновь приняли свое обычное грустное и строгое выраженіе.

— Мы поступаемъ дурно, съ трудомъ выговорилъ онъ, — мы съ тобой компрометируемъ положеніе этой молодой женщины.

— Ея положеніе?!

— Да, полиція Розаса не имѣетъ недостатка въ соглядатаяхъ всякаго рода среди слугъ и господъ, среди мужчинъ и женщинъ, и всѣ ищутъ своего личнаго спасенія въ доносѣ и клеветѣ,—и, можетъ быть, завтра же Розасу будетъ извѣстно мое убѣжище, а тогда участь этой молодой женщины сдѣлается общей съ моей.

— Ну, это мы еще увидимъ,—возразилъ донъ Мигуэль, — я положительно чувствую себя въ своей стихіи, когда я окруженъ со всѣхъ сторонъ опасностями и затрудненіями всякаго рода, и если бы ты вмѣсто того, чтобы писать, лично предупредилъ меня о своемъ намѣреніи бѣжать изъ нашего отечества, то я готовъ поручиться тебѣ, что въ данную минуту у тебя не было бы ни одной царапины.

— Но какъ же ты узналъ о моемъ намѣреніи?

— Объ этомъ послѣ когда нибудь,—улыбаясь отвѣтилъ донъ Мигуэль, замѣтивъ, что донна Гермоза входила уже въ комнату съ фарфоровымъ подносомъ въ рукахъ; на подносѣ стоялъ большой хрустальный кубокъ съ подслащеннымъ бордо.

— Дорогая Гермоза!—воскликнулъ весело донъ Мигуэль,— если бы боги Греціи видѣли васъ въ настоящій моментъ, то, навѣрное, дали бы отставку Гебѣ и передали вамъ ея обязанности. Выпей, Луи, немного вина—это подкрѣпитъ тебя и возстановитъ хоть отчасти твои силы до прихода врача.

Пока донъ Мигуэль, поддерживая голову своего друга, поилъ его подслащеннымъ виномъ, донна Гермоза впервые могла разглядѣть черты молодого человѣка, которому его блѣдность и кроткій страдальческій видъ придавали нѣчто необычайно симпатичное и вмѣстѣ трогательное и въ то же время мужественное и благородное. Глаза молодой женщины остановились сразу на обоихъ мужчинахъ, видъ которыхъ былъ отнюдь не привлекателенъ, такъ какъ оба они были съ ногъ и до головы въ крови и испачканы грязью.

— Ну, а теперь, дорогая Гермоза,—обратился къ ней донъ Мигуэль, возвращая ей почти пустой стаканъ,—скажи мнѣ, старый Хозе здѣсь?

— Да.

— Такъ разбуди его и прикажи ему прійти сюда, да скажи мнѣ, гдѣ я найду здѣсь у тебя бумагу и письменныя принадлежности?

— Вонъ въ этомъ кабинетикѣ,—отвѣчала она, указывая на смежную комнатку, и побѣжала будить стараго Хозе.

Донъ Мигуэль прошелъ въ маленькій кабинетикъ, затѣмъ въ другую комнатку, которая была спальнею донны Гермозы и наконецъ въ прелестный маленькій уголокъ, служившій ей уборной.

— Vive Dios!—воскликнулъ онъ, оглядывая себя въ зеркало, между тѣмъ какъ онъ умывалъ руки,—если бы Аврора увидѣла меня вотъ въ такомъ видѣ, она подумала бы, право, что я сбѣжалъ изъ ада; съ ея способностью убѣгать отъ меня, когда мнѣ вздумается иногда сорвать у нея поцѣлуй, она, пожалуй,

способна была бы бѣжать въ самую пампу. А! вотъ это прекрасно,—продолжалъ онъ, утирая руки о тонкое дорогое полотенце,—бутылка, недопитая Луи, стоитъ здѣсь и я съ охотой хлебну изъ нея за то, чтобы Розаса побрали черти, чтобы Луи вскорѣ оправился отъ своихъ ранъ и чтобы Аврора завтра согласилась сдѣлать то, что я ей скажу.—Съ этими словами онъ выкинулъ въ умывальный тазъ душистые роскошные цвѣты изъ дорогого хрустальнало кубка, стоявшаго тутъ же на туалетномъ столикѣ и, наполнивъ виномъ, выпилъ одинъ за другимъ нѣсколько кубковъ.

Затѣмъ, вернувшись въ кабинетъ, смежный съ гостиной и присѣвъ къ бюро, онъ расположился писать. Лицо его приняло несвойственное ему выраженіе сосредоточенности и серьезности. Онъ написалъ два письма, вложилъ ихъ въ конверты, запечаталъ, надписалъ адреса и вернулся въ гостиную, гдѣ донъ Луи обмѣнивался съ донной Гермозой нѣсколькими словами относительно состоянія его ранъ.

Почти одновременно съ дономъ Мигуэлемъ вошелъ въ гостиную почтеннаго вида человѣкъ лѣтъ шестидесяти, роста высокаго и сильнаго сложенія, не смотря на то, что волосы и борода его были ужъ совершенно сѣды. Онъ вошелъ со шляпою въ рукѣ и почтительнымъ видомъ, который вслѣдъ затѣмъ смѣнился удивленіемъ и недоумѣніемъ при видѣ двухъ мужчинъ въ гостиной донны Гермозы, при чемъ одинъ лежалъ измученный и блѣдный весь въ крови на софѣ.

— Я полагаю, Хозе, что васъ видъ крови пугать не можетъ, сказалъ донъ Мигуэль,—этотъ человѣкъ, котораго вы видите передъ собою—мой другъ, онъ серьезно раненъ бандитами. Подойдите поближе, мой добрый Хозе, и послушайте, что я вамъ хочу сказать. Четырнадцать лѣтъ вы прослужили подъ начальствомъ моего дяди, полковника Саенца, отца донны Гермозы,—не такъ ли? Затѣмъ, вѣдь, послѣ смерти дяди вы, кажется, находились подъ командой нѣсколькихъ генераловъ поочередно; если не ошибаюсь, то были генералы Бельграно, Санъ-Мартэнъ и Боливаръ; котораго изъ нихъ вы болѣе всего любили и уважали, Хозе?

— Генерала Бельграно!—не задумываясь отвѣчалъ старый служака.

— Такъ вотъ родной племянникъ вашего бывшаго вождя и начальника генерала Бельграно, который теперь нуждается въ вашихъ услугахъ, Хозе.

— Я могу лишь располагать своею жизнью, сеньоръ, и она всецѣло принадлежитъ дѣтямъ и племянникамъ возлюбленныхъ моихъ генерала Бельграно и полковника Саенца.

— Я въ этомъ былъ увѣренъ, мой добрый Хозе, но мы нуждаемся не только въ вашей беззавѣтной храбрости и самоотверженности, но и въ вашей осторожности и осмотрительности, а главнымъ образомъ въ вашей скромности и несообщительности.

— Слушаю-съ, сеньоръ.

— Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ еще что нибудь, потому что я знаю, что вы человѣкъ съ добрымъ сердцемъ, преданный, честный и прямой и притомъ истый патріотъ.

— Да, сеньоръ, я старый и горячій патріотъ!—съ гордостью отозвался старикъ.

— Прекрасно, сказалъ донъ Мигуэль, теперь идите и, не будя никого изъ прислуги, осѣдлайте одну изъ упряжныхъ лошадей донны Гермозы, вооружитесь получше и вернитесь сюда, подведя лошадь къ крыльцу. Дѣлайте все это по возможности безъ шума.

Отвѣсивъ почтительный поклонъ, старый служака повернулся на каблукахъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты, а минутъ пять спустя послышался звукъ конскихъ копытъ о мостовую подъ окнами и у крыльца.

Спустя еще минуту дверь дома легонько скрипнула и на порогѣ появился старый солдатъ, укутанный въ свой пончо.

— Аа, Хозе!... Знаете вы, гдѣ живетъ докторъ Парсеваль?

— За Санъ-Хуаномъ, да, знаю, сеньоръ.

— Отлично, такъ поѣзжайте къ нему, стучитесь до тѣхъ поръ, пока вамъ не отворятъ, и затѣмъ передайте письмо, вотъ это, и скажите, что, между тѣмъ какъ сеньоръ Парсеваль бу-

деть собираться, вамъ надо съѣздить еще въ одно мѣсто и что затѣмъ вы вернетесь за нимъ. Послѣ того вы отправитесь ко мнѣ на квартиру, постучитесь тамъ и вамъ сейчасъ же отворятъ; мой слуга ожидаетъ меня, ему вы отдадите другое письмо.

— Слушаю съ, сеньоръ.

— Вы постараетесь исполнить все это, какъ можно, скорѣе, Хозе.

— Слушаю, сеньоръ.

— Теперь еще одно; такъ какъ въ пути съ вами можетъ случиться много разныхъ приключеній, то помните, что письмо мое къ доктору Парсевалю вы должны сохранить цѣною жизни, чтобы оно никоимъ образомъ не попало въ чужія руки; поняли вы меня? Ну, а теперь ступайте, и поѣзжайте съ Богомъ. Сейчасъ безъ четверти часъ, къ половинѣ второго ночи вы можете успѣть вернуться сюда обратно вмѣстѣ съ докторомъ Парсевалемъ.

Старый Хозе почтительно поклонился и, повернувшись на каблукахъ, вышелъ, а вслѣдъ за тѣмъ послышался бѣшеный галопъ лошади среди обычной ночной тишины уединенной улицѣ Лярга.

Попросивъ донну Гермозу удалиться въ смежную комнату, донъ Мигуэль подошелъ къ своему товарищу и сталъ уговаривать его не шевелиться и лежать какъ можно тише до пріѣзда врача.

— Надѣюсь,— продолжалъ онъ, — ты одобряешь мой выборъ: я не могъ остановиться на другомъ лицѣ, болѣе надежномъ и преданномъ намъ, чѣмъ докторъ Парсеваль.

— Да, но опять же ты впутываешь въ непріятную исторію бѣднаго доктора. Ахъ, милый Мигуэль, если бы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело, что я невольно такимъ образомъ могу стать причиной гибели красоты и таланта; право же, моя жизнь имѣетъ слишкомъ мало цѣны для того, чтобы ради нея ты ставилъ на карту спокойствіе и благополучіе такой женщины, какъ твоя кузина и такого человѣка, какъ докторъ Парсеваль.

— Сегодня ты божественен, мой дорогой Луи, и не смотря

на то, что въ эту ночь кровь изъ тебя лилась ручьемъ, твои вѣчныя размышленія и сомнѣнія остались при тебѣ. Во-первыхъ, говорю я тебѣ, ни докторъ, ни моя кузина себя нисколько не скомпрометируютъ въ этомъ дѣлѣ, а во-вторыхъ, если бы даже это и случилось, то и тогда что тутъ такого? Въ наше время, когда все наше общество раздѣлилось на двѣ половины — на убійцъ и на жертвъ, всякій изъ насъ, кто только не хочетъ быть убійцей, неизбѣжно долженъ согласиться быть жертвой.

— Да, но, вѣдь, Парсеваль еще не заподозрѣнъ и, призывая его сюда ко мнѣ, ты можешь навести на него подозрѣніе.

— Ахъ, Луи, ты боленъ, дорогой мой, и мозгъ твой плохо работаетъ, дружище; каждый изъ насъ—изъ людей нашего поколѣнія и закваски каждый, обучавшійся въ университетѣ Буэносъ-Айреса, всѣ мы живыя улики противъ доктора Парсеваля, потому что онъ со своей каѳедры вдохнулъ въ насъ всѣ тѣ патріотическія чувства и тотъ энтузіазмъ, которымъ горятъ теперь наши сердца. Онъ вложилъ въ насъ тѣ мысли и воззрѣнія, которыя теперь вдохновляютъ и воодушевляютъ насъ. Всѣ мы, всѣ, всѣ ничто иное, какъ воплощеніе его идей и его духа, и ты сегодня, утопая въ своей крови и съ опасностью жизни рискнувшій бѣжать изъ своей дорогой отчизны, чтобы не выносить жестокой тираніи Розаса, ты тоже, дорогой Луи, воплощеніе идей нашего профессора философіи и... да ба! ба! ба! какими я однако пустяками занимаюсь! болтаю тутъ съ тобой всякія глупости,—воскликнулъ донъ Мигуэль, замѣтивъ двѣ слезы, медленно катившіяся по мертвенно-блѣдному лицу его друга,—ба, ба, ба... ни слова болѣе объ этомъ, дорогой мой, предоставь мнѣ поступать, какъ я знаю; и если чертъ ужъ долженъ насъ побрать, то пусть онъ тащитъ всѣхъ насъ вмѣстѣ; право, Луи, намъ въ аду будетъ ничуть не хуже, чѣмъ теперь въ Буэносъ-Айресѣ. А теперь отдохни немного, я пойду скажу парочку словъ Гермозѣ.

Съ этими словами онъ поспѣшно направился въ маленькій кабинетикъ, усиленно моргая глазами, чтобы скрыть слезу,

набѣжавшую при видѣ слезъ на блѣдномъ лицѣ своего друга.

Впослѣдствіи мы позаботимся поближе ознакомить читателя съ этимъ молодымъ человѣкомъ, столь высокой души и столь чувствительнаго сердца, а покуда мы будемъ продолжать разсказъ.

— Мигуэль,—сказала молодая женщина входившему въ кабинетъ дону Мигуэлю,—я положительно не знаю, что мнѣ дѣлать: и ты, и твой товарищъ, вы всѣ въ крови, и вамъ необходимо перемѣнить платье, а у меня имѣется, вѣдь, только исключительно женское платье—что же намъ дѣлать?

— Черезъ какихъ-нибудь четверть часа все необходимое будетъ у насъ, поэтому ты этимъ не огорчайся, а вотъ поговоримъ и подумаемъ лучше о болѣе существенномъ.

И, помѣстившись рядомъ съ своей кузиной на маленькомъ диванчикѣ, онъ любовно взялъ ее за руку и сказалъ:

— Скажи, пожалуйста, Гермоза, къ кому изъ своихъ слугъ ты питаешь самое неограниченное довѣріе?

— Къ Маріи Юсто, которую я привезла съ собой изъ Тукумана, и къ маленькой Лизѣ.

— Какіе же у тебя еще другіе слуги.

— Кучеръ, поваръ и два старыхъ негра, которые смотрятъ за домомъ.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ завтра же отпустить и разсчитать ихъ всѣхъ съ ранняго утра.

— Развѣ ты думаешь?..

— Нѣтъ, я ничего рѣшительно не думаю, но только сомнѣваюсь; дѣло въ томъ, что, хотя твои слуги должны, по всѣмъ вѣроятіямъ, любить тебя, потому что ты добра, щедра, справедлива и богата, но въ данное время въ нашей странѣ достаточно одного приказанія, которое почему либо пришлось не по вкусу слугѣ, одного неосторожнаго слова въ минуту раздраженія, чтобы превратить этого слугу въ опаснаго смертельнаго врага. Имъ указали путь къ доносу и клеветѣ и они знаютъ, что достаточно одного ихъ слова, чтобы предать цѣлую семью въ руки презрѣнной Масъ-Горки. Венеція во времена Совѣта Десяти не позавидовала бы нашему настоящему

положенію. Бѣлые и негры одинаково развращены этой заразой предательства, только мулаты изъ низшаго класса людей еще могутъ считаться пока исключеніемъ изъ общаго правила, вѣроятно, благодаря тому, что въ этихъ людяхъ такъ сильно развиты любовь и стремленіе къ образованію и просвѣщенію, что невольно заставятъ ихъ ненавидѣть Розаса, какъ врага и гонителя всякаго просвѣщенія и тяготѣть къ унитарамъ, какъ представителямъ интеллигенціи нашей страны. Итакъ, еще разъ прошу тебя, Гермоза, отпусти завтра же всю свою прислугу, за которую не можешь безусловно поручиться; это необходимо въ виду безопасности бѣднаго Луи, моей и даже твоей собственной. Вѣдь не раскаяваешься же ты, что приняла къ себѣ въ домъ этого несчастнаго юношу!

— Ахъ, нѣтъ! нѣтъ!—горячо воскликнула молодая женщина, я и себя, и весь мой домъ, и все мое состояніе предоставляю въ полное ваше распоряженіе!

— Благодарю тебя, Гермоза, и я, и другъ мой, мы, конечно, очень цѣнимъ твое великодушіе и самоотверженность, но эти твои добродѣтели не должны послужить тебѣ во вредъ въ глазахъ нашихъ притѣснителей и губителей. Луи останется у тебя въ домѣ не долѣе, чѣмъ того потребуютъ предписанія врача, я полагаю, дня три-четыре, не болѣе.

— Неужели такъ мало? нѣтъ, это невозможно! быть можетъ раны его серьезны, заставить его такъ скоро встать съ постели- это безбожно! Я человѣкъ свободный, одинокій, живу уединенно, потому что такая жизнь мнѣ нравится; меня лишь очень рѣдко посѣщаютъ кое-кто изъ моихъ немногочисленныхъ друзей весь лѣвый флигель дома пустуетъ, тамъ можно будетъ приготовить прекрасное помѣщеніе для дона Луи совершенно въ сторонѣ отъ моихъ комнатъ.

— Благодарю, благодарю, прекрасная моя Гермоза, но, можетъ быть, дону Луи нельзя будетъ остаться у тебя: -это будетъ зависѣть отъ многаго; я самъ узнаю объ этомъ только завтра. А теперь слѣдуетъ позаботиться о помѣщеніи для нашего больного и о постели для него, съ тѣмъ чтобы я могъ

уложить его сейчасъ же послѣ того, какъ ему сдѣлаютъ первую перевязку.

— Да, да,—отозвалась молодая женщина,—пойдемъ со мной — и, взявъ со стола свѣчу, она пошла быстрыми торопливыми шагами сперва въ свою хорошенькую спальную, а затѣмъ въ уборную, гдѣ умывался передъ тѣмъ донъ Мигуель.

IV. Докторъ Парсеваль.

Донна Гермоза взяла со стола въ уборной большой ключъ и отворила имъ дверь той комнаты, въ которой спала маленькая Лиза, приставленная исключительно къ особѣ своей барыни. Дѣвушка спала крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ. Пройдя мимо нея въ сопровожденіи своего кузена, донна Гермоза отворила еще одну дверь и вышла на внутренній дворъ. Перейдя черезъ дворъ, они очутились на другомъ концѣ дома, противоположномъ тому, въ которомъ жила сама хозяйка. Пройдя темную, т. е. не освѣщенную широкую галлерею, упиравшуюся въ красиво-убранное помѣщеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ удобныхъ и уютныхъ комнатъ, они остановились.

— Вотъ здѣсь,—сказала донна Гермоза, ставя свѣчу на одинъ изъ столовъ,—твоему другу будетъ удобно и покойно; здѣсь жилъ до послѣдняго времени одинъ родственникъ моего покойнаго мужа онъ уѣхалъ всего дня два тому назадъ. Тутъ найдется все, что можетъ понадобиться дону Луи,—добавила, она,—и, раскрывъ бѣльевой шкапъ, достала изъ него свѣжее постельное бѣлье, раскинула тюфякъ и стала настилать кровать съ нѣжной заботливостью и стараніемъ сердечной и доброжелательной женщины, любящей оказать помощь и ласку каждому человѣку.

Тѣмъ временемъ донъ Мигуэль тщательно осматривалъ маленькую гостиную и столовую, выходившую въ сѣни, какъ разъ противъ той комнаты, въ которую онъ вошелъ съ часъ тому назадъ со своимъ раненымъ другомъ на рукахъ.

— Скажи, Гермоза, куда выходятъ окна этой комнаты,—

спросилъ донъ Мигуэль, указывая на окна той комнаты, которая предназначалась для спальни доны Луи.

— На ту галлерею, въ которую входятъ съ улицы, когда подъѣзжаютъ къ главному подъѣзду.

— Ахъ, да, помню, слышишь—шумъ?

— Да... это, кажется, конскій топотъ!—воскликнула молодая женщина съ замираніемъ сердца...—Боже мой! кто бы это могъ быть?!—добавила она чуть слышно, становясь все блѣднѣе и блѣднѣе.

Донъ Мигуэль проворно перенесъ свѣчу въ другую комнату, ставни которой были заперты наглухо и, вернувшись, прильнулъ лицомъ къ самому стеклу окна.

— Это они!—сказалъ онъ,—Парсеваль и Хозе! о, что это за благородная душа этотъ добрѣйшій Парсеваль!

Съ этими словами донъ Мигуэль поспѣшилъ внести снова свѣчу, которую онъ спряталъ изъ предосторожности.

Между тѣмъ Хозе, такъ какъ это, дѣйствительно, былъ онъ и знаменитый докторъ философіи и медицины и вмѣстѣ опытный хирургъ, Хозе отворилъ калитку и, пропустивъ въ нее доктора Парсеваля, самъ повелъ лошадей въ конюшню.

— Спасибо вамъ, дорогой сеньоръ,—сказалъ донъ Мигуэль, выйдя на встрѣчу пріѣзжему до половины двора и съ благодарностью пожимая ему руку.

— Дайте скорѣе взглянуть на Бельграно, другъ мой, никогда въ этихъ случаяхъ не слѣдуетъ терять времени! — прервалъ онъ изліянія благодарности молодого человѣка.

— Сію минуту,—сказалъ донъ Мигуэль, вводя доктора въ ту комнату, гдѣ находилась его кузина; Хозе несъ за докторомъ ящикъ, повидимому, весьма значительнаго вѣса.

— Дорогой докторъ, вы привезли все, что вамъ можетъ быть нужно для перевязки, какъ я о томъ просилъ васъ въ своемъ письмѣ?

— Кажется, что да,—отозвался докторъ, раскланиваясь съ донной Гермозой;—мнѣ понадобятся только одни бинты.

Донъ Мигуэль многозначительно переглянулся съ молодой женщиной, которая тотчасъ же вышла изъ комнаты.

— Вотъ та комната, которая предназначается для Луи: какъ вы полагаете, слѣдуетъ намъ перенести его сюда, прежде чѣмъ вы его осмотрите?

— Это даже необходимо,—отвѣчалъ докторъ, взявъ изъ рукъ Хозе свой ящикъ и ставя его на столъ.

— Хозе, мой другъ,—обратился къ нему донъ Мигуэль,—пойдите покажите вашей госпожѣ, какъ слѣдуетъ нарѣзать бинты для перевязки ранъ, вѣдь, вы это отлично знаете,—не правда ли?

— Такъ точно-съ!—подтвердилъ самодовольно Хозе и вышелъ.

Когда онъ удалился, молодой человѣкъ обратился къ доктору со слѣдующими словами:

— Какъ я уже говорилъ вамъ, докторъ, раны Луи *оффиціальныя*,—и онъ съ намѣреніемъ сдѣлалъ особое удареніе на этомъ словѣ,—онъ—одна изъ намѣченныхъ жертвъ.

Докторъ Парсеваль печально улыбнулся.

— Неужели же вы думаете, что я сразу не понялъ васъ,—сказалъ онъ съ грустью въ голосѣ?! — однако, пойдемте посмотримъ на Бельграно, мой милый Мигуэль.

И мужчины, перейдя черезъ дворъ, вошли въ гостиную, гдѣ лежалъ донъ Луи; казалось, онъ спалъ, но на самомъ дѣлѣ не дремота смыкала его вѣки, а полнѣйшее истощеніе силъ.

Услыхавъ шумъ шаговъ входившихъ, раненый съ трудомъ открылъ глаза и, увидавъ передъ собою доктора Парсеваля, хотѣлъ было сдѣлать попытку приподняться на локтяхъ.

— Не шевелитесь, Бельграно!—остановилъ его докторъ,—здѣсь только врачъ и въ качествѣ таковаго я запрещаю вамъ всякое движеніе.

Онъ присѣлъ на край софы, взялъ больного за кисть руки и нащупалъ пульсъ.

— Прекрасно,—сказалъ онъ нѣсколько секундъ спустя;—теперь мы перенесемъ его въ его комнату.

Въ этотъ моментъ въ гостиную вошли донна Гермоза и Хозе; молодая женщина несла изготовленные ею бинты.

— Такая ширина вамъ кажется достаточной, докторъ?—спросила она.

— Да, сеньора, вполнѣ, теперь мнѣ еще будутъ нужны чашка съ холодной водой и губка.

— Все это вы найдете въ комнатѣ больного, но, можетъ быть, вамъ нужно еще что нибудь?

— Нѣтъ, сеньора, благодарю васъ.

Докторъ взялъ у нея изъ рукъ бинты, а донна Гермоза прочла въ глазахъ Дона Луи выраженіе самой трогательной признательности.

Затѣмъ докторъ и донъ Мигуэль осторожно положили раненаго на кушетку и съ помощью Хозе понесли его въ предназначенную для него комнату, а донна Гермоза, не смѣя слѣдовать за ними, осталась одна въ гостиной.

Блѣдная и взволнованная всѣмъ тѣмъ, что ей пришлось пережить въ эту ночь, она почти безсознательно опустилась въ ближайшее кресло и маленькіе бѣленькіе пальчики ея принялись нервно перебирать колечки каштановыхъ кудрей, спустившихся ей на лобъ и виски, будто она желала разобраться такимъ образомъ въ разнородномъ роѣ мыслей, разомъ нахлынувшихъ на нее. Гостепріимство, гибель и опасность, кровь, самоотверженіе, усталость, состраданіе и восхищеніе —все это поочередно волновало въ эти нѣсколько часовъ ея чуткую и впечатлительную душу. Никогда еще въ теченіе всей своей жизни она не испытывала столько волненій.

Тѣмъ временемъ, пока молодая женщина старалась дать себѣ отчетъ въ томъ, что происходило въ ея душѣ и въ ея мозгу, мы послѣдуемъ за остальными дѣйствующими лицами нашего разсказа въ комнату раненаго.

Когда наконецъ удалось съ большимъ трудомъ раздѣть дона Луи, такъ какъ кровь припеклась къ его одеждѣ, которую пришлось отмачивать и отрывать, докторъ могъ осмотрѣть и самыя раны.

— Это не опасно,—сказалъ онъ, прозондировавъ и тщательно осмотрѣвъ рану въ боку,—оружіе скользнуло по ребрамъ, не задѣвъ никакихъ жизненныхъ органовъ; и эта тоже не опасна, —продолжалъ онъ, осмотрѣвъ рану на плечѣ,—очевидно, сабля была прекрасно отточена и ничего не раздробила; ну, а теперь посмотримъ, что у него съ бедромъ.

При первомъ взглядѣ на эту страшную рану выраженіе глубокаго огорченія омрачило черты доктора. Въ продолженіе болѣе пяти минутъ онъ внимательно изучалъ эту рану, вглядываясь въ порванные и разсѣченные мускулы внутри глубокой широко раскрытой раны.

— Да, это ужасный ударъ!—воскликнулъ онъ,— но ни одинъ изъ сосудовъ не пострадалъ; это только разрывъ тканей и больше ничего,—добавилъ онъ и самъ сталъ омывать раны и дѣлать перевязку съ особымъ вниманіемъ и бережностью, стараясь не причинить напрасной боли раненому.

Вдругъ послышался конскій топотъ у самаго крыльца дома. Всѣ подняли головы и внимательно прислушивались, кромѣ доктора, который невозмутимо продолжалъ свое дѣло.

— Хозе, вы ему самому прямо въ руки передали мое письмо?—спросилъ донъ Мигуель.

— Да, сеньоръ.

— Ну, въ такомъ случаѣ пойдите посмотрѣть, быть не можетъ, чтобъ это былъ кто либо другой, а не мой слуга.

Минуту спустя Хозе вернулся въ сопровожденіи юноши лѣтъ 20 не болѣе; у него было умное лицо съ черными какъ уголь глазами и волосами; несмотря на сапоги и черный галстухъ, его сразу можно было признать за сельскаго уроженца, самаго настоящаго обитателя степи (гаучо).

— Все ли ты привезъ, Тонильо? спросилъ его донъ Мигуэль.

— Все, сеньоръ,—отвѣчалъ юноша и при этомъ положилъ на стулъ громадный узелъ всякаго бѣлья и платья.

Донъ Мигуэль поспѣшилъ развязать его и, доставъ рубашку, перебросилъ ее дону Луи, который съ помощью врача съ большимъ трудомъ надѣлъ ее, послѣ чего больного уложили въ постель.

Затѣмъ донъ Мигуэль, Хозе и Тонильо вышли въ другую комнату. Здѣсь донъ Мигуэль и переодѣлся съ ногъ до головы, въ тоже время давая Хозе различныя указанія относительно того, какъ ему слѣдуетъ держать себя по отношенію къ остальной прислугѣ дома, что ему слѣдуетъ сдѣлать съ окровавлен-

нымъ платьемъ, которое онъ приказалъ немедленно сжечь, а также лично смыть и затереть въ гостиной пятна крови, оставшіяся на полу и т. п.

Донъ Луи тѣмъ временемъ сообщалъ доктору Парсевалю о всемъ томъ, что произошло какихъ нибудь часа три тому назадъ съ того момента, какъ онъ и его товарищи вышли за калитку его дома на улицѣ Белграно.

Тотъ внималъ ему, опустивъ голову на руку, опершись локтемъ на подушки больного, съ озабоченнымъ и скорбнымъ лицомъ.

— Какъ вы полагаете,—спросилъ докторъ,—знаетъ этотъ Кордова ваше имя?

— Я не могу сказать ничего положительнаго, но думаю, что если никто не назвалъ меня при немъ, а этого я положительно не помню, то знать моего имени онъ не можетъ, такъ какъ всѣ переговоры велъ съ нимъ Пальмеро.

— Да... это обстоятельство меня безпокоитъ, признаюсь,—сказалъ донъ Мигуэль, входя въ комнату раненаго,—но, впрочемъ, мы это дѣло выяснимъ завтра же.

— Надо быть очень осмотрительными, друзья мои, и очень осторожными,—замѣтилъ докторъ,—а главное, какъ можно меньше довѣрять прислугѣ.

— Я увѣренъ, что ничего непріятнаго не должно случиться, сеньоръ,— сказалъ донъ Мигуель,—ужъ если Богъ меня послалъ къ нему на помощь въ тотъ критическій моментъ, то, конечно, захочетъ довершить Свое дѣло спасенія. Богъ не дѣлаетъ ничего въ половину.

— Да, будемъ вѣрить въ Бога и въ лучшее будущее, -сказалъ докторъ, переводя свой взглядъ съ Луи Бельграно на дона Мигуэля дель Кампо, своихъ любимѣйшихъ учениковъ, воплотившихъ въ себѣ его завѣтныя идеи и запечатлѣвшихъ въ своихъ сердцахъ его слова и поученія.— Однако, — продолжалъ онъ,—необходимо, чтобы Бельграно отдохнулъ теперь; передъ разсвѣтомъ у него появится лихорадка, неизбѣжная въ такихъ случаяхъ, а завтра, около полудня, я снова пріѣду сюда и посмотрю его.

Парсеваль ласково провелъ своей мягкой нѣжной рукой по влажному лбу больного, какъ это сдѣлалъ бы сыну любящій отецъ, затѣмъ, взявъ его руку, онъ дружески пожалъ ее и вышелъ вмѣстѣ съ дономъ Мигуэлемъ.

— Какъ вы думаете, удастся намъ спасти бѣднаго Луи?

— Жизнь его внѣ всякой опасности, но я боюсь, что выздоровленіе затянется на долго!— отвѣчалъ докторъ.

Они вошли въ гостиную, гдѣ докторъ оставилъ свою шляпу.

Донна Гермоза все еще сидѣла на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы ее оставили.

— Сеньоръ,— сказалъ донъ Мигуэль,— позвольте мнѣ познакомить васъ съ моей кузиной, донной Гермозой Саенцъ де Салабэрри.

— Въ самомъ дѣлѣ,— сказалъ докторъ, обмѣнявшись предварительно нѣсколькими любезностями съ молодою женщиной,— между вами и вашимъ двоюроднымъ братомъ много фамильнаго сходства и, мало того, у васъ съ нимъ много душевныхъ созвучій; даже и въ данную минуту вы страдаете, потому что видите, что страдаетъ другой, а эта тонкость чувства, эта отзывчивость, впечатлительность и чувствительность—выдающіяся черты Мигуэля.

Донна Гермоза замѣтно покраснѣла и отвѣчала нѣсколькими сбивчивыми словами.

Между тѣмъ молодой человѣкъ, пользуясь тѣмъ временемъ, когда докторъ давалъ его кузинѣ кое-какія наставленія относительно ухода за раненымъ, проскользнулъ незамѣтно мимо нихъ въ комнату своего больного друга.

— Луи,— сказалъ онъ,— я долженъ тебя оставить, я поѣду проводить доктора; Хозе останется здѣсь на случай, если тебѣ понадобится что нибудь—мнѣ же нельзя будетъ вернуться сюда ранѣе завтрашняго вечера, такъ какъ мнѣ необходимо оставаться въ городѣ весь день. Впрочемъ, я пришлю узнать о твоемъ здоровьѣ въ продолженіе дня. Разрѣшаешь ты мнѣ отдать твоему слугѣ нѣкоторыя приказанія и сдѣлать кое-какія распоряженія, которыя я найду нужными?

— Да, дѣлай, что знаешь, Мигуэль, только, прошу тебя, не втягивай никого въ мою бѣду.

— Опять ты о своемъ! нѣтъ, Луи, ты умнѣе меня, я не спорю, но во многомъ я стою пятерыхъ такихъ, какъ ты! Нѣтъ ли у тебя какихъ нибудь особыхъ распоряженій или порученій?

— Нѣтъ, никакихъ. Но скажи, просилъ ли ты свою кузину, чтобы она ложилась.

— Ага, ты уже начинаешь безпокоиться о моей кузинѣ!

— Безумный!—отозвался улыбаясь донъ Луи,—ну, поѣзжай и да хранитъ тебя Богъ.

Товарищи обнялись и расцѣловались какъ братья.

Затѣмъ донъ Мигуэль вышелъ, сдѣлавъ знакъ Хозе и Тонильо слѣдовать за нимъ.

— Тонильо,—сказалъ онъ,—возьми вотъ этотъ ящикъ доктора и поди осѣдлай лошадей. Хозе поручаю уходъ за дономъ Луи Бельграно кузинѣ моей, а заботу о ихъ жизни вамъ. Возможно, что тѣ, которые хотѣли убить моего друга, принадлежали къ Народному Обществу, и что нѣкоторые изъ нихъ захотятъ отомстить ему за жизнь тѣхъ, которыхъ онъ уложилъ на мѣстѣ, защищаясь, если только они какимъ нибудь чудомъ узнаютъ, что онъ нашелъ себѣ пріютъ въ этомъ домѣ.

— Конечно, возможно, эти горлодеры могутъ явиться сюда, но клянусь честью стараго солдата, что, пока я живъ, ни одинъ изъ нихъ не переступитъ порога дома моей госпожи, а меня убить не такъ-то просто!

— Хвалю! охъ, если бы только сотня такихъ молодцовъ набралась, я перевернулъ бы здѣсь все къ верху дномъ! До завтра, Хозе, полагаюсь на васъ.

Докторъ стоялъ со шляпою въ рукѣ и прощался съ донной Гермозой, когда донъ Мигуэль вернулся въ гостиную.

— Развѣ мы уже ѣдемъ, сеньоръ?

— Да, мнѣ пора, а вы, Мигуэль, вы должны остаться.

— Извините меня, сеньоръ, но мнѣ необходимо вернуться въ городъ, а потому я и желалъ воспользоваться случаемъ ѣхать съ вами.

— А, въ такомъ случаѣ ѣдемте! – сказалъ докторъ.

— Одну минуту, докторъ! завтра около полудня, Гермоза, я пришлю Тонельо узнать о здоровьѣ Луи, а самъ буду

здѣсь часовъ въ семь вечера. Ты же ложись теперь и отдохни хорошенько, а завтра пораньше утромъ исполни то, о чемъ я тебя просилъ.

— О, я опасаюсь только за тебя и за твоего друга, а за себя не боюсь,—съ живостью воскликнула молодая женщина.

— Да, я это знаю; впрочемъ, ничего не должно случиться, я въ этомъ увѣренъ.

— О, сеньоръ, донъ Мигуэль дель Кампо имѣетъ въ настоящее время громадное вліяніе!—иронически замѣтилъ докторъ.

— Покровительствуемый сеньорами Анхоренасомъ, совѣтникомъ Его Превосходительства сеньора дона Фелиппе и членомъ корреспондентомъ Народнаго Общества Ресторадора,—напыщенно и шутовски продекламировалъ донъ Мигуэль съ такимъ неподражаемымъ комизмомъ, что донна Гермоза и докторъ не могли удержаться отъ смѣха,

— Ну, ѣдемъ же, Мигуэль,—сказалъ докторъ,— пора, другъ мой.

— Ѣдемте, сеньоръ! до завтра, Гермоза!

— Покойной ночи, докторъ,—сказала донна Гермоза, провожая ихъ до самой передней. Проходя мимо окна той комнаты, гдѣ находился донъ Луи, Мигуэль не могъ удержаться, чтобы не заглянуть въ окно, и тамъ увидѣлъ стараго ветерана, сидящаго у изголовья раненаго юноши.

Въ то же самое время донна Гермоза, проводивъ доктора и двоюроднаго брата и вернувшись въ гостиную, невольно бросила взглядъ въ ту сторону, гдѣ помѣщался ея больной гость.

Тѣмъ временемъ наставникъ и его бывшій ученикъ мчались крупнымъ галопомъ по безмолвной и безлюдной улицѣ Ларга, направляясь въ городъ и взбираясь по той самой мѣстности, по которой двѣнадцать лѣтъ тому назадъ мчались эскадроны генерала Лаваля.

У дома доктора Парсеваля всѣ трое придержали коней; здѣсь докторъ и донъ Мигуэль простились, сказавъ другъ другу нѣсколько словъ на ухо. Затѣмъ донъ Мигуэль въ со-

провожденіи своего слуги миновалъ рынокъ, выѣхалъ на улицу Побѣды, свернулъ налѣво и нѣсколько минутъ спустя Тонильо соскочилъ съ коня и широко распахнулъ передъ своимъ господиномъ ворота, въ которыя тотъ въѣхалъ, не слѣзая съ коня.

Донъ Мигуель былъ теперь у себя дома.

V. Переписка.

Сдавъ своего коня на попеченіе того же Тонильо, донъ Мигуэль приказалъ ему не ложиться, а ожидать, пока онъ его позоветъ. Затѣмъ онъ вошелъ въ домъ. Приподнявъ щеколду массивной двери, онъ вошелъ въ большую, красиво убранную комнату, освѣщенную одной бронзовой лампой.

Взявъ эту лампу, онъ перенесъ ее въ смежную комнату, стѣны которой совершенно исчезали за полками и шкафами богатой библіотеки дона Мигуэля.

Эта личность, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ нашего разсказа, былъ человѣкъ лѣтъ двадцати пяти; средняго роста, удивительно пропорціональный, смуглый, съ высокимъ и широкимъ лбомъ, тонкимъ орлинымъ носомъ и немного мясистыми ярко-алыми губами, удивительно выдѣлявшими ослѣпительную бѣлизну его прекрасныхъ зубовъ. Его наружность, и мужественная и вмѣстѣ съ тѣмъ немного надменная, дышала умомъ и добротой при крайней чувствительности и впечатлительности.

Донъ Мигуэль былъ единственнымъ сыномъ дона Антоніо дель Кампо, богатаго гасендадо, т. е. землевладѣльца на югѣ интересы котораго онъ соблюдалъ здѣсь совмѣстно съ сеньорами Анхоренасамъ которые вслѣдствіе своего огромнаго богатства и родственныхъ связей съ Розасомъ пользовались въ то время огромнымъ вліяніемъ въ партіи федералистовъ, захватившихъ тогда власть въ свои руки.

Донъ Антоніо былъ настоящимъ деревенскимъ жителемъ,

въ полномъ значеніи этого слова, и къ тому же человѣкомъ уважаемымъ и прямодушнымъ.

Мнѣнія его были федеральными задолго до Розаса; въ силу этого онъ былъ нѣкогда ярымъ сторонникомъ сперва Лопеца, затѣмъ Доррего, а наконецъ и Розаса, хотя при всемъ томъ положительно не могъ бы объяснить, если бы кто спросилъ его о томъ, почему именно онъ держится этихъ мнѣній. Впрочемъ то же самое смѣло можно сказать о девяти десятыхъ федералистовъ съ 1811 года, когда полковникъ Артигасъ произнесъ слово «федерація» какъ предлогъ для того, чтобы возстать противъ тогдашняго правительства, — и до 1829 г., когда донъ Хуанъ Мануэль Розасъ пустилъ въ ходъ то же самое слово, чтобы въ свою очередь возстать на Бога и на черта.

Однако донъ Антоніо таилъ въ своемъ сердцѣ чувство, еще болѣе сильное и глубокое, чѣмъ его любовь къ федераціи,—а именно любовь къ сыну.

Этотъ сынъ былъ его гордостью, его кумиромъ; съ ранняго дѣтства онъ нанималъ для него самыхъ лучшихъ учителей, преподавателей и воспитателей, чтобы со временемъ сдѣлать изъ него ученаго, литератора или доктора какихъ нибудь высшихъ наукъ.

Въ тотъ моментъ, когда мы его встрѣчаемъ, донъ Мигуэль дошелъ до второго курса юридическаго факультета при университетѣ въ Буэносъ-Айресѣ, но по причинамъ, о которыхъ мы упомянемъ впослѣдствіи, онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ бросилъ посѣщать университетъ.

Онъ жилъ совершенно одинъ въ своемъ домѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, какъ, напримѣръ, въ данный моментъ, когда отецъ присылалъ къ нему гостей изъ числа своихъ деревенскихъ сосѣдей и знакомыхъ.

Послѣдующія событія ближе ознакомятъ насъ съ образомъ жизни и связями дона Мигуэля, который, какъ только онъ вошелъ въ свой кабинетъ поставилъ лампу на бюро, опустился въ большое вольтеровское кресло и погрузился въ глубокія размышленія, которыя длились болѣе получаса.

— Да,—произнесъ онъ наконецъ, порывисто вставъ со своего мѣста и проведя руками по своимъ волосамъ,—да это единственный способъ преградить имъ всѣ пути.

Затѣмъ онъ съ видомъ человѣка положительнаго, не медля и не колеблясь, но и не спѣша, присѣлъ къ своему бюро и написалъ нѣсколько писемъ, которыя онъ затѣмъ перечелъ съ особымъ вниманіемъ.

Вотъ эти письма:

«5-го мая $2^1/_2$ часа утра.

«Сегодня, дорогая моя Аврора, я нуждаюсь во всѣхъ твоихъ талантахъ—такъ же, какъ нуждаюсь всегда въ твоей любви, твоихъ причудахъ и капризахъ, твоихъ минутахъ внезапнаго гнѣва, послѣ которыхъ такъ сладко примиреніе—все это мнѣ необходимо какъ воздухъ, которымъ я дышу!

«Итакъ, дорогая моя, мнѣ теперь необходимо знать, какъ смотрятъ и что говорятъ и какимъ образомъ объясняютъ въ интимномъ кругу донны Августины Розасъ и донны Маріи Хозефы Эзкурра—нѣкоторыя событія, происшедшія въ прошлую ночь на набережной, какіе факты и явленія связываются съ ними, однимъ словомъ все то, что стоитъ въ какомъ либо отношеніи къ этому дѣлу.

«Будь осторожна, особенно съ донной Маріей-Хозефой; старайся не выказать при ней ни малѣйшей тѣни любопытства или желанія узнать подробности этихъ событій, а, напротивъ того, заставь ее разсказать тебѣ все,—въ этомъ-то и должны проявиться твое искусство и ловкость.

«Ты понимаешь, конечно, душа души моей, что весьма важныя причины побуждаютъ меня ко всему этому и что ни твой дѣтскій гнѣвъ, ни твои скоропроходящіе капризы не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ тому, что касается судьбы и участи твоего Мигуэля».

— Бѣдняжка Аврора! —прошепталъ молодой человѣкъ, перечитавъ это письмо. Баа! она быстра какъ молнія и ни одинъ чертъ не угадаетъ ея мысли, если только она захочетъ ее скрыть.

Теперь перейдемъ къ слѣдующему письму; оно было помѣчено нѣсколькими часами позднѣе перваго.

«5-го мая 1840, 9 часовъ утра.

«Сеньоръ, донъ Фелипе Арана!

Мой уважаемый другъ и сеньоръ! Въ то время, какъ вы блюдете и охраняете со свойственной Вамъ энергіей интересы и благополучіе нашего правительства, нѣкоторыя власти, подвѣдомственныя Вамъ, не перестаютъ усиленно противодѣйствовать ему, т. е. правительству, путемъ интригъ и тайной оппозиціи, предавъ забвенію свой долгъ.

«Такъ, напримѣръ, полиція гораздо болѣе заботится о томъ, чтобы доказать свою независимость отъ Васъ, чѣмъ о наблюденіи за тѣмъ, что является прямою ея обязанностью.

«Вы, вѣроятно, знаете, что на прошлой недѣлѣ болѣе сорока человѣкъ эмигрировали безъ вѣдома полиціи и безъ малѣйшаго сопротивленія съ ея стороны, не смотря на ту громадную власть, которой она располагаетъ и что Его Превосходительство г. Ресторадоръ узналъ объ этомъ лишь черезъ Васъ, которому я имѣлъ честь сообщить объ этомъ.

«Въ эту ночь я проходилъ около одиннадцати часовъ вечера по набережной и неподалеку отъ дома сэра Вальтера Спринга замѣтилъ многочисленную группу людей, которые, судя по тому, что они держались вблизи берега, вѣроятно, намѣревались отплыть тайнымъ образомъ. Вотъ Вамъ случай посчитаться съ сеньоромъ Викторика, увѣдомивъ о томъ лично Его Превосходительство, такъ какъ я осмѣлюсь утверждать, что если даже ему и извѣстно о происшедшемъ, то во всякомъ случаѣ ни число бѣглецовъ, ни кто они такіе, ему безусловно не извѣстно и если бы полиція подражала въ смыслѣ дѣятельности и рвенія по службѣ Вамъ, то ей конечно должно было бы быть извѣстно все это.

«Послѣ полудня я буду имѣть честь явиться лично къ Вамъ и полагаю, что къ тому времени Вамъ уже будетъ извѣстно помимо полиціи о всемъ томъ, что произошло въ эту ночь, а также относительно числа и самихъ личностей этихъ эмигрантовъ.

«А до тѣхъ поръ имѣю честь засвидѣтельствовать Вамъ мое нижайшее почтеніе.

Вашъ преданный и нижайшій слуга
Q. S. M. B.
Мигуэль дель Кампо».

— Ахъ, добрѣйшій мой донъ Фелипе! – воскликнулъ молодой человѣкъ, разсмѣявшись отъ всей души совершенно по-дѣтски,—кто бы могъ подумать, что найдется человѣкъ, которому вздумается превозносить твою дѣятельность и рвеніе по службѣ даже въ насмѣшку! Но ничѣмъ не слѣдуетъ въ жизни брезговать, и ты, самъ того не сознавая, сослужишь мнѣ еще и на этотъ разъ службу.

Отложивъ это посланіе въ сторону, онъ принялся строчить другое:

«5-го мая 1840 г.

Сеньоръ Полковникъ Саломонъ, компатріотъ и другъ, я убѣжденъ такъ же, какъ и многіе другіе, что федерація не имѣетъ болѣе надежнаго, чѣмъ Вы и героическій Ресторадоръ законовъ, болѣе вѣрнаго и преданнаго друга и человѣка болѣе рѣшительнаго и предпріимчиваго. Потому то меня особенно огорчаетъ, когда я слышу въ нѣкоторыхъ домахъ, гдѣ мнѣ случается бывать и которые вамъ болѣе или менѣе знакомы, что Народное Общество, достойнымъ президентомъ котораго Вы состоите, недостаточно усердно содѣйствуетъ полиціи въ дѣлѣ преслѣдованія унитаровъ, которые каждую ночь эмигрируютъ цѣлыми партіями, съ тѣмъ чтобы становиться подъ знамена Лаваля.

Ресторадоръ, вѣроятно, весьма огорченъ этимъ, а я въ качествѣ друга Вашего позволю себѣ посовѣтовать Вамъ собрать сегодня же наиболѣе выдающихся федератовъ Народнаго Общества въ вашей квартирѣ, отчасти для того, чтобы они дали вамъ подробный отчетъ о томъ, что имъ извѣстно о тѣхъ лицахъ, которыя только что бѣжали, а также и для того, чтобы обсудить новыя средства для преслѣдованія и запугиванія тѣхъ, которые пожелаютъ послѣдовать примѣру этихъ бѣглецовъ.

«Мнѣ самому лично доставитъ большое удовольствіе присутствовать на томъ собраніи, которое должно будетъ состояться по Вашему приглашенію и при томъ я постараюсь, какъ уже дѣлалъ то много разъ, приготовить для Васъ соотвѣтствующую рѣчь для воодушевленія защитниковъ Ресторадора, хотя и сами Вы, какъ нельзя болѣе, способны составить подобную рѣчь, въ особенности, когда дѣло касается священнаго вопроса федераціи и жизни славнаго возстановителя (Ресторадора) законовъ.

«Въ случаѣ, если Вы согласны созвать это собраніе, благоволите извѣстить Вашего покорнаго слугу и располагать имъ ко благу федераціи. Мигуэль дель Кампо».

— Человѣкъ этотъ сдѣлаетъ все, что я ему скажу,—прошепталъ Мигуэль тономъ полнѣйшей увѣренности;—онъ и всѣ ему подобные растерзали бы Розаса на части, сами того не подозрѣвая, если бы только нашлось трое такихъ людей, какъ я, для того чтобы руководить ими—одинъ въ деревняхъ, другой въ войскѣ, а третій при Розасѣ, — а я повсюду и вездѣ, какъ Господь Богъ или же чертъ...

— Ну, а теперь необходимо написать еще одно письмо,—сказалъ онъ и досталъ изъ потайного ящика своего бюро листъ, сплошь испестренный какими-то условными знаками, послѣ чего принялся писать, поминутно справляясь съ этой бумажонкой, которая лежала тутъ же передъ нимъ на бюро.

Вотъ содержаніе этого послѣдняго письма:

«Буэносъ-Айресъ 5-го мая 1840 г.

Въ эту ночь пятеро изъ нашихъ друзей были захвачены въ тотъ моментъ, когда они готовились сѣсть на судно и отплыть. Саллазаръ, Пальмеро, Сандоваль и Маркэзъ пали подъ ударами наемныхъ казенныхъ убійцъ или, вѣрнѣе, я полагаю, что это такъ въ настоящій моментъ. Одному только какимъ-то чудомъ удалось спастись; если вамъ придется услышать отъ кого нибудь другого объ этомъ, то не упоминайте никакого другого имени, кромѣ тѣхъ, которыя я вамъ сообщилъ».

И, сложивъ его особымъ образомъ, онъ вложилъ его въ конвертъ, запечаталъ и надписалъ адресъ: Z. de 53, Монтевидео;

послѣ чего онъ вложилъ это письмо во второй конвертъ, надписалъ на немъ другой адресъ и, спрятавъ его подъ свою бронзовую чернильницу, дернулъ за шнурокъ сонетки.

Тотчасъ же появился Тонильо.

— Д-да, дѣла не совсѣмъ такъ складываются, какъ бы я того желалъ,—сказалъ донъ Мигуэль съ безпечнымъ видомъ,—воинская повинность стала для всѣхъ обязательной и придется вторично хлопотать для тебя у генерала Пинедо о свидѣтельствѣ, освобождающемъ отъ военной службы, если только ты не желаешь служить.

— Эге! да какъ же я могу желать этого, сеньоръ,—отвѣчалъ Тонильо тягучимъ голосомъ, свойственнымъ деревенскимъ жителямъ,—вообще какъ же я могу...

— Тѣмъ болѣе, что служба теперь будетъ ужасная, вѣроятно, арміи придется пройти походомъ по всей республикѣ, а ты, вѣдь, не привыченъ къ такимъ громаднымъ и утомительнымъ переходамъ; ты и родился и выросъ въ усадьбѣ моего отца и воспитывался всегда при мнѣ при самомъ ласковомъ и нѣжномъ обхожденіи. Мнѣ даже кажется, что я никогда не обидѣлъ тебя.

— Вы, сеньоръ! вы! о когда же это могло случиться!—воскликнулъ Тонильо со слезами на глазахъ.

— Я приставилъ тебя къ своей особѣ, потому что питаю къ тебѣ самое полное довѣріе, вѣдь, ты у меня господинъ надъ всѣми остальными слугами, ты расходуешь столько денегъ, сколько тебѣ вздумается, я даже, кажется, никогда не упоминалъ тебѣ объ этомъ.

— Да, это правда ваша, сеньоръ.

— Ты знаешь, что я ни разу не выписывалъ коня для себя, чтобы не попросить у отца второго подъ Тонильо. Въ цѣломъ Буэносъ-Айресѣ найдется немного такихъ людей, которые бы не позавидовали тѣмъ конямъ, на какихъ ты у меня выѣзжаешь. Тебѣ пришлось бы довольно жутко, если бы насъ съ тобой разлучили.

— Нѣтъ, нѣтъ, сеньоръ, я не хочу служить, пусть лучше меня убьютъ, но только я не разстанусь съ вами.

— Ну, а согласился ли бы ты, чтобы тебя убили изъ-за меня въ минуту какой нибудь опасности, которая могла бы мнѣ грозить?

— Конечно, сеньоръ!—отвѣчалъ Тонильо съ чистосердечіемъ юноши восемнадцати лѣтъ, вдыхавшаго съ первыхъ же дней рожденья вольный воздухъ пампы.

— Я въ этомъ увѣренъ,—отвѣчалъ Мигуэль,—и если-бы не умѣлъ до сихъ поръ читать въ твоемъ сердцѣ, какъ въ открытой книгѣ, то заслуживалъ бы, чтобы всѣ мои замыслы полетѣли къ черту.

Произнося эти слова, донъ Мигуель взялъ со стола три первыя написанныя имъ письма и продолжалъ:

— Нѣтъ, будь покоенъ, Тонильо, тебя не заберутъ въ рекруты; но слушай хорошенько, что я тебѣ теперь скажу. Сегодня въ девять часовъ по утру ты снесешь букетъ цвѣтовъ доннѣ Аврорѣ, и когда она къ тебѣ выйдетъ, чтобы принять его изъ твоихъ рукъ, ты подашь ей вотъ это письмо, но только ей самой, понимаешь ли ты; затѣмъ ты отправишься къ дону Фелипе Аранѣ, которому ты передашь вотъ это письмо;— а послѣ того къ полковнику Саломону, которому ты отдашь третье письмо, — главное, прежде чѣмъ вручать эти письма, прочти внимательнѣе, кому именно онѣ адресованы.

— О будьте покойны, сеньоръ!

— Ну, слушай дальше: исполнивъ эти порученія, ты отправишься къ доннѣ Марселинѣ.

— Къ той-то...

— Ну, да, къ той самой, которую ты тогда днемъ не пустилъ въ нашъ домъ,— и ты былъ правъ тогда,— ну, а сегодня скажи ей, чтобы она сейчасъ же пожаловала ко мнѣ.

— Слушаю.

— Часамъ къ десяти ты долженъ быть назадъ и, если я къ тому времени еще не буду вставши, ты меня разбуди самъ.

— Слушаю, сеньоръ.

— Уходя, прикажи, чтобы меня сейчасъ же разбудили, въ случаѣ, если ко мнѣ кто нибудь придетъ.

— Слушаю, сеньоръ.

— Ну, а теперь еще одно послѣднее слово, и затѣмъ ты можешь идти ложиться; угадываешь ты, что я хочу сказать?

— Да, сеньоръ,—и при этомъ лицо Тонильо приняло удивительно умное и смышленое выраженіе.

— Прекрасно, я очень радъ, что ты это помнишь; не забывай же никогда, что для того, чтобы пользоваться всегда моимъ полнымъ довѣріемъ, ты долженъ быть молчаливъ какъ рыба и увертливъ, какъ ужъ. Помни, что при малѣйшей нескромности съ твоей стороны...

— Этого не бойтесь, сеньоръ!

— Прекрасно, можешь идти.

Тонильо вышелъ, а донъ Мигуэль заперъ за нимъ дверь своихъ комнатъ, выходившихъ во дворъ, и въ три часа утра послѣ этой тревожной и хлопотливой ночи наконецъ предался сну.

VI. Логовище Тигра.

Между тѣмъ какъ все вышеописанное разыгрывалось на улицахъ Буеносъ-Айреса, въ ту же ночь, 4-го мая, другія событія, несравненно болѣе важныя, разыгрывались въ стѣнахъ одного знаменитаго дома на улицѣ Возстановителя. Однако для того, чтобы сдѣлать нашъ разсказъ совершенно понятнымъ для нашего читателя-европейца, необходимо ознакомить его предварительно съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находилась въ ту пору Аргентинская республика.

То была какъ разъ эпоха кризиса въ диктатурѣ генерала Розаса; ему суждено было или пасть всѣми проклинаемымъ и посрамляемымъ, или же возстать въ еще большей силѣ и мощи, смотря по тому, какую развязку получатъ извѣстныя событія.

Гибель, грозившая ему со всѣхъ сторонъ, имѣла слѣдующія три главныхъ основанія: междуусобная война, восточная война и французскій вопросъ.

Южная революція, совершившаяся за шесть мѣсяцевъ до начала этого разсказа, поставила вдругъ Розаса на край ги-

бели. Но безславный конецъ этой революціи, внезапно совершившейся безъ всякаго предварительнаго плана, безъ руководителей и даже безъ опредѣленной цѣли—послужилъ лишь къ тому, что Розасъ возсталъ болѣе сильнымъ и грознымъ изъ этой бѣды, съ большею наглостью и рѣшительностью, чѣмъ когда либо. Какъ и въ большинствѣ подобныхъ случаевъ, этотъ сынъ случая былъ обязанъ всей своею властью и удачей исключительно только глупости своихъ враговъ и противниковъ.

Одинъ-два страшныхъ удара заставили пошатнуться въ самомъ основаніи громадное зданіе его власти: пораженіе арміи въ восточной части государства и походъ генерала Лаваля на провинцію *Entre-rios*.

Побѣда Херуа побудила генерала-освободителя возбудить революціонное движеніе въ *Corrientes*. И 6-го октября 1839 г. весь *Corrientes* возсталъ противъ Розаса какъ одинъ человѣкъ.

Между тѣмъ побѣжденные и разбитые сторонники Розаса укрылись въ окрестностяхъ Параны и съ помощью подкрѣпленій, немедленно присланныхъ имъ Розасомъ со всѣхъ концовъ, здѣсь образовался новый корпусъ арміи, при которомъ находился и бывшій президентъ донъ Мануэль Орибъ.

Тогда генералъ Лаваль удалился изъ провинціи *Corrientes* и со своею арміей, превосходящей численностью, дисциплиной, а главное силой энтузіазма, онъ далъ и выигралъ блестящее сраженіе у *Cristoval*, отбросивъ въ *Bajada* остатки этой второй арміи, которые уцѣлѣли только благодаря страшной грозѣ, послѣдовавшей тотчасъ же послѣ битвы въ ночь, и помѣшавшей генералу Лавалю преслѣдовать ихъ.

Съ другой стороны размѣры революціоннаго движенія возрастали съ каждымъ днемъ въ *Tucuman*, въ *Salto*, *Rioja*, *Catamarca* и *Jujuy*.

Собраніе народныхъ представителей *Tucuman* постановленіемъ отъ 7-го апрѣля того же 1840 г. перестало признавать Розаса губернаторомъ Буеносъ-Айроса и лишало его какъ диктатора дарованныхъ ему ранѣе полномочій въ дѣлахъ внѣшней политики. 13-го апрѣля того же года населеніе провинціи

*

Сальты низложило своего губернатора и возвело на его мѣсто другого, временно избраннаго, отказавшись долѣе признавать Розаса правителемъ и губернаторомъ Буэносъ-Айреса.

Rioja, *Catamarca* и *Jujuy* готовы были со дня на день послѣдовать примѣру провинціи *Tucuman* и *Salta*.

Изъ числа четырнадцати провинцій, входящихъ въ составъ Аргентинской республики, семь были противъ Розаса.

Провинція Буэносъ-Айреса представляла собою нѣчто совершенно особое: вся южная часть провинціи, деревни и усадьбы пустовали вслѣдствіе массовыхъ эмиграцій, явившихся естественнымъ слѣдствіемъ безрезультатной революціи и кровавой мести побѣдителей.

На сѣверѣ вся провинція кишѣла недовольными, и Розасъ зналъ объ этомъ, но не рѣшался дѣйствовать, потому что въ тѣхъ краяхъ не было ни извѣстныхъ Розасу вожаковъ, ни выдающихся оппозиціонистовъ, которыхъ можно было бы назвать по имени, но всѣ голоса безъ исключенія сливались въ одинъ общій гулъ и ропотъ недовольства, предвѣщавшій несомнѣнно какіе нибудь крупные общественные перевороты.

Розасъ хотѣлъ бы одновременно оборотиться лицомъ ко всѣмъ своимъ врагамъ, обступавшимъ его со всѣхъ сторонъ, но повсюду оказывался слабѣе ихъ; онъ исключительно разсчитывалъ на свою смѣлость и наглость.

Въ послѣднихъ числахъ марта генералъ Ла-Мадридъ былъ посланъ Розасомъ для возстановленія почти совершенно утраченной имъ власти въ возставшихъ противъ него провинціяхъ. Будучи почти совершенно одинъ, бывшій соратникъ и сотоварищъ Квироги, не смотря на свое личное мужество, не могъ ничего сдѣлать и не рѣшался проникнуть въ глубь этихъ провинцій, и потому остановился въ Кордовѣ, съ тѣмъ, чтобы набрать сколько нибудь солдатъ.

Розасъ, чтобы оказать помощь Этагу и Орибу, находившимся въ провинціи *Entre-Rios* прибѣгнулъ къ столь крайнему средству, что вывелъ изъ терпѣнія даже и самыхъ невозмутимыхъ и безучастныхъ обитателей провинціи, не говоря уже о жителяхъ города Буэносъ-Айреса: Онъ издалъ указъ согласно

которому и въ мартѣ, и въ апрѣлѣ призывались къ военной службѣ всѣ граждане безъ исключенія: люди всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій, всѣхъ профессій, которые не были извѣстны за ярыхъ федератовъ. Имъ предоставлялся выборъ: или немедленно же отправляться въ качествѣ рядового въ боевую армію или же уплатить деньгами стоимость 10, 12 и даже до 40 залоговъ, при чемъ они еще сверхъ того обязаны были оставаться въ тюрьмѣ или въ казармахъ до полной выплаты всей этой суммы.

Это отвратительное вступленіе къ террору, готовившемуся съ одной стороны, и все возрастающій энтузіазмъ и патріотическое движеніе, волнующее умы всей образованной молодежи, да громкая пропаганда Монтевидеоской печати съ другой стороны, все это вызвало массу эмиграцій среди наиболѣе выдающихся по положенію, состоянію и родовитости гражданъ, предоставляя прибрежье Буэносъ-Айреса кровавой расправѣ кинжаловъ Масъ-Горки. Итакъ, для того, чтобы мочь противостоять генералу Лавалю, оставшемуся побѣдителемъ въ двухъ сраженіяхъ, Розасу оставалось лишь разсчитывать на жалкіе остатки арміи, загнанной въ Парану.

Для усмиренія провинцій у Розаса не было никого кромѣ генерала Ла-Мадрида при извѣстныхъ уже читателю условіяхъ. На всю провинцію Буэносъ-Айресъ Розасъ имѣлъ при себѣ лишь своего брата Пруденсіо, Гранаду, Гонзалеца и Рамиреца во главѣ слабыхъ отрядовъ распущенныхъ, недисциплинированныхъ солдатъ.

Чтобы держать въ страхѣ самый городъ, у диктатора не было ничего, кромѣ Масъ-Горки.

Между тѣмъ еще большія напасти грозили Розасу въ тотъ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь въ нашемъ разсказѣ.

Генералъ Ривера, возгордясь своею побѣдою подъ Кагансхой, тратилъ время на то, что переходилъ со своимъ отрядомъ съ одного конца республики на другой, ни мало не помышляя о томъ, какъ бы воспользоваться плодами своей побѣды на вражеской территоріи. Но быть можетъ, кое-какая мелочность характера мѣшала дѣйствовать единодушно двумъ генераламъ,

одержавшимъ побѣду. А между тѣмъ народное возстаніе въ восточной части республики являлось уже несомнѣннымъ фактомъ. Всѣ жители и граждане республики, отъ перваго и до послѣдняго, сознавали необходимость энергично дѣйствовать противъ Розаса. Со дня на день могли начаться дружныя военныя дѣйствія, и самъ Розасъ прекрасно сознавалъ все это.

Въ концѣ концовъ передъ ресторадоромъ вставала еще власть Франціи.

Съ момента, когда генералъ Ривера былъ сдѣланъ президентомъ восточной республики, заключенъ былъ союзъ между этимъ генераломъ и французскими властями въ Ла-Платѣ съ цѣлью противодѣйствовать общими силами ихъ общему врагу.

До сего момента во всѣхъ дѣйствіяхъ противъ Розаса не было ничего подлаго и безчестнаго; но теперь щепетильность аргентинскихъ эмигрантовъ немного возмущалась этимъ французскимъ вопросомъ: наиболѣе умѣренные изъ нихъ выражали мнѣніе, что считаютъ долгомъ сохранять нейтралитетъ въ интернаціональномъ вопросѣ, разбиравшемся правительствомъ ихъ страны, каково бы ни было внутреннее правленіе ихъ государства,—другіе же, болѣе ярые націоналисты, возмущались нахальствомъ чужестранцевъ. Однако, настойчивое увѣреніе и чистосердечное объявленіе правительства и уполномоченныхъ агентовъ Франціи въ Ла-Платѣ не преминули наконецъ убѣдить эмигрантовъ въ томъ, что французы отнюдь не имѣли въ виду оскорбить національное достоинство аргентинцевъ, ни посягать на ихъ священныя права; что они желали лишь принудить деспота уважать общечеловѣческія, всѣмъ міромъ признанныя права. Тогда образовалась настоящая дружба и прочный союзъ между французскими властями и эмигрантами.

Съ этого времени всѣ стали дружно дѣйствовать противъ Розаса; казалось, общія усилія должны были увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, но, къ несчастію, какъ разъ въ этотъ моментъ французская политика начинала испытывать нѣкоторое колебаніе, внушавшее извѣстныя опасенія.

Господинъ Роже былъ замѣненъ господиномъ Бюше де

Мартиньи, а контръ-адмиралъ Лебланъ контръ-адмираломъ Дюпотэ.

По приказанію этого послѣдняго часть блокады на территоріи Буеносъ-Айреса была снята, вслѣдствіе чего во время командованія адмирала Дюпоте стали вкрадываться первые проблески недовѣрія къ союзникамъ.

Въ февралѣ 1840 года состоялось свиданіе на суднѣ Ея К. В. Королевы Великобританской «Актеонъ» сэра Вальтера Спринга, дона Фелипе Араны и французскаго контръ-адмирала. Свиданіе это дало поводъ къ сильному подозрѣнію. Однако, господинъ Бюше де Мартиньи, которому поручены были дипломатическіе переговоры съ Розасомъ, не смотря на то, что не имѣлъ полномочій отклонить ультиматумъ своего предшественника господина Роже, сумѣлъ такъ ловко уладить это дѣло, что мѣсяцъ спустя послѣ свиданія на «Актеонѣ» онъ рѣшительно отвергъ всѣ смѣлыя—или вѣрнѣе почти наглыя предложенія презрѣннаго диктатора Буеносъ-Айреса.

Адмиралъ де Мартиньи одинъ умѣлъ въ то время упорно отстаивать права и интересы своей страны, несмотря на то, что правительство оказывало ему столь слабую поддержку; онъ одинъ ратовалъ всѣми силами съ по истинѣ удивительною энергіей и энтузіазмомъ за дѣло своихъ союзниковъ противъ Розаса.

Таково было критическое положеніе диктатора, власть котораго, повидимому, съ каждымъ днемъ близилась къ своему закату. Только время отъ времени ему приходилось слышать какія нибудь банальныя утѣшенія отъ сэра Вальтера Спринга *).

Но Англія, не смотря на дальнѣйшія симпатіи своего представителя къ личности Розаса, все же не могла отказать Франціи въ правѣ продолжать поддерживать блокады въ Ла-Платѣ, не смотря даже на то, что англійская торговля отъ этого въ извѣстной степени страдала.

---

*) Настоящее имя уполномоченнаго Великобританіи мы сочли нужнымъ замѣнить другимъ.

Только счастливый случай могъ спасти Розаса и вывести его изъ столь ужаснаго положенія, такъ какъ логическимъ путемъ оно должно было неминуемо окончиться его конечной гибелью.

Таково было положеніе диктатора въ ту ночь, когда произошли вышеописанныя нами событія.

Въ ту же ночь 4-го мая 1840 г. мы вводимъ нашего читателя въ одно изъ зданій на улицѣ Ресторадора.

Въ передней, совершенно темной, спали, растянувшись на полу и закутавшись въ свои пончо, двое гаучо и восемь человѣкъ индійцевъ изъ Пампасовъ, вооруженные *tercerolas* — особый родъ короткихъ карабиновъ, и саблями. Люди эти оставлены были здѣсь сторожить домъ точно сторожевые псы.

На плитахъ, которыми былъ вымощенъ огромный квадратный дворъ, не имѣвшій ни одного фонаря и тонувшій во мракѣ, играли узкія струйки свѣта, вырывавшагося изъ щели не плотно притворенной двери, ведущей въ комнату, по срединѣ которой стоялъ большой столъ, а на немъ всего одинъ подсвѣчникъ съ огаркомъ сальной свѣчи. Вокругъ стола стояло нѣсколько простыхъ стульевъ, на трехъ изъ нихъ валялись скорѣе, чѣмъ сидѣли, трое мужчинъ съ большими длинными усами, въ пончо (плащахъ), накинутыхъ на плечи, всѣ трое подпоясанные саблями.

Всѣ они обладали какими-то особенно отталкивающими физіономіями и непріятнымъ взглядомъ лукавыхъ глазъ: они носили на себѣ тотъ своеобразный отпечатокъ, свойственный исключительно только агентамъ тайной полиціи и сыщикамъ Лондона и Парижа, весь вѣкъ свой озабоченнымъ выслѣживаніемъ разныхъ мерзавцевъ, которыхъ ожидаетъ каторга.

Изъ передней, если повернуть направо, вы попадали въ узкій, продѣланный въ стѣнѣ, ходъ, изъ котораго одна дверь вела направо, другая находилась въ самомъ концѣ прохода а третья вела налѣво.

За этою дверью была комната, не имѣвшая сообщенія ни съ какой другой комнатой; здѣсь сидѣлъ человѣкъ, весь одѣтый въ черное и, казалось, погруженный въ глубокое раздумье.

Дверь въ концѣ коридора вела въ узкую темную кухню, а дверь направо — въ родъ прихожей или пріемной, смежной съ довольно большой залой, въ которой виднѣлся квадратный столъ, накрытый ярко-краснымъ сукномъ, нѣсколько стульевъ вдоль стѣнъ, полная *montura*, брошенная въ уголъ и еще кое-какіе предметы, которые намъ вскорѣ придется описывать подробно, составляли обстановку этой комнаты. Она имѣла два окна съ жалюзи, выходившія на улицу; слѣва къ ней примыкала спальня и затѣмъ еще нѣсколько другихъ комнатъ. Въ одной изъ этихъ послѣднихъ комнатъ, освѣщенной, какъ и всѣ остальныя, нѣсколькими сальными свѣчами, спала какая-то женщина, совершенно одѣтая: ея тѣсно стянутое платье мѣшало ей дышать, но, очевидно, усталость брала свое. Въ комнатѣ съ квадратнымъ столомъ у стола сидѣло четверо мужчинъ: первый изъ нихъ, довольно полный, казался на видъ человѣкомъ лѣтъ 48-ми; его пухлыя румяныя щеки, сжатыя губы, высокій, но узкій сдавленный лобъ, маленькіе глаза, прикрытые тяжелыми вѣками, и темныя, густыя сросшіяся брови дѣлали его наружность отнюдь не привлекательной, а скорѣе наоборотъ. На немъ были очень широкія брюки изъ чернаго сукна, куртка цвѣта коринфскаго винограда и черный галстухъ, обхватывавшій всего одинъ разъ его шею, а на головѣ у него была широкополая соломенная шляпа, которая, въ случаѣ надобности, могла бы совершенно скрыть его черты, но въ данный моментъ она была откинута далеко на затылокъ.

Трое другихъ его товарищей были все молодые люди лѣтъ двадцати пяти—тридцати, скромно и просто одѣтые; двое изъ нихъ были очень блѣдны, съ подведенными отъ усталости или безсонницы глазами; всѣ трое что-то писали.

Человѣкъ въ соломенной шляпѣ читалъ одно за другимъ письма, лежавшія передъ нимъ на столѣ цѣлой кипой.

Въ углу этой комнаты находилась еще одна человѣческая фигура: то былъ маленькій старичокъ лѣтъ 72-хъ, съ блѣднымъ, мрачнымъ и угрюмымъ лицомъ, на которое ниспадали въ безпорядкѣ пряди сѣдыхъ волосъ. Его слабая, плоская

фигура съ едва замѣтнымъ физическимъ недостаткомъ (искривленіемъ спинного хребта), была облечена въ ярко-красный военный мундиръ, мѣдные золоченые эполеты котораго, украшенные густыми массивными кистями, слишкомъ даже массивными въ сравненіи съ хрупкой тщедушной наружностью ихъ владѣльца, свѣсились съ плечъ и висѣли одинъ на груди, а другой на спинѣ. Ярко-пунцовый шелковый *faja*, поясъ, очень засаленный и въ лохмотьяхъ, какъ и самый мундиръ его, все же придерживалъ маленькую шпагу, казавшуюся игрушечной. Панталоны совершенно неопредѣленнаго цвѣта и высокіе сапоги, облипшіе грязью, довершали нарядъ этого маленькаго человѣка, который только тѣмъ и давалъ знать о своемъ существованіи, что поминутно ударялъ своимъ острымъ подбородкомъ себѣ въ грудь, продолжая съ великимъ усиліемъ бороться противъ одолѣвавшей его дремоты.

Въ противоположномъ углу, на полу свернулся какъ змѣя другой человѣкъ. То былъ мулатъ, насколько можно было видѣть, маленькій и толстый, одѣтый въ священную одежду; уткнувшись колѣнами себѣ въ грудь, онъ спалъ глубокимъ, крѣпкимъ сномъ.

Была мертвая тишина.

Но вотъ одинъ изъ секретарей поднялъ голову, оставивъ перо въ чернильницѣ.

— Вы кончили?—обратился къ нему человѣкъ въ соломенной шляпѣ

— Да, превосходительнѣйшій сеньоръ.

— Читайте!

— Въ провинціи *Тисиман*: Марко Авелланеда, Хозе Торрибіо дель Корро, Пьедрабуэна, Хозе Коламбрэ; въ провинціи *Salta*: Торрибіо Тединъ, Хуанъ Франциско Вальдезъ, Бернабэ Лопецъ, Сола.

— Больше никого?

.Никого, превосходительнѣйшій сеньоръ: это имена тѣхъ унитаровъ, которые рѣшились подписать документы 7 и 10 апрѣля текущаго года въ провинціи *Тисиман* и 13 того же мѣсяца въ провинціи *Salta*.

— Тѣ документы, въ силу которыхъ меня отказываются признавать правителемъ и губернаторомъ Буэносъ-Айреса и лишають меня полномочій во внѣшнихъ сношеніяхъ и политикѣ,— сказалъ съ непостижимою улыбкой этотъ человѣкъ, котораго именовали превосходительнѣйшимъ сеньоромъ, но который въ дѣйствительности былъ ни кто иной, какъ тиранъ диктаторъ Аргентинской республики, генералъ Хуанъ Мануэль Розасъ.

— Прочтите мнѣ выдержки изъ сообщеній, присланныхъ сегодня,—продолжалъ онъ.

— Изъ *Rioja* отъ 15-го числа сего апрѣля сообщаютъ, что измѣнники Брицуела, такъ называемый губернаторъ, и Франциско Эрзильбенгоа, такъ называемый секретарь, въ сообществѣ Хуана Антоніо Кармона и Лоренцо Антоніо Бланко, такъ называемыми президентомъ и секретарями собранія, готовятся утвердить и скрѣпить своею подписью новый вердиктъ, которымъ перестаютъ признавать за правителя и губернатора Буэносъ-Айреса уполномоченнаго во внѣшнихъ политическихъ и иныхъ сношеніяхъ, славнаго «возстановителя законовъ», правителя и губернатора провинціи Буэносъ-Айреса, дона Хуана Мануэля Розаса, и все это по наущенію Кабесиллы, унитара Марко Авеланеды, названнаго начальника сѣверной линіи.

— Брицуела! Эрзильбенгоа! Кармона! Бланко! — повторилъ Розасъ, вперивъ свои зрачки въ ярко-красное сукно скатерти, какъ будто онъ желалъ огненными буквами запечатлѣть въ своей памяти эти имена;—продолжайте,—вымолвилъ онъ, спустя нѣсколько времени.

— Изъ Катамарки отъ 16-го апрѣля сообщаютъ, что унитаръ Антоніо Дульсе, названный президентъ собранія и Хозе Кобасъ, названный губернаторъ, намѣреваются обнародовать такой законъ, въ силу котораго славный возстановитель законовъ и губернаторъ провинціи Буэносъ-Айреса донъ Хуанъ Мануэль Розасъ отнынѣ будетъ признаваться измѣнникомъ.

— О! о... я имъ задамъ!—сказалъ Розасъ, сжавъ губы и раздувъ ноздри, какъ хищный звѣрь.—Посмотримъ,—обратился онъ къ другому секретарю,—подайте мнѣ сюда актъ *Jujuy* отъ

тринадцатаго апрѣля. Прекрасно, теперь прочтите мнѣ списокъ тѣхъ лицъ, которыя подписались подъ нимъ.

Секретарь прочелъ 42 имени, наиболѣе уважаемыхъ и чтимыхъ въ странѣ, тогда какъ Розасъ сличалъ ихъ по самому документу, который онъ держалъ въ рукахъ.

— Прекрасно, — сказалъ Розасъ, возвращая бумагу секретарю.—Подъ какимъ названіемъ заносите вы эти бумаги?

— Сообщенія изъ провинцій, находящихся во власти унитаровъ, какъ Ваше превосходительство изволили приказать.

— Я этого не приказывалъ, повторите!

— Сообщенія изъ провинцій, находящихся во власти измѣнниковъ-унитаровъ,—сказалъ молодой человѣкъ, поблѣднѣвъ до того, что у него даже самыя губы побѣлѣли.

— Я этого не приказывалъ, начинайте повторять снова.

— Но... сеньоръ...

— Что сеньоръ? Ну же, говорите отчетливѣе и громче, для того чтобы вы это и впредь помнили и не смѣли забывать: сообщенія изъ провинцій, находящихся во власти дикихъ унитаровъ.

— Сообщенія изъ провинцій, находящихся во власти дикихъ унитаровъ,—повторилъ молодой человѣкъ первымъ, вибрирующимъ, металлически звонкимъ голосомъ, заставившимъ старичка въ красномъ мундирѣ вдругъ раскрыть глаза, не смотря на то, что онъ успѣлъ уже окончательно заснуть.

— Вотъ какъ я требую, чтобы ихъ называли впредь, я уже разъ приказывалъ вамъ это! *дикіе*, слышите ли вы? дикіе унитары.

— Да, превосходительнѣйшій сеньоръ, дикіе.

— Вы кончили?—обратился генералъ къ третьему секретарю.

— Да, превосходительнѣйшій сеньоръ.

— Читайте.

Секретарь сталъ читать слѣдующее:

«Да здравствуетъ Аргентинская конфедерація!

«Да погибнутъ дикіе унитары!

„Буэносъ-Айресъ, 4 числа мѣсяца Америки 1840 г., 31-го числа мѣсяца Свободы, 25 числа мѣсяца Независимости и 11-го числа мѣсяца Аргентинской конфедераціи".

„Отъ адъютанта Его Превосходительства главнокомандующему 2-го корпуса, полковнику дону Антоніо Рамирецу.

„Нижеподписавшійся получилъ предписаніе отъ превосходительнѣйшаго сеньора, губернатора провинціи, нашего славнаго возстановителя законовъ дона Хуана Мануэля Розаса увѣдомить вашу милость о томъ, что Его Превосходительство нашелъ нужнымъ, чтобы, когда ваша милость будетъ давать отчетъ о количествѣ войскъ, входящихъ въ вашъ отрядъ, ваша милость объявляла бы число вдвое большее, чѣмъ на самомъ дѣлѣ и при этомъ прибавляла, что половина этихъ людей линейныя войска и что всѣ солдаты воодушевлены самыми горячими федеральными чувствами; предписывается вашей милости держать это отнынѣ постоянно въ памяти.

„Да сохранитъ Господь вашу милость на многіе годы".

— Такъ, такъ,—сказалъ генералъ, взявъ изъ рукъ секретаря эту депешу.—Эй! крикнулъ онъ, обративъ голову въ ту сторону, гдѣ прикурнулъ скорчившись старикашка въ красномъ мундирѣ; тотъ, какъ будто по немъ прошелъ электрическій токъ, вскочилъ и подошелъ къ столу со шпагой за спиной и однимъ эполетомъ на груди, а другимъ сзади.—Ты спалъ, гмъ! спалъ, старый лѣнтяй, говори!

— Простите ваше превосходительство...

— Брось эти извиненія и подпиши вотъ эту бумагу, на!

Старичекъ взялъ перо изъ рукъ Розаса и въ концѣ депеши написалъ дрожащей рукою „Мануэль Корваланъ".

— Ты бы долженъ былъ научиться лучше писать, когда былъ въ Мендозѣ,—сказалъ Розасъ, смѣясь надъ почеркомъ Корвалана; но тотъ не отвѣчалъ ни слова и продолжалъ неподвижно стоять у стола. — Скажите мнѣ, сеньоръ генералъ Корваланъ,—продолжалъ вышучивать Розасъ,—что вамъ отвѣтилъ Симонъ Перейра?

— Что солдатскія сукна не могутъ болѣе доставляться по той же цѣнѣ, а повысились теперь въ своей стоимости на 30 процентовъ противъ прежняго.

— Баа!—воскликнулъ Розасъ, повернувъ свой стулъ и очутившись носъ съ носомъ съ Корваланомъ,—завтра въ двѣнад-

цать часовъ дня вы отправитесь къ нему, при всѣхъ вы сдѣлаете ему вотъ это отъ моего имени, повторяя ему при каждомъ словѣ, что это я ему посылаю, понялъ ты меня?

— Да, превосходительнѣйшій сеньоръ.

— Ну ка, какъ ты это сдѣлаешь?

— Сеньоръ губернаторъ посылаетъ вамъ вотъ это!—повторилъ онъ трижды, при чемъ онъ каждый разъ ударялъ ладонью по другой рукѣ выше локтя съ необычайной серьезностью.

Розасъ громко расхохотался, секретари не могли сдержать улыбки, но адъютантъ его превосходительства сохранилъ полнѣйшую неподвижность въ чертахъ.

— Скажите мнѣ, генералъ, въ которомъ часу прибылъ тотъ докторъ, что сидитъ тамъ?

— Въ полдень, превосходительнѣйшій сеньоръ.

— Спрашивалъ онъ что нибудь?

— Одинъ разъ стаканъ воды и два раза огня.

— Что онъ говорилъ?

— Ничего, сеньоръ.

— Хорошо, снесите ему это прошеніе, которое онъ мнѣ подалъ вчера; скажите ему, чтобы онъ его измѣнилъ и чтобы онъ поставилъ заглавную строку, которой здѣсь не хватаетъ и чтобы въ другой разъ не забывалъ приказовъ правительства.

— Позволить ему удалиться?

— Да, онъ уже болѣе двѣнадцати часовъ просидѣлъ безъ крохи во рту, и вѣрно натерпѣлся страха; это научитъ его въ другой разъ уважать мои приказанія.

Корвалапъ вышелъ, съ тѣмъ чтобы исполнить порученіе, возложенное на него по отношенію къ человѣку, одѣтому во все черное, котораго мы уже видѣли сидящимъ въ грустной задумчивости одинъ одинешенекъ въ отдѣльной комнатѣ.

VII. Логовище Тигра.

Съ минуту продолжалось молчаніе, затѣмъ Розасъ продолжалъ, обращаясь къ одному изъ секретарей.

— Сообщенія изъ Монтевидео выписаны?

— Да, превосходительнѣйшій сеньоръ.

— А свѣдѣнія, полученныя отъ полиціи?

— Записаны, какъ ваше превосходительство изволили приказать.

— Въ которомъ часу должно было состояться отплытіе?

— Въ десять часовъ.

— Теперь ужъ четверть перваго,—сказалъ генералъ, посмотрѣвъ на свои часы и вставая съ мѣста,—они, какъ видно, побоялись, струсили. Вы можете удалиться,—обратился онъ къ секретарямъ.—Эхъ, чортъ возьми! что это?—воскликнулъ онъ, увидавъ человѣка, спавшаго свернувшись клубкомъ въ углу комнаты, укутаннаго священническимъ плащемъ.—Эй, Padre Vigua! проснитесь! — крикнулъ онъ, сопровождая эти слова злобнымъ и сильнымъ пинкомъ ногою въ бокъ спящаго человѣка.—Эй, ваше преподобіе!

Страшно вскрикнувъ отъ боли, тотъ разомъ вскочилъ на ноги, путаясь въ своемъ подрясникѣ.

Секретари одинъ за другимъ вышли, любезно улыбаясь милой шуткѣ его превосходительства.

И вотъ Розасъ остался одинъ съ этимъ мулатомъ низенькаго роста, коренастымъ, заплывшимъ жиромъ, широкоплечимъ, съ огромной головой и совершено плоскимъ сдавленнымъ лбомъ и короткимъ широкимъ, точно расплющеннымъ носомъ, въ безобразныхъ и безформенныхъ чертахъ лица котораго читалась самая низкая степень умственнаго развитія, граничившая почти съ идіотизмомъ.

Человѣкъ этотъ, одѣтый въ священническія одежды, былъ однимъ изъ двухъ полуидіотскихъ существъ, которыми развлекался Розасъ.

Побитый и испуганный мулатъ глупо смотрѣлъ въ лицо своего господина, потирая плечо.

Розасъ, въ свою очередь, глядѣлъ на него со смѣхомъ въ тотъ моментъ, когда вернулся генералъ Корвалапъ.

— Что вы на это скажете, генералъ, его священство изволили спать, тогда какъ я работалъ!

— Это очень дурно,—отвѣчалъ адъютантъ все съ тѣмъ же невозмутимымъ видомъ.

— И потому, что я его разбудилъ, онъ сердится.

— Онъ меня побилъ,—сказалъ мулатъ глухимъ жалобнымъ голосомъ, осклабивъ блѣдныя губы, за которыми виднѣлось два ряда очень мелкихъ острыхъ зубовъ.

— Это не бѣда, Padre Vigua. То, что мы сейчасъ будемъ кушать, приведетъ ваше священство въ прекрасное расположеніе духа. Докторъ этотъ ушелъ, Корвалапъ?

— Да, сеньоръ.

— Онъ ничего не сказалъ?

— Ничего.

— Въ какомъ положеніи этотъ домъ?

— Въ надежномъ: въ передней восемь человѣкъ, въ бюро три адъютанта и во дворѣ пятьдесятъ человѣкъ солдатъ.

— Хорошо, иди теперь въ бюро.

— А если явится начальникъ полиціи?

— То онъ вамъ скажетъ, что ему будетъ угодно.

— А если начальникъ....

— А если самъ чертъ явится, то пусть онъ вамъ скажетъ, что ему будетъ угодно,—рѣзко прервалъ его Розасъ!

— Это прекрасно, превосходнѣйшій сеньоръ!

— Слушай меня!

— Да, сеньоръ.

— Если придетъ Куитиньо, то предупреди меня.

— Хорошо.

— Ну, а теперь ступай, хочешь, можетъ быть, ѣсть?

— Благодарю, ваше превосходительство, я уже ужиналъ.

— Тѣмъ лучше для тебя. Пошелъ вонъ!

И Корвалапъ побѣжалъ со всѣхъ ногъ въ ту большую комнату,

въ которой валялись на стульяхъ тѣ трое непріятнаго вида мужчинъ, которыхъ мы уже раньше видѣли. Комнату эту старичокъ называлъ бюро, быть можетъ, потому, что при началѣ своего управленія Розасъ устроилъ въ ней комиссаріатское бюро, но теперь это помѣщеніе служило курильной комнатой и вмѣстѣ дежурной-караульной, т. е. кардегардіей для адъютантовъ генерала Розаса, который, перевернувъ весь порядокъ политики внѣшней и внутренней, точно также превращалъ день въ ночь и ночь въ день, посвящая ее своимъ трудамъ, трапезамъ и удовольствіямъ.

— Мануэла!—крикнулъ Розасъ, какъ только удалился Корваланъ.

И, продолжая звать, онъ вошелъ въ смежную комнату, освѣщенную одной сальной свѣчей, нагорѣвшей до такой степени, что она почти не давала уже никакого свѣта.

— Татита!—отозвался изъ ближайшей комнаты чей-то голосъ, и вслѣдъ затѣмъ молодая женщина, которую мы уже видѣли спящей во всемъ своемъ нарядѣ, появилась на порогѣ, потирая глаза.

То была женщина лѣтъ двадцати двухъ или трехъ, не болѣе, высокаго роста, чрезвычайно стройная и граціозная въ высшей степени; черты ея лица тонкія и прекрасныя, какъ у античной статуи, казались еще краше отъ кроткаго и умнаго выраженія большихъ черныхъ глазъ и какой-то неуловимой прелести улыбки.

Лицо ея имѣло тотъ особый оттѣнокъ блѣдности, который свойственъ людямъ, живущимъ главнымъ образомъ чувствомъ и сердцемъ; ея немного низкій лобъ отличался однако очень красивой формой, а густые шелковистые черные волосы, обрамлявшіе ея личико, заставляли еще рельефнѣе выдѣляться ея тонкія красивыя черты; чрезвычайно живые, блестящіе черные глаза и тонкій изящный носикъ съ подвижными ноздрями и немного большой ротъ съ прекрасными зубами, постоянно мелькавшими между полуоткрытыми, прелестно очерченными губами, придавали ея лицу что-то капризное, прихотливое, своевольное что какъ-то особенно шло къ ней.

Эта женщина была дочь Розаса.

— Ты уже спала, не такъ-ли?—привѣтствовалъ ее генералъ,—смотри, я на дняхъ выдамъ тебя замужъ за Вигуа, для того чтобы вы поддерживали другъ другу компанію и спали вмѣстѣ. Марія Хозефа пришла?

— Да, татита (папочка), она оставалась до половины одиннадцатаго.

— А еще кто?

— Донна *Pascuala* и *Pascualita.*

— Съ кѣмъ же онѣ ушли?

— Мансилла ихъ провожала.

— И больше никто не былъ?

— *Picolet.*

— Аа!.. *Carcaman*,—негодный,—онъ за тобой пріударяетъ, хмъ?

— Не за мной, а за вами, татита.

— А Гринго,—этотъ еретикъ,—не приходилъ?

— Нѣтъ, сеньоръ, у него нынче ночью музыкальный вечеръ, слушаютъ какого-то замѣчательнаго піаниста.

— А кто его приглашенные?

— Все англичане, я полагаю.

— Ну, въ такомъ случаѣ надо думать, что они теперь въ самомъ отмѣнномъ видѣ.

— Хотите кушать, татита?

— Да, прикажи давать ужинъ.

Между тѣмъ какъ донна Мануэла удалилась во внутренніе покои, Розасъ присѣлъ на край кровати, которая была его собственной, снялъ съ себя сапоги, которые у него были обуты на босую ногу, нагнулся, досталъ изъ-подъ кровати пару старыхъ стоптанныхъ туфель и, предварительно обтеревъ ноги, обулся, затѣмъ, запустивъ руку за пазуху, отстранилъ тонкой работы плотную кольчугу, ниспадавшую по самыя бедра, съ видимымъ наслажденіемъ сталъ почесываться. Въ продолженіе болѣе пяти минутъ онъ занимался этимъ дѣломъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ и выраженіемъ полнѣйшаго физическаго наслажденія: видимо, это былъ грубый, неотесанный человѣкъ,

державшійся, не смотря на свое высокое положеніе, привычекъ простолюдиновъ.

Вскорѣ вернулась его дочь и объявила, что ужинъ поданъ.

Дѣйствительно, въ ближайшей комнатѣ столъ былъ уже накрытъ: ужинъ генерала состоялъ изъ почтеннаго куска жаренаго мяса, жареной же утки, большого блюда пирожнаго крэмъ, т. е. битыхъ сливокъ и блюда *dulces*, т. е. сластей. Что же касается винъ, то передъ однимъ изъ приборовъ стояли двѣ бутылки стараго бордо.

Старая мулатка, давнишняя и единственная кухарка Розаса, стояла съ блюдомъ въ рукахъ.

Генералъ пронзительнымъ голосомъ позвалъ своего капеллана, который успѣлъ уже снова заснуть крѣпкимъ сномъ, прислонясь спиной къ стѣнѣ въ кабинетѣ его превосходительства, и затѣмъ сѣлъ за столъ.

— Хочешь жаркого?—спросилъ онъ у дочери, кладя себѣ на тарелку огромнѣйшій кусокъ мяса.

— Нѣтъ, татита.

— Ну, такъ кушай утку.

И пока молодая дѣвушка, отдѣливъ крыло утки и скорѣе изъ приличія, чѣмъ изъ желанія кушать, принялась разрѣзать его, самъ Розасъ съ ненасытною жадностью уничтожалъ кусокъ за кускомъ сочное мясо, не забывая при этомъ опоражнивать по большому стакану вина вслѣдъ за каждымъ кускомъ жаркого.

— Садитесь къ столу, ваше приподобіе,—обратился Розасъ къ Вигуа, пожиравшему глазами разставленныя на столѣ блюда.

Онъ не заставилъ себя просить вторично.

— Наложи ему, Мануэла,—сказалъ генералъ.

Молодая дѣвушка положила на тарелку котлету и передала ее мулату, который кинулъ на нее злобный взглядъ, взглядъ голоднаго звѣря. Розасъ замѣтилъ этотъ взглядъ.

— Что съ вами, *Padre Vigua*?—спросилъ онъ,—почему смотрите вы съ такою ненавистью на мою дочь?

— Она дала мнѣ одну кость,—отвѣчалъ ворчливо-плаксивымъ голосомъ мулатъ, запихивая въ ротъ громадную краюху хлѣба.

— Что это значитъ? Какъ же ты не заботишься о томъ, кто долженъ на дняхъ благословить твой брачный союзъ со славнымъ португальскимъ гидальго, сеньоромъ дономъ Гомецомъ де Кастро, который подарилъ вчера два золотыхъ его преподобію?! Это очень дурно съ твоей стороны, Мануэла; встань сейчасъ и поди поцѣлуй у него руку, чтобы онъ простилъ тебя.

— Хорошо, завтра я поцѣлую руку у его преподобія!— улыбаясь отвѣтила молодая дѣвушка.

— Нѣтъ, не завтра, а сейчасъ.

— Ну, зачѣмъ, татита?—взмолилась донна Мануэла не то серьезно, не то шутя, какъ бы не понимая дѣйствительнаго намѣренія отца.

— Мануэла, я приказываю тебѣ поцѣловать руку у его преподобія.

— Нѣтъ!—рѣшительно отказалась она.

— А я говорю, *да*.

— Ахъ, татита!

— Падрэ Вигуа, встаньте вы и пойдите поцѣлуйте ее прямо въ губы.

Мулатъ послушно всталъ изъ-за стола, оторвалъ своими острыми зубами огромный кусокъ отъ своей котлеты и пошелъ обходить столъ; Мануэла устремила на него свой взоръ, исполненный такого презрѣнія, надменности и гнѣва, что эта безобразная масса не дерзнула подойти къ ней ближе, если бы только не присутствіе здѣсь грознаго Розаса, который не терпѣлъ ослушанія.

И такъ, мулатъ приблизился къ молодой дѣвушкѣ, которая, чувствуя и сознавая свою беззащитность въ этотъ моментъ, закрыла лицо руками, чтобы уберечь себя отъ оскверняющаго поцѣлуя, которому ее насильственно подвергалъ отецъ.

Но эти маленькія ручки не могли защитить всей ея головы, и мулатъ, которому гораздо больше хотѣлось ѣсть, чѣмъ цѣловаться, удовольствовался тѣмъ, что приложился своими жирными губами къ волосамъ молодой дѣвушки.

— Какая жъ вы скотина, ваше преподобіе!—воскликнулъ

Розасъ, покатившись отъ смѣха;—развѣ такъ цѣлуютъ женщинъ! А ты-то, ахъ ты лицемѣрка! если бы то былъ красивый юноша, ты ужъ навѣрное не побрезговала бы имъ.

Съ этими словами онъ налилъ себѣ и выпилъ еще стаканъ вина, между тѣмъ какъ дочь его украдкой утирала слезы, вызванныя досадой и гадливостью.

Въ то же время генералъ кушалъ съ такимъ аппетитомъ, который по истинѣ дѣлалъ честь его здоровому желудку и удивительной помѣстительности послѣдняго, а также мощной организаціи этого человѣка, на котораго умственные труды и заботы ни мало не вліяли. Жареное мясо, утка, крэмъ и *dulces*, все было уничтожено генераломъ и не замѣчалось, чтобы аппетитъ его превосходительства сколько нибудь ослабъ или уменьшился; въ то же время генералъ не переставалъ шутить и разговаривать съ Вигуа, которому онъ время отъ времени бросалъ на тарелку какой нибудь кусокъ.

Наконецъ онъ снова обратился къ дочери, которая продолжала упорно хранить молчаніе, не смотря на то, что, судя по игрѣ ея подвижной физіономіи, видно было, что въ головкѣ ея роились тревожныя мысли.

— Тебѣ былъ гадокъ этотъ поцѣлуй?

— Могло ли быть иначе?—воскликнула она съ нервною живостью,—васъ, кажется, особенно забавляетъ унижать меня съ самими низкими тварями, — что изъ того, что онъ сумасшедшій или идіотъ? Ензебіо, вѣдь, тоже дуракъ и сумасшедшій, а вѣдь, изъ-за него я стала посмѣшищемъ всего города, когда ему пришла дикая мысль обнять и поцѣловать меня на улицѣ и когда никто не посмѣлъ остановить его, потому что онъ дуракъ и шутъ губернатора.

— Да, это правда, но, вѣдь, ты знаешь также, что я приказалъ всыпать ему двадцать пять плетей и что онъ до будущей недѣли просидитъ въ тюрьмѣ.

— Вотъ прекрасно! Что же, вы думаете, что, если вы такъ наказали его, мнѣ можно забыть то дурацкое положеніе, въ какое я была поставлена этимъ дуракомъ?! Или же, если вы велѣли дать ему двадцать пять плетей, всѣ перестанутъ

судить и рядить обо мнѣ и осыпать меня насмѣшками всякаго рода?! Я еще понимаю, что вы забавляетесь съ этими шутами—вѣдь, они ваше единственное развлеченіе,—но тѣ вольности, какія вы позволяете имъ со мной въ вашемъ присутствіи, дѣлають ихъ непочтительными ко мнѣ вездѣ, гдѣ бы я ихъ не встрѣтила; я бы еще пожалуй согласилась равнодушно выслушивать то, что имъ вздумается говорить, но какое удовольствіе вы можете находить въ томъ, что они оскверняютъ меня своимъ прикосновеніемъ, которое меня такъ бѣситъ и раздражаетъ?

— То псы твои, которые къ тебѣ ласкаются?

— Псы!—воскликнула донна Мануэла, гнѣвъ которой усиливался по мѣрѣ того, какъ досада, накипѣвшая у нея на сердцѣ, вырывалась наружу словами, — мои псы, говорите вы, они по крайней мѣрѣ слушались бы меня! собака была бы вамъ полезнѣе, чѣмъ это животное въ человѣческомъ образѣ, потому что собака могла бы защитить васъ въ случаѣ того ужаснаго несчастія, которое мнѣ всѣ пророчатъ.

Донна Мануэла смолкла. Внезапное облако омрачило черты Розаса при послѣднихъ словахъ дочери; но, погодя немного, онъ спросилъ совершенно покойнымъ голосомъ.

— А кто именно пророчитъ тебѣ это?

— Да всѣ, рѣшительно всѣ, сеньоръ,—отвѣчала донна Мануэла, гнѣвъ которой успѣлъ уже пройти,—всякій, кто только приходитъ сюда, кажется, считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ пугать меня разными заговорами и опасностями, которыя васъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ.

— На какую опасность намекаютъ они тебѣ?

— О, конечно, никто не говоритъ мнѣ о томъ ни слова, никто не смѣетъ говорить о войнѣ и о политикѣ, но всѣ они говорятъ объ унитарахъ, какъ о людяхъ, способныхъ сдѣлать во всякое время неожиданный переворотъ и покуситься на вашу жизнь, всѣ совѣтуютъ мнѣ не оставлять васъ одного и самой запирать всѣ двери и окна и всѣ кончаютъ тѣмъ, что предлагаютъ мнѣ свои услуги, что впрочемъ, можетъ быть, никто не дѣлаетъ честно и отъ души.

— Почему же ты это думаешь?

— Почему? Да неужели вы сами думаете, что эти Харридосъ, Торресъ, Арана, Гарсія, что всѣ эти люди, желая быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ вами и потому, посѣщая нашъ хомъ, способны рискнуть для васъ своей жизнью? Нѣтъ, если они и опасаются несчастія для васъ, то вовсе не ради васъ, а ради себя самихъ.

— Ты, можетъ быть, и права,—спокойно замѣтилъ Розасъ, вертя въ рукахъ тарелку стоявшую передъ нимъ,—но если унитары не убьютъ меня въ этомъ году, то уже въ слѣдующіе года они, навѣрное, не убьютъ меня. Однако ты свела разговоръ на другую тему, ты разсердилась за то, что его преподобіе поцѣловалъ тебя; я хочу, чтобы ты помирилась съ нимъ. Отецъ Вигуа, — обратился онъ къ мулату, пресерьезно занятому вылизываніемъ блюда *dulces*; *Padre* Вигуа, поцѣлуйте дочь мою дважды для того, чтобы она перестала гнѣваться и и была впередъ милостливѣе!

— Нѣтъ, татита!—воскликнула молодая дѣвушка, поднявшись съ мѣста съ выраженіемъ ужаса и съ крайнимъ и омерзѣніемъ глядя на это чудовищное существо, уста котораго должны были коснуться ея устъ подъ тѣмъ пустымъ предлогомъ, что малѣйшая воля ея отца, во что бы то ни стало, должна быть исполнена.

— Поцѣлуйте же, ее Padre!

— Поцѣлуйте меня!—сказалъ мулатъ, подойдя къ молодой дѣвушкѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказала она, быстро отстраняясь.

— Поцѣлуйте меня!

— Поймайте ее, *Padre*!—крикнулъ Розасъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! вскричала донна Мануэла съ негодованіемъ, вырываясь отъ безобразнаго мулата.

Во время ея отчаянныхъ усилій избѣжать объятій чудовища при громкомъ смѣхѣ Розаса, подстрекавшаго Вигуа, во время упорной погони его за дѣвушкой, блѣдной, растрепанной, съ расширившимися непомѣрно зрачками, все увертывавшейся отъ своего преслѣдователя, вдругъ раздался топотъ повидимому, довольно многочисленнаго отряда конныхъ людей

мчавшихся, на сколько о томъ можно было судить по звуку, во весь опоръ.

По знаку Розаса и Вигуа и Мануэла остановились, какъ вкопанные на томъ мѣстѣ, гдѣ находились въ тотъ моментъ, испуганные и встревоженные.

Такимъ образомъ бѣдная донна Мануэла оказалась освобожденной, по крайней мѣрѣ на извѣстное время отъ ненавистнаго мулата и его непрошенныхъ ласкъ, и внутренно возблагодарила Бога за это неожиданное вмѣшательство Его въ данный моментъ.

VIII. Командиръ Китиньо.

Конскій топотъ затихъ у дверей дома Розаса.

Спустя минуту генералъ сдѣлалъ знакъ дочери, которая поняла, что онъ приказываетъ ей пойти узнать, кто прискакалъ сюда такъ поздно ночью.

Молодая дѣвушка тотчасъ вышла изъ кабинета, приглаживая на вискахъ волосы и какъ бы желая этимъ жестомъ изгладить изъ своей памяти воспоминаніе о только что происшедшей сценѣ, съ тѣмъ чтобы не думать ни о чемъ другомъ, кромѣ какъ о безопасности своего отца.

— Кто это, Корваланъ?—освѣдомилась она у адъютанта, попавшагося ей на встрѣчу въ корридорѣ.

— Командиръ Китиньо, сеньорита.

Тогда донна Мануэла вернулась вмѣстѣ со старикомъ въ ту комнату, въ которой находился Розасъ.

— Командиръ Китиньо!—произнесъ Корваланъ, переступивъ порогъ.

— Кто съ нимъ?

— Конвой.

— Я не объ этомъ спрашиваю, что же вы думаете, развѣ я глухой, что не слыхалъ топота лошадей?

— Онъ одинъ.

— Пусть войдетъ.

Розасъ остался сидѣть на концѣ стола передъ остатками отъ ужина, донна Мануэла сѣла по правую его руку, обратясь спиной къ дверямъ, въ которыя вышелъ адъютантъ. Padre Вигуа усѣлся на противоположномъ концѣ стола. Прислуга поставила на столъ еще бутылку вина и по знаку хозяина дома вышла изъ комнаты.

Вскорѣ послышалось громкое бряцанье огромныхъ репейковъ командирскихъ шпоръ, а вслѣдъ затѣмъ и самъ знаменитый дѣятель федераціи появился на порогѣ столовой со шляпой въ рукѣ; высокая тулья его мягкой громадной шляпы была обвита краснымъ крепомъ, оффиціальнымъ украшеніемъ, по приказанію Розаса, какъ знакомъ траура по недавно скончавшейся супругѣ губернатора; на плечахъ у него былъ короткій синяго сукна пончо, доходившій лишь до колѣнъ; волосы его, въ безпорядкѣ ниспадавшіе ему на плечи, и темный цвѣтъ кожи, опаленной солнцемъ, придавали еще болѣе страшное, непріятное выраженіе его мясистому круглому лицу, на которомъ, какъ казалось, самъ Богъ положилъ отпечатокъ позорныхъ преступленій, какъ вѣчное, неизгладимое клеймо.

— Входи, мой другъ!—привѣтствовалъ его Розасъ, окинувъ его съ головы до ногъ быстрымъ, какъ молнія, испытующимъ взглядомъ.

— Предоброй ночи, съ разрѣшенія вашего превосходительства!—отвѣчалъ гость, низко раскланиваясь на порогѣ.

— Входи, входи! Мануэла, подай же стулъ командиру, а ты, Корваланъ, уходи вонъ!

Донна Мануэла придвинула къ углу стола стулъ, такъ что командиръ очутился между ея отцомъ и ею самой.

— Желаете вы выпить чего нибудь?

— Тысяча благодарностей, ваше превосходительство!

— Мануэла, налей ему вина!

Когда дѣвушка протянула руку къ бутылкѣ, командиръ проворно откинулъ за плечо свой пончо и, высвободивъ изъ-подъ него правую руку, взялъ со стола стаканъ, который и поднесъ молодой дѣвушкѣ съ тѣмъ, чтобы она его наполнила.

Но когда дѣвушка опустила глаза къ стакану, который

держалъ въ своей рукѣ гость, она вся внутренно содрогнулась и рука, державшая бутылку, такъ задрожала, что, наливая, она часть вина разлила на столъ: рукавъ, и рука Китиньо были въ крови.

Розасъ это замѣтилъ; лучъ радости освѣтилъ на мгновеніе обыкновенно мрачное и хмурое лицо диктатора, носившее на себѣ отпечатокъ какой-то таинственной, зловѣщей неподвижности.

Донна Мануэла, блѣдная, какъ мертвецъ, невольно откинулась назадъ и опустила испуганный и встревоженный взглядъ.

— За здравіе вашего превосходительства и донны Мануэлы!—сказалъ командиръ, вставъ изъ-за стола и низко раскланиваясь, и разомъ осушилъ стаканъ. А мулатъ этимъ временемъ старался дать понять разными жестами, движеніями и гримасами, чтобы донна Мануэла взглянула на руки командира.

— Ну, что вы сдѣлали?—спросилъ Розасъ съ дѣланнымъ равнодушіемъ, не отводя глазъ отъ скатерти и какъ бы изучая ея рисунокъ.

— Согласно приказанію вашего превосходительства, я явился сюда, послѣ того какъ исполнилъ то, что ваше превосходительство изволили приказать.

— Что я изволилъ приказать?

— Хм,—откашлялся Китиньо,—ваше превосходительство изволили поручить мнѣ...

— Ахъ, да, помню, я поручилъ вамъ дѣлать объѣздъ по Бахо. Кордова сообщалъ Викторика о какихъ-то людяхъ, которые намѣревались въ эту ночь отправиться въ дѣйствующую армію дикаго унитара Лаваля; какъ же, какъ же, помню теперь, что я предписывалъ вамъ немного приглядѣть за этими людьми, такъ какъ Викторика, вы знаете, прекраснѣйшій федералъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя также отрицать, что онъ немного *Gallego* и часто засыпаетъ въ самый важный моментъ.

— Хмъ, чортъ возьми! пробормоталъ себѣ подъ носъ командиръ.

— Такъ что же, вы отправились на набережную?..

— Да, я отправился туда, предварительно сговорившись съ Кордовой относительно того, что намъ слѣдовало дѣлать.

— Вы ихъ нашли?

— Да они были вмѣстѣ съ Кордовой и, по его сигналу, я ихъ атаковалъ.

— Вы захватили ихъ, конечно, въ плѣнъ и доставили сюда!

— Какъ, доставили сюда! развѣ ваше превосходительство не помните, что изволили мнѣ приказать?

— Ахъ да, правда, эти дикіе унитары совсѣмъ смутили мой разсудокъ!

— Хм, чортъ возьми!—прокашлялъ опять Китиньо.

— Ужъ такъ они мнѣ надоѣли, что я просто не знаю, что съ ними дѣлать! До настоящаго времени я относился къ нимъ, какъ отецъ къ блуднымъ сынамъ своимъ: только арестовывалъ ихъ, пробовалъ дѣйствовать на нихъ увѣщаніемъ. Но они неисправимы. Я того мнѣнія, что федералы должны были бы принять это дѣло лично на себя, такъ какъ въ томъ случаѣ, если Лаваль одержитъ верхъ, бѣда обрушится прежде всего на нихъ.

— Сагаї! трудно ожидать, чтобы онъ могъ восторжествовать.

— Право, мнѣ оказали бы громадную услугу, если бы у меня отняли власть; и если я не отказываюсь отъ нея, то только потому, что всѣ вы заставляете меня оставаться у кормила и держать его въ своихъ рукахъ.

— Ваше превосходительство отецъ всей федераціи.

— Какъ я вамъ говорю, вы всѣ должны мнѣ помогать. Дѣлайте, что хотите, съ этими дикими унитарами, которые не страшатся тюрьмы, но только знайте, что если они восторжествуютъ, то разстрѣляютъ васъ.

— Они не могутъ восторжествовать.

— Я говорю вамъ все это, съ тѣмъ чтобы вы передали мои слова и остальнымъ моимъ друзьямъ. Скажите, ихъ было много сегодня?

— Ихъ было пятеро.

— Что же, отбили вы имъ охоту возобновить еще разъ свою попытку?

— Ихъ на телѣжкѣ отвезли въ полицейское управленіе. Кордова увѣрилъ меня, что таково было распоряженіе начальника.

— Мнѣ очень жаль, что это такъ случилось; вотъ до чего эти люди себя доводятъ! Въ сущности вы правы, потому что, повторяю вамъ еще разъ, если имъ удастся взять верхъ, то они разстрѣляютъ васъ.

— Ну ужъ во всякомъ случаѣ не эти,—злорадно засмѣялся Китиньо.

— Какъ, развѣ вы ихъ такъ серьезно ранили?

— По горлу, да, довольно серьезно.

— Вы не видали, были ли при нихъ какія нибудь бумаги?— поспѣшно спросилъ Розасъ, будучи уже не въ силахъ сохранять долѣе эту личину лицемѣрія, и въ чертахъ его теперь съ удивительной яркостью отразилась злобная радость удовлетвореннаго чувства мстительности.

— Ни при одномъ изъ четырехъ не найдено было рѣшительно никакихъ документовъ.

— Изъ четырехъ? но вы только что говорили, что ихъ было пятеро!

— Да, сеньоръ, но такъ какъ одинъ успѣлъ бѣжать...

— Какъ бѣжать! - воскликнулъ Розасъ, вдругъ выпрямляясь на своемъ стулѣ и метнувъ гнѣвный взглядъ въ сторону своего клеврета.

Тотъ, какъ бы пораженный этимъ зловѣщимъ магнетическимъ взглядомъ, опустилъ глаза, весь дрожа отъ страха передъ этою дьявольской, непреклонной волей.

- Да, онъ бѣжалъ этотъ послѣдній, ваше превосходительство,—пробормоталъ не твердымъ голосомъ Китиньо.

— Кто? кто же онъ такой, *этотъ?*

— Я не знаю, кто онъ былъ.

— Такъ кто же это знаетъ?

— Кордова долженъ знать.

— Кдѣ же Кордова?!

— Я его не видалъ послѣ того, какъ онъ намъ подалъ условленный сигналъ.

— Но какъ онъ могъ бѣжать, этотъ унитаръ?

— Я не знаю... но разскажу вашему превосходительству... что, когда мы атаковали ихъ, одинъ бросился бѣжать по направленію къ городу... нѣсколько человѣкъ солдатъ кинулись за нимъ... они затѣмъ спѣшились, съ тѣмъ чтобы схватить его, но, говорятъ, онъ имѣлъ при себѣ шпагу, которой онъ уложилъ троихъ солдатъ... а затѣмъ, говорятъ, что къ нему подоспѣли на помощь... это случилось тамъ... по близости отъ дома англійскаго консула.

— У дома консула?

— Да, тамъ по близости.

— Ну хорошо,—а затѣмъ?

— Одинъ изъ моихъ солдатъ явился донести мнѣ объ этомъ, я разослалъ за нимъ въ погоню и на розыски людей по всѣмъ направленіямъ... но я не видалъ, какъ онъ бѣжалъ.

— А почему вы этого не видали?—воскликнулъ Розасъ громовымъ голосомъ, обдавая несчастнаго бандита страшными молніями своего гнѣвнаго взгляда на лицѣ послѣдняго отразились приниженность и страхъ хищнаго звѣря передъ своимъ укротителемъ.

— Я рѣзалъ въ это время горло другимъ!—робко отвѣтилъ онъ, не рѣшаясь поднять глазъ на своего повелителя.

Между тѣмъ Вигуа, который въ продолженіе всего этого страшнаго діалога постепенно отодвигался со своимъ стуломъ отъ стола, при послѣднихъ ужасныхъ словахъ, вдругъ сдѣлалъ вмѣстѣ со своимъ стуломъ такой скачокъ назадъ, что чуть было не размозжилъ себѣ затылка объ стѣну, тогда какъ донна Мануэла сидѣла неподвижная и блѣдная, какъ мраморное изваяніе, не смѣя поднять глазъ, изъ страха увидать или окровавленныя руки убійцы или же страшный, вселяющій ужасъ, взглядъ отца.

Ударъ спинки стула мулата объ стѣнку заставилъ Розаса обернуться въ ту сторону, причемъ взглядъ его скользнулъ по лицу дочери;—этого пустяка было уже достаточно, чтобы дать

совершенно другой оборотъ мыслямъ генерала, которыя, смотря по обстоятельствамъ, мѣнялись ежеминутно менѣе чѣмъ въ одно мгновеніе ока.

— Я спрашиваю васъ объ этомъ потому,—сказалъ Розасъ уже совершенно покойнымъ, ровнымъ голосомъ,—что, вѣроятно, этотъ унитаръ имѣлъ при себѣ всѣ письма и бумаги къ Лавалю, а вовсе не потому, чтобы я сожалѣлъ, что его не умертвили.

— Ахъ, если бы онъ только былъ въ моихъ рукахъ!

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, если бы только онъ былъ въ вашихъ рукахъ!—иронически передразнилъ его Розасъ;—надо быть очень ловкимъ и проворнымъ для того, чтобы захватить унитара; я готовъ биться объ закладъ, что его не разыщутъ.

— Я буду искать его даже въ самомъ аду, если только то будетъ нужно!—воскликнулъ Китиньо,—прошу извиненія у вашего превосходительства и донны Мануэлиты.

— Да кто его найдетъ?

— Я, покрайней мѣрѣ, я на это надѣюсь.

— Да, надо, чтобы вы его разыскали мнѣ, потому что бумаги, которыя онъ имѣлъ при себѣ, вѣроятно, чрезвычайно важны.

— Пусть ваше превосходительство не безпокоится, я его разыщу, и тогда посмотримъ, уйдетъ ли онъ отъ меня!

— Мануэла, позови Корвалана.

— Кордова долженъ знать, какъ его звали, и если вашему превосходительству угодно...

— Повидайте Кордову, поразспросите его; скажите, не нужно вамъ чего нибудь лично для васъ?

— Въ настоящее время мнѣ ничего не нужно, сеньоръ. Я служу вашему превосходительству своею жизнью и радъ во всякое время положить ее за васъ, когда вы только того пожелаете. Ваше превосходительство даетъ уже намъ достаточно тѣмъ, что защищаетъ насъ отъ унитаровъ.

— Возьмите это, Китиньо, и снесите вашей семьѣ, сказалъ генералъ, доставая изъ кармана своей куртки свертокъ банковыхъ билетовъ и вручая ихъ бандиту.

— Я беру эти деньги потому только, что ваше превосходительство заставляете меня взять ихъ,—сказалъ онъ.

— Служите вѣрно Федераціи, другъ.

— Я служу вашему превосходительству,—потому что Федерація —это вы и донна Мануэлита.

— Ну, хорошо, хорошо, разыщите Кордову. Не хотите ли вы еще вина?

— Нѣтъ, благодарю, я уже выпилъ достаточно.

— Ну, тогда отправляйтесь съ Богомъ!—проговорилъ Розасъ, протянувъ руку Китиньо.

— Онѣ у меня грязныя, не совсѣмъ чистыя!—сконфуженно пробормоталъ командиръ, не рѣшаясь дать Розасу свою окровавленную руку.

— Подойдите поближе, другъ мой, и не смущайтесь, вѣдь это кровь унитаровъ.—И какъ бы испытывая особое наслажденіе отъ прикосновенія къ этой рукѣ, Розасъ удержалъ ее довольно долго въ своей, дружески пожимая ее.

— Ну, идите съ Богомъ, Китиньо.

Тотъ откланялся и вышелъ.

Розасъ проводилъ его глазами, въ которыхъ свѣтилось какое-то странное, непонятное выраженіе. Онъ, такъ сказать, любовался и какъ бы измѣрялъ силу этого человѣка, который дѣйствовалъ исключительно подъ вліяніемъ только его воли. Всѣ эти грязные подонки общества, выведенные изъ грязи и трущобъ на свѣтъ божій этимъ тираномъ, съ тѣмъ чтобы сдѣлать изъ нихъ орудія своей власти, всѣ они были давно пріучены имъ къ безусловному повиновенію.

И въ этотъ страшный часъ, когда несчастный Буэносъ-Айресъ переживалъ агонію своей свободы, правъ и законовъ, Розасъ, этотъ ужасный обѣтованный вождь, своеобразный мессія этой подлой черни и яркій представитель самаго возмутительнаго абсолютизма, дѣйствительно, былъ желаннымъ вождемъ темной черни, фанатической и невѣжественной, которую онъ грозно гнулъ подъ свое желѣзное иго, и Китиньо, это чудовище, едва ли имѣвшее въ себѣ что либо человѣческое, былъ яркимъ представителемъ того омерзительнаго плэбса, ко-

торый съ окровавленными руками и съ тысячами проклятій воспѣвалъ своего вождя и повелителя.

— Покойной ночи, донна Мануэла! —сказалъ Китиньо, повстрѣчавъ ее, когда она возвращалась вмѣстѣ съ Корваланомъ въ кабинетъ отца.

— Покойной ночи, — отвѣтила она, прячась за Корвалана и сторонясь, какъ можно дальше, отъ него, какъ будто она опасалась прикосновенія этого чудовища, отъ котораго еще пахло свѣжей человѣческой кровью.

— Корваланъ,—приказалъ Розасъ, — пойдите и приведите сюда сейчасъ же Викторика.

— Онъ только что успѣлъ прибыть и находится въ данный моментъ въ бюро, лишь нѣсколько минутъ тому назадъ онъ у меня освѣдомлялся, не соблаговолитъ ли ваше превосходительство принять его.

— Пусть идетъ.

— Я пойду, позову его.

— Нѣтъ, подождите. Послѣ того какъ вы пошлете сюда Викторика, садитесь сами на коня и, не теряя ни минуты, скачите къ англійскому консулу; тамъ вызовите его самого и скажите ему, что мнѣ необходимо говорить съ нимъ сейчасъ, что я прошу его немедленно пріѣхать ко мнѣ.

— А если онъ спитъ?

— Пусть его разбудятъ.

Корваланъ низко поклонился и вышелъ, поправляя на ходу свой красный шелковый поясъ.

— Чего это вы, ваше преподобіе, изволили такъ сильно испугаться?—спросилъ Розасъ, обращаясь къ мулату,—придвиньтесь же къ столу, вы тамъ точно паукъ прилѣпились къ стѣнѣ. Итакъ, чего вы испугались?

— Его руки,—отвѣчалъ онъ, придвигаясь къ столу, съ видомъ нескрываемаго облегченія, благодаря отсутствію бандита.

— Дуракъ!—проворчалъ въ бороду Розасъ,—а ты, Мануэла, ты не совсѣмъ здорова, кажется?

— Нѣтъ, почему вы это думаете, татита?

— Да потому, что я замѣтилъ, что тебѣ было не совсѣмъ по себѣ, покуда здѣсь былъ Китиньо.

— Но, вѣдь, ты видѣлъ?

— Я все вижу, но ты должна умѣть скрывать. На такого рода людей, какъ тотъ, который сейчасъ вышелъ, нужна здоровая дубина, это ихъ сразу дѣлаетъ приниженными, кроткими, а легкіе уколы заставляютъ ихъ вскочить какъ отъ укуса змѣи.

— Мнѣ было страшно, сеньоръ.

— Страшно!—презрительно уронилъ Розасъ,—я этого мерзавца однимъ взглядомъ могу уничтожить.

— Мнѣ было страшно не его, а того, что онъ сдѣлалъ.

— То, что онъ сдѣлалъ, онъ сдѣлалъ для твоей и моей безопасности; не истолковывай же никогда иначе то, что тебѣ придется видѣть и слышать здѣсь; я хочу, чтобы эти люди понимали изъ моей мысли только то, что я хочу чтобъ они знали, но не болѣе, и пока они безпрекословно исполняютъ то, чего я отъ нихъ требую, я остаюсь доволенъ этимъ. И ты должна быть этимъ довольна и стараться пріобрѣсти среди нихъ популярность, во-первыхъ, потому, что это въ твоихъ разсчетахъ, а во-вторыхъ, потому, что я тебѣ это приказываю. Войдите Викторика, войдите, — продолжалъ онъ, обращаясь въ сторону двери, за которой послышался шумъ мужскихъ шаговъ.

IX. Донъ Бернардо Викторика.

Сеньоръ донъ Бернардо Викторика, начальникъ полиціи Ресторадора законовъ, вошелъ въ столовую Розаса.

Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, средняго роста, плотно сложенный. Въ волосахъ его было много сѣдины, лицо мѣдно-краснаго цвѣта, широкій, очень выпуклый, нависшій надъ густыми бровями, лобъ и маленькіе, темные, бѣгающіе глаза, чрезвычайно блестящіе, съ лукавымъ бойкимъ взглядомъ, да двѣ глубокія борозды морщинъ по обѣимъ сторонамъ носа прида-

вали этому лицу злое, жестокое и притомъ старческое выраженіе. Казалось, это лицо состарилось не столько подъ вліяніемъ страстей, сколько подъ вліяніемъ прожитыхъ годовъ, и никогда оно не оживлялось привѣтливою человѣческою улыбкой.

Одѣтъ онъ былъ въ черныя брюки, синюю куртку и ярко-красный жилетъ. Вокругъ высокой тульи шляпы обвивалась широкая полоса ярко-краснаго крепа, знакъ траура по умершей супругѣ Ресторадора. Въ рукѣ у него былъ короткій, но здоровый хлыстъ съ серебряной рукояткой.

Поклонившись почтительно, но безъ жеманства, Розасу и его дочери, онъ сѣлъ, по приглашенію хозяина, на тотъ самый стулъ, на которомъ раньше сидѣлъ Китиньо.

— Вы прямо изъ полицейскаго зданія?

— Прямо оттуда.

— Случилось что нибудь?

— Привезли тѣла тѣхъ лицъ, что намѣревались отплыть сегодня ночью или, вѣрнѣе, три трупа и одного умирающаго, который теперь уже скончался.

— А кто онъ былъ?

— Полковникъ Саллазаръ.

— Извѣстны вамъ имена остальныхъ?

— Да сеньоръ, кромѣ Саллазара, признали въ остальныхъ Пальмэро, Сандоваля и молодого Маркэза.

— А бумаги?

— Никакихъ не было найдено.

— Заставили вы Кордову подписать доносъ?

— Да, сеньоръ, согласно приказанію Вашего Превосходительства, я заставляю подписывать всѣ доносы.

— При васъ онъ?

— Вотъ, извольте,—отвѣчалъ начальникъ полиціи, доставая изъ бокового кармана своей куртки объемистый бумажникъ русской кожи и, выбравъ изъ множества содержавшихся въ немъ бумагъ и документовъ одинъ, онъ развернулъ его и положилъ на столъ передъ Розасомъ.

— Прочтите! - приказалъ Розасъ.

Донъ Бернардо взялъ со стола бумагу и сталъ читать.

«Хуанъ Кордова, уроженецъ Буэносъ-Айреса, по ремеслу мясникъ, членъ Народнаго Общества, зачисленный временно въ секретную полицію, по особому приказанію его Превосходительства, Славнаго Ресторадора законовъ, явился къ начальнику полиціи 2-го числа текущаго мѣсяца въ часъ пополудни и объявилъ: узнавъ отъ служанки дикаго унитара Пальмэро, съ которою онъ состоялъ въ тайныхъ сношеніяхъ, о томъ, что господинъ ея имѣлъ намѣреніе бѣжать въ Монтевидео, явился въ тотъ же день по утру къ вышеупомянутому дикому унитару Пальмэро, котораго онъ зналъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ и просилъ его одолжить ему, Кордовѣ, 500 піастровъ, такъ какъ онъ якобы собирался дезертировать и бѣжать въ Монтевидео и что безъ этихъ денегъ побѣгъ его не могъ состояться. Сумму эту по его словамъ требовали тѣ хозяева китобойныхъ судовъ, которые занимались перевозкой эмигрантовъ.

«Вслѣдствіи всего этого Пальмэро, въ свою очередь, признался ему, что онъ и четверо его товарищей также задумали бѣжать, но находятся въ затрудненіи, не зная ни одного изъ вышеупомянутыхъ владѣльцевъ китобойныхъ судовъ; затѣмъ онъ Пальмэро предложилъ ему Кордовѣ, 8.000 піастровъ за то, если онъ поможетъ имъ бѣжать. Торгъ состоялся тотчасъ же и побѣгъ былъ назначенъ на 4 число, въ 10 часовъ вечера, причемъ было условлено, что Кордова долженъ зайти къ Пальмэро 4 числа около 6 часовъ вечера, съ тѣмъ чтобы узнать въ какомъ мѣстѣ и въ какомъ домѣ должны сойтись всѣ эмигранты.

«Все это заявитель сообщилъ начальнику полиціи, съ тѣмъ чтобы тотъ увѣдомилъ объ этомъ Его Превосходительство, какъ объ исполненіи имъ, Кордовой, его обязанностей, какъ защитника священныхъ интересовъ Федераціи,—присовокупивъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ онъ особенно заботился о томъ, чтобы дѣйствовать, во всемъ сообща съ дономъ Хуансито Розасомъ, сыномъ Его Превосходительства, и согласно его совѣту.

Подписалъ, въ Буэносъ-Айресѣ, 3-го сего мая 1840 г.

«Хуанъ Кордова».

*

Докончивъ чтеніе этой бумаги, начальникъ полиціи тотчасъ же сложилъ ее и сказалъ:

— Вслѣдствіе этого заявленія я и получилъ отъ вашего превосходительства тѣ приказанія, которыя я долженъ былъ передать Кордовѣ, съ тѣмъ чтобы онъ сговорился съ командиромъ Китиньо.

— Когда вы вновь видѣли Кордову?

— Сегодня въ 8 часовъ утра.

— Не говорилъ онъ вамъ о томъ, извѣстны ли ему имена товарищей Пальмэро?

— До сегодняшняго утра онъ не зналъ ни одного имени.

— Не произошло ли чего либо особеннаго въ этомъ дѣлѣ,

— Какъ кажется, одному изъ унитаровъ удалось скрыться, судя по словамъ тѣхъ людей, которые сопровождали повозку.

— Да, сеньоръ! одинъ изъ нихъ скрылся и вы должны мнѣ разыскать его.

— Я надѣюсь, что это намъ удастся.

— Да, сеньоръ, это должно удасться, потому что разъ, что рука правительства коснулась какого нибудь унитара, то весьма важно, чтобы онъ впослѣдствіи не могъ сказать, что рука эта не могла удержать его.

— Ваше превосходительство совершенно правы.

— Я знаю, что я правъ, тѣмъ болѣе, что согласно тому что я слышалъ, этотъ унитаръ долго сражался и сопротивлялся и что еще того хуже, неожиданно къ нему пришла помощь; подобнаго явленія не должно быть, я этого не хочу. Потому именно наша родина всегда была анархіей, что каждый, кому только вздумается, подымалъ свою саблю противъ правительства. Горе вамъ и горе всѣмъ федераламъ, если я допущу, чтобъ унитары смѣли противиться вамъ, когда вы исполняете мои приказанія!

— Это совершенно небывалый еще случай! — замѣтилъ донъ Бернардо, вполнѣ понимая всю важность въ будущемъ разсужденій Розаса.

— Да, это, совершенно небывалый случай! И именно потому-то на него и слѣдуетъ обратить особое вниманіе, — да,

подобный случай еще небывалый, но онъ вскорѣ сдѣлается зауряднымъ, если только не положить сейчасъ же конецъ такимъ явленіямъ.

— Вѣдь Кордова былъ съ ними и слѣдовательно долженъ знать того, который скрылся.

— Вотъ этого-то мы и не знаемъ.

— Я сейчасъ же пошлю за нимъ.

— Не трудись, другой уже отправился разыскивать его, и сегодня по утру вы будете знать, знаетъ ли Кордова того бѣглеца, которымъ я интересуюсь. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ вы примете надлежащія мѣры для розыска этого унитара.

— Не теряя ни минуты, ваше превосходительство!

— Скажите, въ томъ случаѣ, если Кордова не знаетъ имени того унитара,—что вы намѣрены дѣлать?

— Я отдамъ приказаніе моимъ комиссарамъ и главнымъ агентамъ тайной полиціи, чтобы они усилили бдительность надзора въ своихъ подчиненныхъ, для того чтобы выслѣдитъ и завладѣть...

— Унитарамъ въ Буэносъ-Айресѣ! довольно забавно!—прервалъ Розасъ съ насмѣшливой улыбкой, заставившей поблѣднѣть злополучнаго начальника полиціи,—э-э... будьте покойны, вы даже не знаете, сколько этихъ унитаровъ въ Буэносъ-Айресѣ.

— Ихъ должно быть...

— Достаточно вполнѣ, чтобъ погубить и васъ, и всѣхъ федератовъ, если бы только я не работалъ за васъ за всѣхъ и не исполнялъ самъ обязанности начальника полиціи.

— Сеньоръ, я дѣлаю все, что только могу.

— Весьма возможно, что вы дѣлаете все, что вы можете, но далеко не все, что вы должны были бы дѣлать, и это я могу доказать вамъ сейчасъ же. Вы собираетесь разыскивать одного какого то унитара въ цѣломъ городѣ унитаровъ—точно ячменное зерно, а вмѣстѣ съ тѣмъ вы у себя въ карманѣ носите, если не самое имя этого унитара, то ужъ во всякомъ случаѣ вѣрное средство узнать его.

— Честью могу увѣрить ваше превосходительство, что я не понимаю...

— Вотъ потому-то я и говорю, что мнѣ приходится все дѣло дѣлать самому и всему васъ учить! Отъ кого Кордова узналъ о намѣреніи дикаго унитара Пальмэро бѣжать?

— Отъ служанки этого самаго Пальмэро, какъ гласитъ заявленіе.

— Отъ служанки дикаго унитара Пальмэро, донъ Бернардо Викторика!—поправилъ его Розасъ.

— Простите меня, ради Бога, ваше превосходительство.

Розасъ поморщился и продолжалъ:

— Съ кѣмъ долженъ былъ отплыть тотъ унитаръ, который скрылся?

— Съ дикимъ унитаромъ Пальмэро и его товарищами.

— Прекрасно! ну, а какъ вы полагаете, этотъ унитаръ Пальмэро набиралъ себѣ товарищей, съ которыми намѣревался бѣжать, прямо съ улицы?

— Нѣтъ, я, конечно, этого не думаю, превосходительнѣйшій сеньоръ.

— Если такъ, то значитъ, эти товарищи были его друзья,

— Дѣйствительно, такъ оно должно было быть!—сказалъ донъ Бернардо, начиная соображать, къ чему клонитъ рѣчь Ресторадоръ.

— А если они были его друзьями, то, вѣроятно, бывали у него въ домѣ, не такъ ли?

— Безъ сомнѣнія!

— Слѣдовательно, служанка, которая выдала Пальмэро, должна знать, кто чаще другихъ бывалъ у ея господина.

— Конечно.

— Намъ извѣстно, что у него бывали Саллазаръ, Маркэзъ, Сандоваль, которыхъ теперь уже нѣтъ болѣе въ живыхъ, остается узнать, кто были другіе наиболѣе частые посѣтители и гости Пальмэро, и если вы такимъ путемъ не узнаете и не сумѣете отыскать то лицо, которое вамъ нужно, то вамъ не стоитъ болѣе и времени терять надъ этимъ дѣломъ.

— Геніальность вашего превосходительства превосходитъ

всякія ожиданія и не имѣетъ ничего себѣ подобнаго,—подобострастно и восторженно воскликнулъ начальникъ полиціи,—я во всемъ буду дѣйствовать согласно указанію вашего превосходительства и надѣюсь на успѣхъ.

— Все это прекрасно, но было бы лучше, если бы вы сами могли додуматься до этого безъ моего содѣйствія, потому что мнѣ приходится работать слишкомъ много, именно вслѣдствіе того, что у меня нѣтъ настоящихъ помощниковъ! —сказалъ Розасъ.—Теперь вы знаете, что вамъ слѣдуетъ дѣлать?—добавилъ онъ.

— Да, знаю, превосходнѣйшій сеньоръ.

— Въ эту ночь ничего особеннаго не случилось?—спросилъ генералъ немного погодя?

— Приходила ко мнѣ одна женщина, донна Каталина Куэто, вдова, по професіи портниха; она приходила съ жалобою на Гаэтана, который, по ея словамъ, отхлесталъ кнутомъ ея сына, ѣхавшаго верхомъ по площади Эль Ретиро.

— Кто этотъ мальчикъ?

— Онъ студентъ-математикъ.

— Какой поводъ далъ онъ Гаэтану къ такого рода обхожденію?

— Гаэтанъ подошелъ къ нему и спросилъ, почему онъ не надѣлъ своей лошади федеральнаго наголовка, на это молодой человѣкъ, почти ребенокъ лѣтъ 16 или 17, отвѣчалъ, что не надѣлъ коню своему федеральнаго наголовка потому, что конь его и безъ того добрый федералъ и не нуждается ни въ какой вывѣскѣ. На это Гаэтанъ сталъ хлестать его кнутомъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не упалъ съ лошади.

— Въ настоящее время самые отчаянные и опасные унитары,—замѣтилъ въ раздумьѣ Розасъ,—это именно дѣти.

— Я уже имѣлъ честь докладывать вашему превосходительству, что студенты и женщины положительно неисправимы. Ни студентовъ, ни женщинъ нѣтъ никакой возможности заставить носить федеральный девизъ, въ особенности же молодыхъ. Я бы на мѣстѣ вашего превосходительства запретилъ чепцы для женщинъ, для того чтобы принудить ихъ носить на головѣ бантъ съ федеральнымъ девизомъ.

— Онѣ должны повиноваться—отвѣчалъ Розасъ такимъ тономъ, подъ которымъ подразумѣвалось весьма многое, что ему одному было понятно,—онѣ должны повиноваться, но теперь еще не время прибѣгать къ тому вѣрному средству, о которомъ вы не упоминаете. Гаэтанъ поступилъ прекрасно; пошлите сказать этой нѣжной матери, чтобы она занялась исключительно уходомъ за своимъ сыномъ. Есть еще что нибудь новенькое?

— Нѣтъ, рѣшительно ничего, сеньоръ. Ахъ, впрочемъ, я получилъ сегодня отъ трехъ федераловъ прошеніе о разрѣшеніи устроить лотерею-аллегри во время майскихъ праздниковъ.

— Это будетъ устроено въ пользу полиціи.

— Ваше превосходительство не намѣрены устроить какія либо торжества и увеселенія къ этому времени?

— Къ лотереѣ-аллегри вы можете добавить большой шестъ и деревянныхъ коньковъ.

— Ничего болѣе?

— Не задавайте мнѣ глупыхъ вопросовъ; развѣ вы не знаете, что 25-е мая—праздникъ унитаровъ. Правда, что такъ какъ вы сами испанецъ...

— Ваше превосходительство имѣете еще какія-либо распоряженія на эту ночь?

— Никакихъ, вы можете удалиться теперь.

— По утру я не премину исполнить приказанія вашего превосходительства относительно служанки.

— Я не давалъ вамъ никакихъ приказаній, я только далъ вамъ урокъ!—рѣзко замѣтилъ Розасъ.

— Очень благодаренъ вашему превосходительству!—сконфуженно залепеталъ начальникъ полиціи.

— Не за что!—насмѣшливо отозвался Розасъ.

Викторика низко откланялся отцу и дочери и вышелъ изъ комнаты, уплативъ какъ и всѣ, кто только переступалъ этотъ порогъ, свою дань униженія, страха и раболѣпія и притомъ уходилъ, не зная навѣрное, остался ли Розасъ имъ доволенъ или недоволенъ. Эту жестокую,томительную неувѣренность, безсердечный диктаторъ нарочно систематически поддерживалъ въ

своихъ приближенныхъ, полагая, что сильный страхъ могъ ихъ заставить бѣжать съ глазъ его долой, а слишкомъ большая увѣренность въ его благорасположенiи могла сдѣлать ихъ слишкомъ фамильярными и даже нахальными.

X. Тигръ и лиса.

Послѣ ухода начальника полицiи наступило довольно продолжительное молчанiе. Розасъ и его дочь, погрузившись каждый въ свои мысли, хранили молчанiе, бодрствуя, тогда какъ приземистый *Padre* Вигуа хранилъ его въ сладкомъ снѣ, положивъ оба локтя на столъ и опустивъ голову на руки.

— Поди ложись спать!—сказалъ Розасъ дочери.

— Мнѣ не хочется спать, сеньоръ!—сказала она.

— Все равно,—уже очень поздно.

— Но вы останетесь одни.

— Я никогда не бываю одинъ, сейчасъ явится Спрингъ и я не хочу, чтобы онъ здѣсь тратилъ время попусту, разсыпаясь въ любезностяхъ передъ тобой, иди!

— Ну, хорошо, татита, позовите меня, если вамъ что нибудь понадобится.

Донна Мануэла встала, подошла къ отцу, поцѣловала его въ лобъ и, взявъ со стола свѣчу, ушла во внутреннiя комнаты.

Послѣ ея ухода генералъ всталъ и, заложивъ руки за спину, принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Прошло около десяти минутъ, какъ онъ ходилъ, погрузясь въ глубокое размышленiе, какъ вдругъ послышался топотъ быстро приближающихся коней.

Генералъ прiостановился на минуту и какъ только увѣрился въ томъ, что лошади остановились у крыльца его дома, такъ сильно шлепнулъ бѣднаго Padre Вигуа по затылку, что если бы голова его не покоилась на его рукахъ, безъ сомнѣнiя, онъ сплющилъ бы свой носъ.

— Ай! ай!—закричалъ бѣдняга и испуганно вскочилъ на ноги.

— Пустяки, это ничего, Padre Вигуа! Проснитесь, гости пріѣхали. Слушайте меня хорошенько: вы сядете рядомъ съ тѣмъ господиномъ, который сейчасъ войдетъ и когда онъ встанетъ, чтобы уходить, вы хорошенько сожмите его въ своихъ объятіяхъ, поняли вы меня?

Мулатъ съ минуту смотрѣлъ на Розаса и затѣмъ, хотя и съ видимымъ неудовольствіемъ, покорился волѣ своего властелина и повелителя. Генералъ снова сѣлъ на тотъ стулъ, на которомъ сидѣлъ раньше.

Въ дверяхъ появился Корваланъ.

— Англичанинъ пріѣхалъ? —спросилъ Розасъ у своего адъютанта, какъ только тотъ переступилъ порогъ.

— Онъ здѣсь, превосходительнѣйшій сеньоръ!

— А что онъ дѣлалъ, когда вы къ нему явились?

— Онъ собирался лечь спать.

— Входная дверь дома была открыта?

— Нѣтъ, сеньоръ.

— Вамъ отворили немедленно, какъ только вы сказали, кто вы такой и отъ кого?

— Да, тотчасъ же.

— А gringo,—еретикъ этотъ,—былъ удивленъ, увидя васъ?

— Мнѣ показалось, что да.

— Вамъ показалось!.. на какой чортъ у васъ во лбу глаза? Спрашивалъ онъ васъ о чемъ нибудь?

— Нѣтъ, ни о чемъ; какъ только я передалъ ему желаніе вашего превосходительства, онъ тотчасъ же приказалъ сѣдлать лошадь.

— Пусть войдетъ!

Новая личность, съ которой мы собираемся познакомить читателя, одна изъ тѣхъ, какихъ, въ отношеніи черстваго безсердечнаго эгоизма,—чисто англійскаго, можно встрѣтить во множествѣ во всѣхъ странахъ земного шара; но по забвенію своего общественнаго положенія, по забвенію своего человѣческаго достоинства, подобный человѣкъ можетъ встрѣтиться

только въ такой странѣ, гдѣ правительство подобно правительству Розаса, иначе говоря, только въ Буэносъ-Айресѣ, въ описываемую нами эпоху могъ существовать подобный человѣкъ.

Сэръ Вальтеръ Спрингъ, британскій уполномоченный послъ при аргентинскомъ правительствѣ, съумѣлъ добиться отъ Розаса того, въ чемъ этотъ послѣдній наотрѣзъ отказалъ его предшественнику мистеру Гамильтону, т. е. заключенія извѣстнаго договора относительно уничтоженія рабовладѣльчества; и съ момента этого перваго тріумфа зародились симпатіи британскаго посла къ Розасу,—симпатіи, возраставшія съ удивительной быстротой и превратившіяся въ концѣ концовъ въ безграничную преданность сэра Вальтера Спринга къ особѣ Ресторадора.

Розасъ питалъ къ нему самое полное довѣріе, т. е. онъ зналъ, что и сэръ Вальтеръ Спрингъ, какъ, впрочемъ, почти всѣ знавшіе близко Розаса, былъ зараженъ недугомъ безотчетнаго страха, и ловкій, проницательный Ресторадоръ разсчитывалъ на хитрость, изворотливость и вліяніе этого человѣка въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ находилъ нужнымъ сбить съ толку европейскую политику, точно такъ же, какъ онъ разсчитываль на кинжалы Масъ-Горки, когда желалъ заколоть новую жертву въ угоду своимъ звѣрскимъ инстинктамъ.

Сэръ Вальтеръ Спрингъ былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, маленькаго роста, лысый, съ высокимъ благороднымъ лбомъ и вообще аристократической наружности; водянистые, блѣдно-голубые глаза, маленькіе, но умные и проницательные, въ данный моментъ бѣлы немного красноваты, какъ и все лицо, обыкновенно очень блѣдное. Впрочемъ, въ этомъ не было ничего удивительнаго: было уже около трехъ часовъ ночи, часъ весьма поздній для столь пожилого человѣка, который передъ тѣмъ, вѣроятно, немного разгорячился подъ вліяніемъ добраго пунша въ пріятной компаніи нѣсколькихъ человѣкъ изъ своихъ друзей. Одѣтъ онъ было строго-прилично; весь съ ногъ до головы въ черномъ.

— Войдите, милости прошу, сеньоръ Спрингъ! - произнесъ

Розасъ, вставая съ своего стула, но не сдѣлавъ ни одного шага на встрѣчу гостю, появившемуся въ этотъ моментъ на порогѣ его столовой.

— Честь имѣю быть весь къ услугамъ вашего превосходительства!—отвѣчалъ Спрингъ, раскланявшись и подходя къ столу, чтобы протянуть руку генералу.

— Я позволилъ себѣ побезпокоить васъ сеньоръ, Спрингъ!—продолжалъ Розасъ мягкимъ ласкательнымъ голосомъ, любезно указывая гостю стулъ по правую руку отъ своего мѣста.

— О, вы меня нисколько не обезпокоили, нѣтъ, сеньоръ генералъ, могу васъ увѣрить, что нисколько; ваше превосходительство, напротивъ того доставляете мнѣ громадное удовольствіе, призывая меня къ себѣ. Сеньорита Мануэлита, надѣюсь, здорова?

— Да, благодарю.

— Признаюсь, я опасался противнаго.

— Почему же, сеньоръ Спрингъ?

— Потому что обыкновенно сеньорита присутствуетъ при всѣхъ трапезахъ вашего превосходительства.

— Да, это правда.

— А въ данный моментъ я не имѣю удовольствія видѣть ее здѣсь.

— Она только что ушла въ свои комнаты.

— О, какъ я несчастливъ, что не успѣлъ пріѣхать нѣсколькими минутами раньше!

— Она также будетъ очень жалѣть объ этомъ.

— Дочь вашего превосходительства самая очаровательная женщина изъ всѣхъ аргентинокъ.

— Она старается дѣлать все, отъ нея зависящее, чтобы быть тѣмъ, что вы говорите.

— И это удается ей вполнѣ!

— Благодарю васъ отъ ея имени, но, между прочимъ, вамъ нельзя жаловаться на сегодняшній вечеръ и ночь.

— Почему нѣтъ, ваше превосходительство?

— Да потому, что вы прекрасно провели ихъ у себя въ домѣ.

— До нѣкоторой степени ваше превосходительство правы.

— Какъ такъ, до нѣкоторой степени?

— Вы правы, ваше превосходительство, въ томъ, что я, дѣствительно, провелъ нѣсколько очень пріятныхъ часовъ, но я бываю лишь тогда дѣйствительно счастливъ, когда нахожусь съ лицами, составляющими семью вашего превосходительства.

— Вы чрезвычайно любезны, сеньоръ Спрингъ, - сказалъ Розасъ съ столь тонкой и хитрой усмѣшкой, что никакой другой человѣкъ не могъ бы разгадать сложнаго смысла этой улыбки, кромѣ проницательнаго, догадливаго и привычнаго къ различнымъ оттѣнкамъ выраженій подвижной физіономіи Розаса, сэра Вальтера.

— Если только вы мнѣ позволите,- —продолжалъ Розасъ, —мы теперь бросимъ эти комплименты и займемся немного дѣлами болѣе серьезными!

— Ничто не можетъ быть мнѣ болѣе пріятно, какъ согласоваться во всемъ съ желаніями вашего превосходительства!— отвѣчалъ дипломатъ, придвигая свой стулъ ближе къ столу и разглаживая по привычкѣ жабо своей манишки изъ тончайшаго батиста.

— Скажите, въ какой день вы намѣрены отправить пакетъ?— спросилъ Розасъ, скрестивъ руки на спинкѣ незанятаго стула.

— Для нашей миссіи пакетъ будетъ отправленъ завтра но если ваше превосходительство желаете, чтобы отправленіе его было задержано...

— Да, этого именно я и желаю.

— Въ такомъ случаѣ я сдѣлаю соотвѣтствующія распоряженія, чтобы отправка пакета была отложена, неоффиціально конечно, на все то время, какое желательно будетъ вашему превосходительству для изготовленія вашихъ депешъ.

— О, мои депеши еще со вчерашняго дня готовы.

— Въ такомъ случаѣ разрѣшите мнѣ, ваше превосходительство, задать вамъ одинъ вопросъ.

— Сдѣлайте одолженіе, сколько вамъ угодно!

— Смѣю ли я узнать причину, почему ваше превосходи-

тельство желаете задержать курьера, если депеши не являются здѣсь причиной.

— Дѣло весьма просто, мистеръ Спрингъ.

— Ваше превосходительство отсылаете, вѣроятно, министерскій конвертъ?

— Отнюдь нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я не понимаю...

— Мои депеши готовы, говорю я, но ваши не готовы.

— Мои? Если не ошибаюсь, я имѣлъ честь только что доложить вашему превосходительству, что всѣ мои депеши готовы и даже запечатаны, я ожидалъ лишь нѣсколькихъ частныхъ писемъ.

— Я не говорю о частныхъ письмахъ.

— Не соблаговолите ли, ваше превосходительство, пояснить ближе...

— Мнѣ кажется, что ваша обязанность требуетъ отъ васъ, чтобы вы увѣдомляли ваше правительство во всѣхъ подробностяхъ о положеніи дѣлъ въ Аргентинѣ въ моментъ отправленія пакетбота въ Европу, не такъ ли?

— Совершенно такъ, ваше превосходительство.

— Но вы не могли этого сдѣлать, потому что нѣкоторыхъ фактовъ вамъ не достаетъ.

— Я сообщаю своему правительству лишь объ общихъ вопросахъ, объ общественныхъ только событіяхъ, но не могу же увѣдомлять его о фактахъ, относящихся до внутренней политики аргентинскаго кабинета, которые мнѣ совершенно неизвѣстны.

— Это правда; но знаете ли вы настоящую цѣну этихъ общихъ вопросовъ, сеньоръ Спрингъ?

— Ихъ цѣну!—повторилъ посолъ фразу генерала, для того чтобы дать себѣ срокъ собраться съ мыслями, и не дать опрометчиваго отвѣта.

Розасъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ: онъ превозмогалъ надъ умомъ своего собесѣдника, загонялъ его, что называется, въ уголъ своею находчивостью, проницательностью и увѣренностью въ своемъ умственномъ превосходствѣ.

— Что онѣ значатъ для вашего правительства, эти ваши общія положенія, да ровно ничего!

— О...

— Да, конечно, ровно ничего! Вы европейцы всегда накопляете множество этихъ общихъ свѣдѣній, когда желаете сдѣлать видъ, что хорошо знакомы съ дѣломъ, о которомъ вы въ сущности не имѣете ни малѣйшаго понятія; система эта производитъ, однако, дѣйствіе совершенно противное тому, на какое вы разсчитываете, потому что въ большинствѣ случаевъ вы обобщаете на совершенно ложныхъ основаніяхъ.

— Ваше превосходительство, вѣроятно, хотите этимъ сказать...

— Я хочу сказать, сеньоръ посланникъ, что обыкновенно вы говорите о вещахъ, которыхъ не знаете и не понимаете; по крайней мѣрѣ, что касается моей страны, это несомнѣнно.

— Но иностранный посолъ никакимъ образомъ не можетъ знать подробности внутренней политики, въ которой онъ не принимаетъ никакого участія.

— Потому-то иностранный министръ, желающій сообщать своему правительству дѣйствительно вѣрныя свѣдѣнія, и долженъ стараться по возможности сблизиться съ главою правительства, ведущаго эту политику, присматриваться и прислушиваться, принимать къ свѣдѣнію его разъясненія и толкованія.

— Это именно тотъ образъ дѣйствій, какого я придерживаюсь.

— Не всегда.

— Значитъ противъ воли.

— Весьма возможно... Но скажите, знаете ли вы настоящее положеніе дѣлъ въ данный моментъ? или если уже говорить о тѣхъ общихъ явленіяхъ, которыя вы всѣ такъ любите, скажите, въ какомъ духѣ написаны тѣ депеши, которыя вы отсылаете завтра вашему правительству? что говорите вы въ нихъ о моемъ правительствѣ?

— О, сеньоръ!

— Это не отвѣтъ.

— Я это знаю.

— Въ такомъ случаѣ что вы мнѣ отвѣтите?

— Касательно настоящаго положенія правительства вашего превосходительства?..

— Ну, да, чего вы ожидаете, моего ли тріумфа или тріумфа анархіи?

— Мнѣ кажется... что всѣ вѣроятія за то, что торжество останется на сторонѣ вашего превосходительства.

— Но это мнѣніе ваше вы, конечно, на чемъ нибудь основываете?

— Безъ сомнѣнія.

— Можно узнать?

— На власти и могуществѣ вашего превосходительства, на вашей ловкости и необычайномъ умѣніи.

— Гм! это довольно расплывчатая фраза, довольно туманная, признаюсь, потому что если у меня есть извѣстная власть и могущество, то и анархисты могутъ похвастать тѣмъ же, не правда ли?

— О, сеньоръ!

— Да, конечно, напримѣръ извѣстно ли вамъ, каково въ данную минуту положеніе Лаваля въ *Entre Rios*?

— Да, сеньоръ, онъ внѣ всякой возможности дѣйствовать со времени битвы при *Don Crisboval*'ѣ, въ которой войска конфедераціи одержали столь блистательную побѣду.

— Однако генералъ Эшагъ вынужденъ такъ же оставаться въ бездѣйствіи за недостаткомъ лошадей.

— Это дѣйствительно вѣрно, но ваше превосходительство можете все, что пожелаете и не замедлите, конечно, доставить ему недостающихъ ему лошадей.

— Ну, а знаете вы положеніе Корріэнта?

— Я полагаю, что разъ Лаваль разбитъ на голову, Корріэнтъ безъ труда присоединится къ федеральной лигѣ.

— Не знаю, что будетъ, но пока Корріэнтъ охваченъ возстаніемъ, что составляетъ уже двѣ провинціи.

— Да, дѣйствительно, двѣ, но... но, вѣдь, конфедерація насчитываетъ ихъ всего четырнадцать.

— Ну, не такъ много! Въ данный моментъ уже давно нѣтъ четырнадцати, такъ какъ нельзя не считать тѣ провинціи, которыя открыто встали на сторону унитаровъ!

— Конечно, конечно, превосходительнѣйшій сеньоръ! но революціонное движеніе въ этихъ провинціяхъ не имѣетъ почти никакого значенія, какъ я полагаю.

— Ну, не говорилъ ли я вамъ, что всѣ ваши общіе взгляды и сужденія основываются на ложныхъ свѣдѣніяхъ и ошибочныхъ предположеніяхъ?!.

— Я полагаю то, что я вамъ говорю, сеньоръ министръ, *Tucuman*, *Salta*, *la Rioja*, *Catamarca* и *Jujuy*, все это провинціи очень важныя и это движеніе, о которомъ вы такъ небрежно изволите говорить, ничто иное, какъ серьезная революція съ большимъ запасомъ оружія и людей.

— Это было-бы весьма печально.

— Оно такъ и есть; унитары тѣснятъ меня со всѣхъ сторонъ и кромѣ всего этого... ну, что-же еще кромѣ всего этого, сеньоръ посланникъ?

— Что еще?..

— Да, что еще сеньоръ? спрашиваю васъ, но такъ какъ у васъ не хватитъ духа назвать мнѣ моихъ враговъ, то я скажу вамъ: кромѣ всего того мнѣ еще угрожаетъ Ривери.

— Ну-у...

— Ривери теперь далеко не такъ незначителенъ, какъ вы полагаете, въ настоящій моментъ онъ собралъ армію на Уругваѣ.

— Да, но эта армія не перейдетъ границы.

— Возможно; однако я долженъ разсчитывать на то, что она перейдетъ, и тогда, вы сами видите, что я со всѣхъ сторонъ буду окруженъ врагами, возбужденными, одобряемыми и поддерживаемыми Франціей.

— Дѣйствительно, положеніе серьезное, —сказалъ сиръ Вальтеръ, произнося эти слова крайне медленно и вдумчиво, такъ какъ онъ положительно былъ пораженъ тѣмъ, что слышалъ, не будучи въ состояніи сообразить, съ какою цѣлью Розасъ открывалъ ему глаза на всѣ эти грозящія опасности: такого рода

откровенность со стороны хитраго, лукаваго и скрытнаго вообще Розаса должна была скрывать какія-либо не маловажныя причины.

— Да, все это очень серьезно,—продолжалъ Розасъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ и самообладаніемъ, окончательно сбившими съ толка англичанина;—теперь,—когда вамъ болѣе или менѣе извѣстны всѣ грозящія моему правительству и мнѣ лично опасности и дѣйствительное положеніе дѣлъ государства, скажите, чѣмъ вы думаете оправдать передъ лицомъ вашего правительства надежды на мое торжество надъ унитарами? Вѣдь вы только что изволяли высказать мнѣ, что ни мало не сомнѣваетесь въ томъ, что я долженъ одержать верхъ!

— Да, на что-же иное могу я разсчитывать, какъ не на ту власть, тотъ престижъ и ту популярность, которые создали вашему превосходительству столь громкую славу и прочное положеніе?!

— Ба! ба! ба!..—засмѣялся Розасъ тономъ человѣка, чувствующаго не то сожалѣніе, не то презрѣніе къ недальновидности и простоватости своего собесѣдника.

— Я положительно не вижу, сеньоръ генералъ,—сказалъ сиръ Вальтеръ Спрингъ, пораженный тѣмъ дурнымъ впечатлѣніемъ, какое произвела на диктатора его льстивая рѣчь,—въ какомъ изъ многихъ правдивыхъ словъ ваше превосходительство изволили усмотрѣть нѣчто смѣшное.

— Въ любомъ, господинъ европейскій дипломатъ, въ любомъ!—съ ѣдкой ироніей отвѣтилъ Розасъ.—Выслушайте меня, сеньоръ Спрингъ: все, что вы изволили сейчасъ сказать, прекрасно для того, чтобы говорить все это передъ народомъ и народу, но никуда не годно для того, чтобы написать лорду Пальмерстону, котораго унитары въ Монтевидео именуютъ «важнымъ» министромъ. Я сообщилъ вамъ только что довольно подробно обо всемъ, что грозитъ въ настоящее время моему правительству, а слѣдовательно и порядку и миру аргентинской конфедераціи —не такъ-ли?

— Да, превосходительнѣйшій сеньоръ.

— Знаете вы причину, почему я это сдѣлалъ? О, вы не

поняли этого, какъ я вижу, вы не съумѣли дать себѣ отчетъ въ моей откровенности, которая только смутила васъ! Ну, такъ знайте-же, что я говорилъ съ вами такимъ образомъ потому, что знаю, что изъ этого нашего свиданія долженъ родиться протоколъ, который вы немедленно пошлете вашему правительству,—и этого-то именно я и желаю.

— Ваше превосходительство желаетъ этого?!—воскликнулъ удивленный дипломатъ.

— Да, я этого хочу—и главная причина заключается въ томъ, что для меня весьма важно, чтобы англійское правительство узнало всѣ эти подробности черезъ меня, прежде чѣмъ оно узнаетъ все это отъ моихъ враговъ. Поняли вы теперь мою мысль? Что я выиграю тѣмъ, что постараюсь скрыть отъ англійскаго правительства положеніе дѣлъ, которое вскорѣ станетъ ему оффиціально извѣстно изъ тысячи различныхъ источниковъ? Вѣдь, это значило-бы, что я чего-то боюсь. Но, клянусь вамъ, я ничего рѣшительно не боюсь! Настоящихъ враговъ своихъ я не боюсь нисколько!

— Вотъ потому-то я и сказалъ, что съ властью вашего превосходительства...

— Ахъ, оставте вы меня въ покоѣ съ моею властью, сеньоръ Спрингъ!

— Но въ такомъ случаѣ... если ваше превосходительство не имѣете власти...

— Я имѣю достаточно власти, сеньоръ министръ,—рѣзко перебилъ его Розасъ,—это не подлежитъ сомнѣнью.

Эта рѣзкая выходка диктатора окончательно выбила изъ колеи сира Вальтера, онъ совершенно отказывался понимать грознаго генерала и, не зная, что отвѣтить, какъ-то растерянно прошепталъ:

— Но тогда...

— Тогда, тогда!—передразнилъ его Розасъ,—тогда выходитъ, что имѣть власть одно, а разсчитывать на эту власть, чтобы она вывезла изъ безвыходнаго положенія, — дѣло другое. Что-же вы думаете, что лордъ Пальмерстонъ не знаетъ сложенія и вычитанія? И неужели вы думаете, что онъ пожелаетъ поддер-

живать правительство, которое, судя по своему положенію, можетъ просуществовать не долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ... ба!.. я никогда особенно не разсчитывалъ на поддержку англійскаго правительства, мистеръ Спрингъ, въ моемъ недоразумѣніи съ Франціей, но теперь еще менѣе надѣюсь, разъ знаю, что сообщенія вашему правительству пишутся вами въ разсчетахъ на мою личную власть!

— Но, сеньоръ генералъ, если не властію, не войсками и не съ помощью федераловъ, то какими-же средствами разсчитываетъ ваше превосходительство побѣдить унитаровъ?

— Да ими-же самими, сеньоръ Спрингъ,— съ чисто-нѣмецкой флегмой отвѣтилъ Розасъ, уставившись пытливымъ взглядомъ въ лицо англійскаго уполномоченнаго и стараясь уловить на немъ то впечатлѣніе, какое произвелъ на его собесѣдника этотъ, внезапно откинутый передъ нимъ край завѣсы, скрывавшей таинственную глубину его мыслей.

— Аа!—воскликнулъ сиръ Вальтеръ, непомѣрно вытаращивъ глаза, между тѣмъ какъ въ его мозгу широко расплывался цѣлый кругъ цѣплявшихся одна за другую мыслей и комбинацій, на которыя его натолкнули слова диктатора.

— Да, ими-же самими,—спокойно продолжалъ послѣдній,— въ настоящее время это моя самая сильная армія, та власть, которой труднѣе всего противустоять, или, вѣрнѣе сказать, моя сила, самая гибельная для моихъ враговъ.

— Дѣйствительно, ваше превосходительство открываетъ мнѣ горизонты, о которыхъ я и не думалъ.

— Да, я знаю,—презрительно уронилъ Розасъ, никогда не упускавшій случая заставить другого почувствовать свое превосходство надъ нимъ и его собственную недогадливость или ошибку.—Эти унитары,—продолжалъ онъ,—никогда не имѣли и не будутъ имѣть того, чего имъ единственно недостаетъ, чтобы явиться дѣйствительно грозной силой, несмотря на ихъ численность и на всю ту поддержку, какую они могутъ имѣть. У нихъ есть высокодаровитые люди, у нихъ наилучшіе солдаты республики,—но у нихъ нѣтъ общаго центра дѣятельности. Всѣ они командуютъ и никто не повинуется; всѣ они стремятся

къ одной цѣли, но всѣ идутъ къ ней разными путями и потому никогда не достигнутъ ея. Фэрре не подчиняется Лавалю, потому что онъ губернаторъ провинціи; Лаваль не подчиняется Фэрре, потому что онъ генералъ унитаровъ, генералъ *Libertador* (освободитель), какъ они его называютъ. Лаваль нуждается въ содѣйствіи и помощи Риверы, потому что этотъ послѣдній хорошо знакомъ съ нашими войнами, но его самолюбіе заставляетъ его предполагать, что онъ и одинъ управится; онъ презираетъ Риверу. Ривера чувствуетъ необходимость соединить свои дѣйствія съ дѣйствіями Лаваля, потому что Лаваль такъ сказать, народный вождь и главнымъ образомъ потому еще, что самъ онъ не обладаетъ всѣми тѣми военными знаніями, какими обладаетъ Лаваль; но Ривера презираетъ Лаваля за то, что онъ не *montanero* и ненавидитъ его за то, что онъ *porteno*. Люди пера, т. е. кабинетные люди даютъ Лавалю благіе совѣты; Лаваль хотѣлъ-бы послѣдовать ихъ совѣтамъ, но люди меча, т. е. его ближайшіе подчиненные, презираютъ всѣхъ, кто не стоитъ въ рядахъ арміи, и Лаваль, который не умѣетъ заставить ихъ повиноваться, для того, чтобы не возбудить неудовольствія своихъ подчиненныхъ, допускаетъ ихъ становиться въ оппозицію съ умнѣйшими людьми своей партіи. Вѣрьте мнѣ, всѣ унитары поголовно заражены этимъ недугомъ, каждый изъ нихъ хочетъ быть вождемъ, губернаторомъ, министромъ и никто не хочетъ быть простымъ солдатомъ, гражданиномъ и подчиненнымъ. И вотъ, сеньоръ, уполномоченный посолъ ея величества королевы Англійской, когда имѣешь дѣло съ такого рода врагами, то слѣдуетъ имъ только дать время уничтожить самихъ себя, что я и дѣлаю.

— О, это превосходно! это блестящая мысль!—радостно воскликнулъ сиръ Вальтеръ.

— Позвольте, я еще не кончилъ,—все такъ-же флегматически прервалъ его Розасъ,—я желалъ-бы знать, вполнѣ-ли вы теперь усвоили себѣ то, какъ слѣдуетъ смотрѣть на положеніе мое и моихъ враговъ?

— О, конечно, конечно! — воскликнулъ посланникъ, весело потирая свои бѣлыя руки, какъ человѣкъ, испытывающій види-

мое облегченіе, столь естественное, когда человѣку наконецъ удается благополучно выбраться изъ крайне затруднительнаго положенія;—я измѣню свои депеши и главнымъ образомъ постараюсь, чтобы лордъ Пальмерстонъ хорошенько понялъ настоящее положеніе дѣлъ въ томъ смыслѣ, какъ ваше превосходительство изволили изложить его мнѣ.

— Дѣлайте, какъ вы найдете нужнымъ, - единственно, чего я желаю, это то, чтобы вы сообщили вашему правительству чистую правду!—сказалъ Розасъ съ дѣланнымъ равнодушіемъ, сквозь которое видно было несомнѣнное лицемѣріе всей предстоящей сцены.

— Для англійскаго кабинета столь-же важно знать правду, какъ и для вашего превосходительства важно сдѣлать ее извѣстной.

— Для меня?

— Какъ! развѣ ваше превосходительство не сочло бы за лучшую поддержку содѣйствіе Англіи?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Ну, напримѣръ, если-бы Англія принудила Францію окончить свои недоразумѣнія въ Ла-Платѣ, развѣ это не было-бы половиной торжества надъ врагами вашего превосходительства?

- Но это самое вмѣшательство Англіи вы мнѣ предлагали чуть-ли не съ самаго начала блокады.

-- Да, это дѣйствительно вѣрно, превосходительнѣйшій сеньоръ.

— И съ тѣхъ поръ приходилъ пакетботъ за пакетботомъ, почта за почтой, а вы все не получали тѣхъ предписаній, которыхъ вы не переставали испрашивать у вашего правительства и которыхъ вы все-таки не получаете.

— Да, но на этотъ разъ, по малѣйшему намеку Англіи, правительство Его Величества Короля Франціи поспѣшитъ тотчасъ-же прислать сюда уполномоченнаго для того, чтобы уладить наконецъ это несчастное недоразумѣніе съ вашимъ превосходительствомъ, -въ этомъ я не мало не сомнѣваюсь.

-- Почему-же?

— Потому что въ данный моментъ французское прави-

тельство въ самомъ незавидномъ положеніи: Абдъ-ель-Кадеръ является уже въ настоящее время серьезнымъ врагомъ, и война въ Алжирѣ часъ отъ часу становится грознѣе; въ восточномъ вопросѣ одна Франція заявляетъ требованія, противоположныя требованіямъ четырехъ великихъ державъ. Пятнадцать кораблей, четыре фрегата и нѣсколько другихъ судовъ посланы французскимъ правительствомъ въ Дарданеллы и если она будетъ упорствовать въ своихъ требованіяхъ или, если Россія будетъ продолжать отстаивать Константинополь, то королю Луи-Филиппу вскорѣ придется отправить въ Дарданеллы и Босфоръ всѣ свои эскадры. Внутреннее положеніе Франціи также неспокойно,— бонапартисты послѣ Страсбургской попытки всѣ подняли головы, настоящее министерство весьма не прочно, оппозиція работаетъ во всю. При такомъ положеніи дѣлъ ясно, что Франція принуждена упрочить, во что-бы то ни стало, свой союзъ съ Англіей, и въ такомъ пустячномъ вопросѣ, какъ недоразумѣнія въ Ла-Платѣ, французскій кабинетъ не захочетъ сдѣлать неудовольствіе лорду Пальмерстону.

— Дѣлайте такъ или иначе, это для меня безразлично сеньоръ министръ, мнѣ не грозитъ никакой опасности, ни въ Константинополѣ, ни въ Африкѣ, а что касается блокадъ, то онѣ не столько вредятъ мнѣ, сколько, какъ вамъ извѣстно...

— Да, да, я знаю, я это знаю, прекраснѣйшій сеньоръ, англійская торговля особенно страдаетъ отъ этихъ продолжительныхъ блокадъ.

— А знаете-ли вы, какой англійскій капиталъ находится въ Буэносъ-Айресѣ и почему французская эскадра не пропускаетъ его?

— Два милліона ливровъ въ съѣстныхъ продуктахъ мѣстнаго производства, которые съ каждымъ днемъ портятся и приходятъ въ негодность.

— А извѣстна ли вамъ сумма ежемѣсячнаго расхода за присмотръ и храненіе этихъ съѣстныхъ припасовъ? —Двадцать тысячъ ливровъ, сеньоръ!

— Да, это вѣрно. Я сообщаю обо всемъ этомъ своему правительству.

— Я очень радъ, что все это извѣстно вамъ и если вамъ нравится терпѣть подобные убытки, то это ваше дѣло, я же лично знаю, какъ защитить себя отъ этихъ блокадъ.

— Я уже не разъ говорилъ, что ваше превосходительство все можетъ!—сказалъ серъ Вальтеръ тономъ давнишняго убѣжденія.

— Нѣтъ не все, сеньоръ министръ,—отвѣчалъ Розасъ, откидываясь на спинку своего стула и уставясь испытующимъ взглядомъ въ лицо своего собеседника, какъ-бы желая проникнуть въ глубину тайниковъ его души.—Нѣтъ не все, повторилъ онъ,—напримѣръ, если какой-нибудь иностранный посланникъ отворитъ двери своего дома какому-нибудь унитару, котораго по праву преслѣдуетъ правительство, и скроетъ его въ своемъ домѣ, я не могу разсчитывать на то, чтобы онъ откровенно принялъ и, разсказавъ мнѣ все дѣло, просилъ у меня помилованія для этого унитара, что я-бы сдѣлалъ, не заставивъ даже просить себя.

— Какъ! неужели нѣчто подобное случилось? Что касается меня, то мнѣ положительно неизвѣстно, о комъ изъ посланниковъ изволитъ говорить ваше превосходительство.

— Вамъ это неизвѣстно, сеньоръ Спрингъ? произнесъ Розасъ, дѣлая особое удареніе на этой фразѣ и глядя въ упоръ на сира Вальтера Спринга.

— Даю вамъ въ этомъ честное мое слово...

— Довольно!—прервалъ его Розасъ, который прежде даже чѣмъ его собесѣдникъ началъ свою фразу, былъ уже убѣжденъ въ томъ, что тотъ ничего не знаетъ о томъ, что такъ интересуетъ его, Розаса и ради чего онъ главнымъ образомъ и призвалъ его къ себѣ.—Довольно,—повторилъ онъ, вставъ со своего мѣста, чтобъ скрыть пожиравшую его ярость и злобу.

Серъ Вальтеръ снова началъ впадать въ недоумѣніе передъ этимъ удивительнымъ человѣкомъ, отъ котораго рѣшительно никто, повидимому, не могъ уйти довольнымъ и спокойнымъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ по комнатѣ, Розасъ вдругъ остановился, оперщись рукой на спинку стула, на которомъ сидѣлъ мулатъ, изо всѣхъ силъ боровшійся съ одолѣвавшимъ его сномъ, и сталъ какъ-бы прислушиваться къ чему-то.

Дѣйствительно, топотъ коня, мчавшагося во весь опоръ, слышался съ западной стороны вдоль улицы Ресторадора, и менѣе чѣмъ черезъ секунду звукъ подковъ коня послышался у воротъ дома диктатора.

— Какая-нибудь полицейская депеша!—сказалъ серъ Вальтеръ, стараясь вновь завязать разговоръ, столь рѣзко прерванный.

Розасъ взглянулъ на него съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

— Нѣтъ, сеньоръ англійскій министръ,— сказалъ онъ,—эта лошадь прискакала изъ деревни и человѣкъ, который удержалъ ее у моего крыльца не *Celador* и не агентъ полиціи, но просто настоящій добрякъ гаучо!

Англичанинъ слегка пожалъ плечами и всталъ. Въ этотъ моментъ въ столовую вошелъ Корваланъ съ пакетомъ въ рукѣ.

Розасъ вскрылъ пакетъ и едва успѣлъ пробѣжать первыя строки, какъ выраженіе дикой звѣрской ярости мгновенно отразилось въ чертахъ диктатора, такъ что серъ Вальтеръ, отъ котораго не укрылось это страшное выраженіе лица Розаса, не могъ дать себѣ отчета, было ли это дѣйствительно или это ему только показалось.

— И такъ, сеньоръ Спрингъ—сказалъ диктаторъ, прервавъ свое чтеніе и протягивая англійскому посланнику руку,— вы удаляетесь?

Спрингъ дѣйствительно стоялъ уже со шляпой въ рукѣ.

— Да, я хочу дать вашему превосходительству возможность отдохнуть среди вашихъ друзей.

— Когда же вы разсчитываете отправиться на пакетботъ?— спросилъ Разасъ, не слыхавшій ни одного слова изъ фразы англичанина.

— Послѣ завтра, превосходительнѣйшій сеньоръ!

— Это очень продолжительный срокъ. Заставьте вашего секретаря поприлежнѣе поработать, чтобы пакетботъ могъ отправиться завтра послѣ полудня или точнѣе сегодня, такъ какъ теперь уже четыре часа утра.

— Онъ отправится въ шесть часовъ пополудни, превосходительнѣйшій сеньоръ.

— Покойной ночи, сеньоръ Спрингъ!

Отвѣсивъ два или три низкихъ поклона англійскій посолъ удалился.

— Корвалапъ, проводите сеньора и тотчасъ же вернитесь сюда.

— Сеньоръ! Сеньоръ! что надо сдѣлать *gringo*?—воскликнулъ мулатъ.

Но Розасъ, не слушая его, сѣлъ къ столу, разложилъ на немъ бумагу, только что имъ полученную, и, подперевъ голову обѣими руками, принялся снова читать содержаніе этого посланія, съ каждымъ новымъ словомъ котораго глаза его наливались кровью, а высокій лобъ то блѣднѣлъ, то становился краснымъ, то багровымъ.

Четверть часа спустя, заперевъ лично на замокъ двери своего кабинета, диктаторъ ходилъ быстрыми, злобными шагами взадъ и впередъ по комнатѣ точно дикій звѣрь въ клѣткѣ, предаваясь бѣшеной ярости своихъ неукротимыхъ страстей, прорывавшихся наружу бѣшеной звѣрской злобой и гнѣвомъ на все окружающее.

XI. Донна Марселина.

Заря 5-го мая смѣнила мракъ той страшной ночи, въ теченіе которой произошли вышеописанныя нами кровавыя и печальныя событія.

Легкій южный вѣтерокъ, свѣжій и живительный, разогналъ нависшій надъ городомъ густой сырой туманъ. Въ этотъ роковой для аргентинскаго народа 1840 годъ, казалось, и самая природа хотѣла увеличить число невзгодъ, обрушившихся на него, и съ первыхъ чиселъ апрѣля неслыханные ливни положительно затопили злополучный городъ. Теперь же этотъ южный вѣтерокъ приносилъ съ собою сладкій ароматъ безчисленныхъ фіалокъ и дикихъ жасминовъ, густымъ ковромъ покрывавшихъ въ это время песчаныя поляны побережья.

Кругомъ царила тишина, полнѣйшее безлюдье и безмолвіе. Небрежная и аристократическая красавица, эти Аѳины южной Америки, казалось, съ особымъ наслажденіемъ нѣжилась на берегу широкой покойной рѣки, вдыхая въ себя тонкій аромать цвѣтовъ и душистыхъ травъ и стараясь отдалить рабочіе часы наступающаго дня.

Среди просторныхъ и широкихъ улицъ, между строеніями тамъ и сямъ еще держался сумракъ рѣдѣющей ночи; на югѣ, надъ ровной гладью рѣки, голубой сводъ безоблачнаго неба уже скрашивался тамъ и сямъ блѣдно-розовыми отливами и золотымъ отблескомъ близкаго восхода, а сіяющій дискъ лучезарнаго свѣтила медленно выплывалъ изъ-за лона тихихъ водъ, разгоняя послѣднія тѣни минувшей ночи. И вотъ въ этотъ моментъ, когда начинался день и всеобщая тишина лишь изрѣдка нарушалась грохотомъ какой-нибудь одинокой телѣги, спѣшившей на базаръ, долговязый, высокаго роста человѣкъ, худой до невѣроятія и не только блѣдный, но прямо желтый какъ воскъ, торжественно выступалъ по улицѣ Побѣды.

На видъ ему могло быть пятьдесятъ, пятьдесятъ-пять лѣтъ, шелъ онъ медленно и выступалъ съ такою важностью, что, казалось, вышелъ такъ рано изъ дома исключительно для того, чтобы подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ или же съ цѣлью первымъ изъ всѣхъ жителей города показать солнышку свой ярко-красный жилетъ такихъ размѣровъ, что покрывалъ ему весь животъ, на которомъ разстилались многочисленные федеральные девизы, украшавшіе его грудь и шляпу.

Человѣкъ этотъ, по случайной ли неловкости или же преднамѣренно ронялъ раза два три на каждомъ кварталѣ свою великолѣпную трость изъ индѣйскаго тростника, съ золотымъ набалдашникомъ, которая каждый разъ, падая, катилась назадъ, причемъ ея владѣльцу приходилось возвращаться за нею. Все это онъ продѣлывалъ съ ангельскимъ терпѣніемъ и естественнымъ образомъ; взглядъ его скользилъ по всѣмъ тѣмъ кварталамъ, которые онъ уже прошелъ т. е. по направленію пригорода. Уронивъ такимъ образомъ двадцать или тридцать

разъ свою трость, онъ наконецъ остановился у воротъ дома, знакомаго уже нашимъ читателямъ, въ которыя нѣсколько часовъ тому назадъ въѣхалъ донъ Мигуэль и его слуга.

Прислонившись на минуту къ стѣнѣ, незнакомецъ снялъ шляпу и сталъ утирать лобъ большимъ платкомъ; случайно или съ намѣреніемъ онъ внимательно поглядывалъ направо и налѣво и, убѣдившись, что на разстояніи по крайней мѣрѣ двѣнадцати кварталовъ въ томъ и другомъ направленіи не было ни души, подошелъ къ двери и скромно постучался въ нее концемъ своей трости.

Мы оставимъ пока эту новую личность ожидать у дверей, когда ему ихъ отворятъ, а сами войдемъ въ домъ незадолго до его прихода, т. е. приблизительно около девяти часовъ утра. Нашъ тощій, долговязый незнакомецъ уже нѣсколько разъ приходилъ къ этой двери, да къ тому же онъ потратилъ не мало времени, поминутно роняя свою трость и возвращаясь за нею.

Проснувшись, нѣсколько минутъ тому назадъ, донъ Мигуэль одѣвался съ помощью своего вѣрнаго Тонильо, который успѣлъ уже исполнить всѣ порученія своего господина.

— Донна Аврора сама приняла цвѣты? — спросилъ онъ, красиво зачесывая свои густые черные волосы и расчесывая, согласно федеральнымъ предписаніямъ того времени, свою бороду на двѣ стороны.

— Сама, сеньоръ!

— А письмо?

— Вмѣстѣ съ цвѣтами.

— Замѣтилъ ты, что она была довольна?

— Мнѣ показалось, что да, но письмо, очевидно, удивило ее, потому что она меня спросила, не случилось-ли чего-нибудь особеннаго.

— Бѣдняжка! Скажи, въ чемъ была она? скажи мнѣ все подробно; что она дѣлала, когда ты къ ней пришелъ?

— Она стояла около клумбы жасминовъ, что посреди двора, и развивала папильотки съ своихъ кудрей.

— Этихъ золотистыхъ кудрей, каждый волосъ которыхъ неразрывною цѣпью приковываетъ къ ней мое сердце! воскликн-

нулъ молодой человѣкъ, небрежно завязывая концы своего галстуха.

— Больше она ничего не дѣлала, сеньоръ.

— А въ чемъ она была?

— Въ бѣломъ капотѣ съ зелеными полосками, съ вырѣзомъ на груди и схваченномъ у тальи.

— Ахъ, какъ это прелестно! какъ она должна была быть хороша! ну, продолжай!

— Да это все.

— Фу, какъ ты глупъ!

— Но, сеньоръ, на ней не было ничего другого.

— Понятно, на ней были же туфли или ботинки, какая-нибудь косыночка, бантъ, ленты, ну, что-нибудь такое, что ты долженъ былъ видѣть, чтобы пересказать мнѣ.

— Ну, какъ же вы хотите, сеньоръ, чтобы я все это замѣтилъ?!—возразилъ Тонильо со свойственнымъ ему крестьянскимъ добродушіемъ, которое онъ, несмотря на пребываніе въ городѣ, все еще не утратилъ.

— А кто тамъ ждетъ въ пріемной?

— Та женщина, за которой вы меня посылали, и донъ Кандидо.

— А-а! мой учитель правописанія! геній разныхъ прилагательныхъ и всякихъ исключеній! что привело его ко мнѣ, не говорилъ онъ тебѣ ничего?

— Нѣтъ, сеньоръ, онъ только сказалъ мнѣ, что ему необходимо поговорить съ вами, что онъ приходилъ сюда въ шесть часовъ утра, но двери были заперты, что затѣмъ онъ приходилъ еще разъ въ семь часовъ и что затѣмъ онъ все бродилъ здѣсь по близости, выжидая, когда ему можно будетъ васъ видѣть.

— Эхъ чортъ! какъ видно мой старый учитель все еще не отвыкъ меня мучить и хотѣлъ заставить меня встать въ шесть часовъ утра, для того чтобы бесѣдовать съ нимъ. Усади его въ моемъ кабинетѣ, а донну Марселину пригласи сюда!—сказалъ онъ, надѣвая голубой шелковый халатъ, цвѣтъ котораго какъ нельзя болѣе, выдѣлялъ бѣлизну его прекрасныхъ рукъ

— Такъ ее сюда и позвать?—недовѣрчиво спросилъ Тонильо.

— Ну, да, сюда, мой цѣломудренный Тонильо, вѣдь, я, кажется, говорю съ тобой не по гречески! Проведи ее сюда въ мою спальню, да не забудь покрѣпче запереть дверь кабинета, что ведетъ въ гостиную, а также и вотъ эту, когда та женщина войдетъ сюда.

Спустя минуту, шорохъ шелковыхъ юбокъ донны Марселины возвѣстилъ о ея приближеніи.

Она, дѣйствительно, появилась въ шелковомъ платьѣ, цвѣта густого вина, окутанная желтою шалью съ черной каймой. Бѣлый платокъ, сильно накрахмаленный, она держала за серединку, для того, чтобы видны были вышитые по угламъ амуры; огромный *catogan* изъ ярко красныхъ лентъ съ лѣваго боку украшалъ ея голову, дополняя собою видимыя прелести этой женщины. Въ смугломъ мясистомъ лицѣ ея только и было хорошаго, что большіе черные глаза, которые, вѣроятно, были хороши въ свое время, но теперь насчитывали безъ малаго пятьдесятъ зимъ.

На лицѣ этомъ видно было не мало пережитыхъ бурь и волненій всякаго рода; два густыхъ локона темныхъ волосъ не то шоколаднаго, не кофейнаго цвѣта, спускаясь до самаго подбородка, тщетно скрывали уже увядшую свѣжесть лица; добавивъ ко всему этому ростъ выше средняго и фигуру скорѣе тучную, чѣмъ стройную, нашъ читатель ставитъ себѣ довольно вѣрное представленіе о доннѣ Марселинѣ.

Вотъ эту-то особу донъ Мигуэль принялъ въ своей спальнѣ, не вставъ даже со стула, на которомъ онъ сидѣлъ съ тою стереотипною улыбкой, что свойственна людямъ извѣстнаго круга при разговорѣ съ людьми, стоящими ниже ихъ и къ которымъ они не питаютъ особаго уваженія.

— Вы мнѣ нужны, донна Марселина!—сказалъ онъ указывая ей на кресло противъ себя.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ, сеньоръ доннъ Мигуэль,— отвѣчала вновь прибывшая, садясь и накрывая все кресло множествомъ своихъ шелковыхъ юбокъ, которыя она расправляла жеманясь.

— Прежде всего скажите, какъ ваше здоровье и какъ поживаютъ у васъ дома?—спросилъ донъ Мигуэль, не любившій никогда приступать къ серьезному дѣлу, не изслѣдовавъ предварительно почву.

— Я право не знаю, что и дѣлать, сеньоръ. Жизнь въ Буэносъ-Айресѣ въ настоящее время сущее наказаніе за всѣ многочисленные грѣхи мои.

— Что-жъ это вамъ послужитъ въ пользу, когда вы переселитесь въ вѣчность! — шутливо замѣтилъ донъ Мигуэль, равнодушно подчищая ногти.

— Есть люди, которые грѣшили больше меня и все же попадутъ въ царство небесное! — сказала она, покачивая головой.

— Кто напримѣръ?

— Да напримѣръ хоть тѣ, которыхъ вы знаете.

— Есть вещи, которыя я очень легко забываю,

— Не знаю, какъ вы, но я нѣкоторыхъ вещей никогда не забуду, если даже я проживу болѣе двухсотъ лѣтъ.

— Вы не правы: прощать нашимъ врагамъ насъ учитъ сама религія.

— Прощать имъ! прощать тѣ оскорбленія, которыя они мнѣ причинили! простить имъ то, что они погубили мою репутацію, смѣшавъ меня съ тѣми созданіями безъ имени, которыя являются позоромъ нашего пола! о никогда!

— Ба! — воскликнулъ донъ Мигуэль, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха, — вы всегда преувеличиваете, когда говорите объ этомъ.

— Ахъ, что вы говорите! я преувеличиваю! Въ самомъ дѣлѣ, это пустякъ: явиться, схватить меня, кинуть въ телѣжку вмѣстѣ съ тѣми, съ намѣреніемъ меня отправить въ *Arroyo Ayul* — голубой ручей (мѣсто заключенія для непотребныхъ женщинъ) — меня, которая принимала у себя только лишь самый цвѣтъ золотой молодежи высшаго общества въ Буэносъ-Айресѣ! и не подумайте, чтобы это было изъ-за моего поведенія! О, нѣтъ, то просто была месть за мои всѣмъ извѣстныя политическія убѣжденія. Первыя мои связи были съ унитарами! я

принимала у себя министровъ, адвокатовъ, поэтовъ, докторовъ, писателей и публицистовъ, однимъ словомъ, все, что было лучшаго въ городѣ; вотъ причина, почему тиранъ *Педрісеъ* вписалъ меня въ свой листъ, когда Томасъ Архорени издалъ указъ о выселеніи непотребныхъ женщинъ. Старый Тартюфъ! подлый ростовщикъ о которомъ подѣломъ говоритъ:

El immortal macuquino
Grand sacerdote apostolico
Nos gustara un reas en vino
Aunque reviente de colico.

Безсмертный обирала денегъ,
Апостолическій епископъ
Не истратитъ реала, чтобы купить вина,
Хотя бы онъ околѣвалъ отъ коликъ.

Прим. Мы извиняемся за всѣ эти подробности, немного рѣзкія, но необходимыя для того, чтобы читатель могъ правильно судить о положеніи Буэносъ-Айреса подъ гнетомъ безобразной тираніи Розаса; мы ничего рѣшительно не вымышляемъ и не сгущаемъ красокъ, а напротивъ того еще смягчаемъ. *Г. Эмаръ.*

— Да, донна Марселина, прекрасные стихи!

— Великолѣпные! они были написаны въ 1838 г. Вѣдь мнѣ нанесли это оскорбленіе въ эпоху перваго управленія этого dancho-убійцы, который сдѣлалъ меня жертвой моихъ политическихъ убѣжденій и, какъ знать, быть можетъ, я отчасти поплатилась и за свою любовь къ литературѣ, вѣдь, эти дикари изгоняютъ всѣхъ, кто какъ я посвятили себя искуствамъ. Всѣ мои друзья были изгнаны. О, счастливыя времена Varelas и Gallardos! онѣ прошли, прошли на всегда! помните донъ Мигуэль! помните вы!...

И донна Марселина, сильно разгоряченная подъ впечатлѣніемъ своей рѣчи. усердно принялась обмахиваться платкомъ, между тѣмъ какъ шаль скрывавшая ея грудь и плечи, плавно скользнула внизъ до тальи.

— Да, это была возмутительная несправедливость, — ска-

залъ донъ Мигуэль, серьезное и мрачное лицо котораго невольно выдавало неудержимое желаніе разсмѣяться.—Вѣдь только ваши связи въ высшемъ обществѣ спасли васъ отъ бѣды.

— Такъ именно и было; я уже не разъ разсказывала вамъ это; я была спасена однимъ изъ моихъ самыхъ уважаемыхъ друзей, который сжалился надъ моей невинностью, угнетенной варварствомъ, какъ говоритъ Руссо, — съ важностью проговорила донна Марселина, имѣвшая слабость къ литературнымъ цитатамъ.

— Руссо былъ правъ, написавъ такую великую и новую истину! — сказалъ донъ Мигуэль, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— У меня удивительная память; нѣсколько дней тому назадъ я выучила наизусть цѣлую пьесу, которую видѣла всего одинъ разъ на сценѣ.

— По истинѣ это удивительно!

— Не правда-ли? Хотите, я вамъ прочту бредъ Креона, который начинается вотъ такъ:

«Печальная фатальность! Боги всевышніе!...

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ! — поспѣшно прервалъ ее донъ Мигуэль.

— Ну, какъ хотите!

— Въ данный моментъ что вы читаете донна Марселина?

— Я дочитываю *l'Enfaut du carnaval*, а послѣ этого примусь за *Sucinda*, которую теперь кончаетъ моя племянница Томасита.

— Прекраснѣйшія книги! А кто снабжаетъ васъ такими прекрасными книгами? -освѣдомился у нея донъ Мигуэль, откинувшись на спинку своихъ креселъ и устремивъ свой свѣтлый, спокойный взглядъ на лицо этой женщины, на половину помѣшанной.

— Никто меня не снабжаетъ ими, всѣ эти книги приноситъ моей племянницѣ Андрэа сеньоръ священникъ Гаэте.

— Священникъ Гаэте! — воскликнулъ донъ Мигуэль, разразившись на этотъ разъ неудержимымъ смѣхомъ.

— И я ему очень признательна, потому что люди образо-

ванные знаютъ, что молодымъ дѣвушкамъ слѣдуетъ читать и хорошее и дурное, для того чтобы ихъ въ жизни не могли обмануть.

— Прекрасно, сказано, донна Марселина, но вотъ чего я не могу понять: какъ это женщина съ вашими политическими убѣжденіями можетъ вести дружбу съ этимъ уважаемымъ священникомъ, который является однимъ изъ наиболѣе выдающихся героевъ Федераціи?

— Ахъ! я каждый день упрекаю его въ этомъ.

— И что же, онъ молчитъ?

— Онъ очень снисходителенъ, смѣется повернется ко мнѣ спиной и пойдетъ читать свои книги Гертрудитѣ.

— Гертрудитѣ! такъ у васъ еще и Гертрудита?

— Да, это моя новая пріемная племянница, она ужъ съ мѣсяцъ у меня.

— Santa Barbara! да у васъ племянницъ больше, чѣмъ у Адама внуковъ отъ Сифа, сына Каина и Ады. Читали вы когда-нибудь Библію, донна Марселина?

— Нѣтъ.

— Ну, а читали вы хоть Донъ-Кихота?

— Нѣтъ, не читала.

— Такъ этотъ Донъ-Кихотъ былъ господинъ, похожій и лицомъ и умомъ на генерала Орибе, который имѣлъ привычку увѣрять, что не можетъ быть надежной республики безъ нѣкоторыхъ амплуа, и это амплуа то самое, которое вы занимаете.

— Амплуа покровительницы моихъ бѣдныхъ племянницъ, хотите вы сказать?

— Вотъ именно.

— Я дѣлаю все, что могу для нихъ.

— Но что бы сталось съ вами, если бы почтенный отецъ церкви нашелъ у васъ то, что нашелъ я, когда впервые былъ въ вашимъ домѣ по рекомендаціи сеньора Дугласа?!

— О, Боже мой! я бы погибла! но сеньоръ священникъ Гаэте не будетъ столь любопытенъ, какъ сеньоръ донъ Мигуэль дель Кампо! — проговорила донна Марселина заискивающимъ голосомъ.

— Да, вы правы, но и я также: я къ вамъ зашелъ тогда, чтобы вручить вамъ письмо, которое вы должны были передать извѣстному лицу, и попросилъ у васъ чернилъ и перо, чтобы написать адресъ; въ этотъ моментъ къ вамъ постучали въ дверь, вы спрятали меня въ комнатѣ, бывшей вашею спальней, шепнувъ, что на столѣ я найду всѣ письменныя принадлежности; я ихъ искалъ, но тщетно, наконецъ, я открылъ ящикъ и...

— Вамъ не слѣдовало читать, что вы нашли, скверный вы мальчикъ!—прервала его донна Марселина самымъ ласкательнымъ голосомъ, какой только она могла придумать, что случалось каждый разъ, когда донъ Мигуэль заговаривалъ объ этомъ дѣлѣ.

— Какъ устоять противъ соблазна любопытства? Газеты изъ Монтевидео!

— Которыя мнѣ прислалъ мой сынъ, какъ я вамъ говорила.

— Да, но письмо?

— Ахъ, да, письмо! за это письмо они бы растрѣляли меня, эти варвары. Какъ я была неосторожна! а что вы сдѣлали съ этимъ письмомъ, прекрасный мой сеньоръ, цѣло оно у васъ?

— Да, какъ я подумаю, что вы осмѣлились писать, что всѣмъ женщинамъ изъ семьи Розаса обрѣжутъ косы, когда войдетъ въ городъ Лаваль! вѣдь это весьма важно, донна Марселина.

— Что дѣлать!—энтузіазмъ, вынесенныя мною оскорбленія, все, все; но вы же сами знаете, что сдѣлать это я не способна. А что вы сдѣлали съ письмомъ, цѣло оно у васъ? продолжала выпытывать донна Марселина, стараясь улыбнуться, но вмѣсто улыбки получилась какая-то гримаса.

— Вѣдь, я уже говорилъ вамъ, что унесъ его, чтобы спасти васъ.

— Вамъ слѣдовало изорвать его.

— Это было бы непростительною глупостью.

— Для чего храните вы это письмо?

— Чтобы имѣть въ рукахъ доказательство вашего патріотизма, которое могло бы послужить въ вашу пользу, когда дѣла

измѣнятся. Я желаю, чтобы васъ съ лихвой вознаградили за тѣ услуги, которыя оказываете...

— И это единственная причина, заставляющая васъ хранить это письмо?

— До настоящаго времени вы не давали мнѣ повода измѣнить моего мнѣнія о васъ!—сказалъ донъ Мигуэль вмѣсто отвѣта.

— И я никогда не подамъ вамъ этого повода! — воскликнула донна Марселина со вздохомъ облегченія.

— Я въ этомъ убѣжденъ: ну, а теперь поговоримъ о нашихъ дѣлахъ. Давно—вы видѣли Дугласа?

— Я видѣла его три дня тому назадъ: предыдущую ночь онъ отправилъ на суднѣ пять человѣкъ, изъ которыхъ двоихъ ему доставила я.

— Прекрасно. Вы повидаете его сегодня.

— Сегодня?

— Да сейчасъ-же.

— Я пойду прямо отъ васъ.

Донъ Мигуэль прошелъ въ свой кабинетъ, досталъ изъ подъ чернильницы письмо, написанное имъ ночью и, вложивъ его въ свѣжій конвертъ, съ перомъ въ рукѣ вернулся въ свою спальню.

— Надпишите адресъ на этомъ письмѣ!—сказалъ онъ обращаясь къ доннѣ Марселинѣ.

— Я?

— Да вы; пишите: сеньору Дугласу.

— И ничего болѣе?

— Ничего болѣе.

— Готово! сказала она, написавъ то, что ей сказали.

— Прекрасно, теперь вы отправитесь къ сеньору Дугласу и вручите ему это письмо, сказавъ, что я послалъ васъ къ нему.

— Я такъ и сдѣлаю.

— Ну, теперь вотъ еще, мнѣ нужно остаться одному въ теченіи получаса въ вашей квартирѣ завтра или послѣзавтра.

— Вы можете тамъ оставаться, сколько вамъ угодно, я уведу гулять своихъ племянницъ; но ключи?..

— Ключи вы сегодня же закажете двойные и завтра рано утромъ пришлете ихъ ко мнѣ, увѣдомивъ меня о днѣ и часѣ вашей прогулки: такъ какъ я не желалъ бы, чтобъ меня видѣли, то предпочелъ бы вечерніе часы, во время вечерняго богослуженія.

— О, я живу въ такой улицѣ, что это пустыня, только весной иногда проходятъ мимо люди, идущіе купаться, потому что домъ стоитъ у самой рѣки.

— Я желалъ бы, чтобы всѣ внутренніе двери оставались открытыми.

— Взять у меня тамъ почти нечего.

— Впослѣдствіи тамъ будетъ больше,—а пока я требую отъ васъ лишь скрытности и молчанія: малѣйшая неосторожность, которая не будетъ стоить мнѣ ни одного волоса съ головы моей,—вамъ будетъ стоить жизни.

— О, жизнь моя давно въ вашихъ рукахъ, но даже, если бы этого не было, я съ радостью готова пожертвовать собой ради послѣдняго изъ унитаровъ.

— Тутъ дѣло вовсе не въ унитарахъ и я никогда вамъ не говорилъ, что самъ я изъ нихъ. Но все ли вы запомнили?

— Не многіе могутъ похвастать такою памятью, какъ я! — сказала донна Марселина, слегка смутившись отъ серьезнаго тона, какимъ были произнесены послѣднія слова.

— Ну, а теперь простимся! —съ этими словами донъ Мигуэль всталъ и направился въ свой кабинетъ; здѣсь онъ открылъ бюро и досталъ изъ него пятьсотъ піастровъ.

— Вотъ,— сказалъ онъ, вернувшись въ спальню, возьмите это, чтобы заплатить за ключи и купить *dulces* вашимъ племянницамъ во время ихъ прогулки.

— Вы одинъ стоите цѣлаго Перу! —воскликнула донна Марселина, повеселѣвъ при видѣ денегъ,— такая сумма сразу и безъ процентовъ! О, вы гораздо болѣе щедры, чѣмъ уважаемый священникъ Гаэте по отношенію къ племянницѣ моей Гертрудѣ.

— Какъ бы то ни было, но берегитесь ссориться съ нимъ, это вамъ мой совѣтъ; ну, до другого раза!

— Я ваша тѣломъ и душой, сеньоръ донъ Мигуэль!

И сдѣлавъ довольно приличный реверансъ, почтенная донна Марселина вышла изъ комнаты.

XII. Донъ Кандидо.

Едва успѣла донна Марселина выйти изъ комнаты, какъ Тонильо ввелъ того незнакомца, что совершалъ свою прогулку раннимъ утромъ по улицамъ Буэносъ Айреса.

Со шляпою въ лѣвой рукѣ и тростью въ правой онъ вошелъ торжественно и важно; положивъ трость и шляпу на стулъ, онъ подошелъ съ протянутой рукою къ хозяину.

— Здравствуй, мой милый и уважаемый Мигуэль,—сказалъ онъ,—въ тотъ день, когда мнѣ болѣе всего нужно поговорить съ тобой, мнѣ особенно трудно добиться этого свиданія, мнѣ, твоему первому учителю. Но вотъ я здѣсь и съ твоего разрѣшенія я сяду.

— Вы знаете, сеньоръ, что я имѣю привычку вставать поздно.

— Да, ты всегда имѣлъ этотъ дурной обычай: не разъ ужъ я тебя примѣрно наказывалъ за то, что ты пропускалъ ранніе часы уроковъ.

— И несмотря на это, вы все же не сумѣли научить меня писать, а это самое скверное, что могло со мной случиться, добрѣйшій мой сеньоръ донъ Кандидо!

— А я такъ очень радъ этому.

— Въ самомъ дѣлѣ? спасибо вамъ, сеньоръ!

— Въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ, какъ я занимаюсь благороднымъ дѣломъ учителя начальной граматики, я имѣлъ случай наблюдать, что только дураки способны пріобрѣсти въ сравнительно короткій срокъ красивый, четкій, бѣглый

почеркъ, а дѣти съ блестящими способностями, какъ у тебя, съ трудомъ пріобрѣтаютъ посредственный и ровный почеркъ.

— Спасибо вамъ за этотъ комплиментъ, но признаюсь, я бы предпочелъ не имѣть столь блестящихъ способностей, только бы владѣть красивымъ почеркомъ.

— Однако это не мѣшаетъ тебѣ питать ко мнѣ самое дружеское расположеніе, не такъ-ли?

— Конечно, сеньоръ! я васъ люблю такъ же, какъ и всѣхъ тѣхъ, кто направлялъ меня въ дѣтствѣ.

— И ты не отказалъ бы мнѣ услугѣ, если-бы я имѣлъ когда нибудь нужду въ тебѣ?

— Да, не задумываясь, если это въ моей власти. Говорите прямо, вѣдь въ наше время потери состояній такъ часты, что вы не опасайтесь высказаться прямо! повторилъ донъ Мигуэль, желая облегчить своему бывшему учителю его просьбу въ томъ случаѣ, если она была такого рода.

— Нѣтъ, нѣтъ, тутъ дѣло вовсе не въ деньгахъ: къ счастью, съ моей аккуратностью и сбереженіями я могу жить безбѣдно: у меня къ тебѣ просьба серьезная. Въ жизни бываютъ ужасныя эпохи, — эпохи всякихъ невзгодъ, когда всякаго рода революціи ставятъ насъ на край погибели безъ различія, виновны ли мы или невинны. Вѣдь, революціи подобны бурямъ, грозящимъ гибелью судамъ въ открытомъ морѣ и гибелью всему ихъ экипажу и пассажирамъ, злымъ и добрымъ, евреямъ и христіанамъ, безъ различія. Я помню одно такое путешествіе, я ѣхалъ въ Las Vacas, съ нами былъ и одинъ францисканскій монахъ, превосходнѣйшій человѣкъ; видишь-ли, Мигуэль, что ни говори объ этихъ монахахъ, а между ними есть прекраснѣйшіе люди; у насъ и здѣсь были монахи, которые могли считаться образцами всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей; конечно есть и скверные, но въ жизни и все такъ...

— Простите, сеньоръ, но я вамъ замѣчу, что вы удалились отъ главной темы разговора, — сказалъ донъ Мигуэль, отлично знавшій человѣка съ которымъ имѣлъ дѣло: онъ зналъ, что если его не прерывать, то донъ Кандидо никогда не окончитъ своей рѣчи, а поминутно будетъ уклоняться.

— Самое лучшее, сеньоръ, это начинать прямо съ дѣла,— сказалъ донъ Мигуэль, котораго иногда забавляли безчисленныя прилагательныя, коими щедро усыпалъ свою рѣчь его учитель, но на этотъ разъ у него время было дорого и настроеніе совсѣмъ иное.

— Ну, хорошо я буду говорить съ тобой, какъ съ милымъ ласковымъ, скромнымъ и разумнымъ ребенкомъ.

— Достаточно послѣдняго, сеньоръ, я слушаю.

— Я знаю, что ты стоишь на добрыхъ якоряхъ, — продолжалъ донъ Кандидо, — этимъ я хочу сказать, что твои высокія связи, твои близкія отношенія съ людьми, занимающими высокое положеніе, твое блестящее родство, и крупныя дѣла, и вѣскія рекомендаціи, и совѣты сеньора, твоего отца...

— Ахъ, ради Бога, сеньоръ! скажите мнѣ, въ чемъ ваше дѣло.

— Да не спѣши, я къ дѣлу и иду; ты вѣчно былъ такой, когда еще садился въ синей курточкѣ рядомъ со мной, и я приказывалъ тебѣ писать, а дверь случайно оставалась открытой; ты вскакивалъ и убѣгалъ домой. Такъ вотъ я говорю, что твой отецъ, столь уважаемый и щедрый патріотъ, и всѣ твои друзья и твое положеніе открыли тебѣ широкій путь, усыпанный цвѣтами, а твои таланты, изящные вкусы и милое, привѣтливое обращеніе...

— Ну, хорошо, все это мнѣ извѣстно, но что-же я могу сдѣлать для васъ?

— Слушай, я знаю, что по мѣрѣ того, какъ надвигаются различныя событія и условія жизни измѣняются, лучше...

— Не лучше-ли, если-бы вы сказали прямо, что вы желаете, сеньоръ?

— Да не спѣши! у тебя есть связи?

— Да, много. Ну?!

— Ты знаешь сеньора начальника полиціи, дона Бернанда Викторика, не такъ-ли?

— Да, конечно, но что вы отъ него хотите?

— Послушай Мигуэль, вѣдь, я же выучилъ тебя писать, вѣдь, я любилъ тебя, какъ своего родного сына, ты почти един-

ственный изъ всѣхъ моихъ прежнихъ учениковъ, съ которымъ я по настоящее время сохранилъ дружескія отношенія.

— Прекрасно, но чего же вы собственно желаете? прервалъ его опять донъ Мигуель, кусая отъ нетерпѣнія губы.

— Я желаю, чтобы ты оказалъ мнѣ громадную услугу, Мигуель·

— Вы это мнѣ уже сказали въ началѣ разговора, сеньоръ.

— Такъ у тебя есть связи?

— Да, сеньоръ.

— И сильныя, вліятельныя связи?

— Да, сеньоръ.

— Ты въ дружбѣ съ Викторика?

— Да, сеньоръ.

— Ну тогда, Мигуэль, сдѣлай, чтобы меня...

— Что?

— Мигуель, ради первыхъ строкъ, написанныхъ тобою подъ моимъ руководствомъ, сдѣлай то, о чемъ я тебя прошу.. скажи... вѣдь, мы съ тобою здѣсь одни?

— Да они, совершенно одни, — отвѣтилъ донъ Мигуэль, немного удивленный тѣмъ, что старикъ замѣтно блѣднѣлъ по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ.

— Мигуэль, дорогой уважаемой мой, сдѣлай, чтобы меня...

— Да что сдѣлать, скажите во имя всѣхъ святыхъ, сеньоръ?

— Сдѣлай, чтобы меня посадили къ тюрьму, — сказалъ донъ Кандидо, приблизивъ свои губы къ самому уху дона Мигуля, который невольно привскочилъ и посмотрѣлъ въ упоръ на своего прежняго учителя, чтобы убѣдиться, въ своемъ ли онъ умѣ.

— Это удивляетъ тебя, — продолжалъ донъ Кандидо, — однако, я требую, чтобы ты мнѣ оказалъ эту великую услугу.

— Но зачѣмъ же вы хотите попасть въ тюрьму? — спросилъ донъ Мигуель, не вполнѣ убѣжденный въ здравомъ разсудкѣ старика.

— Зачѣмъ? затѣмъ! чтобы прожить покойно въ надежномъ мѣстѣ то время, когда надъ нами разразится ужасная гроза.

— Гроза? какая?

— Да, дитя мое; ты ничего еще не понимаешь въ кровавыхъ ужасахъ дней революцій, а главное не знаешь, какія роковыя ошибки случаются въ эти дни... Въ 1820 году, когда, казалось, всѣ въ Буэносъ-Айресѣ сошли съ ума, я два раза попадалъ въ плѣнъ по ошибкѣ, а теперь я сильно опасаюсь, что всѣ люди въ Буэносъ-Айресѣ превратятся въ чертей и, пожалуй, снимутъ съ меня голову по ошибкѣ. Я знаю все, что происходитъ и что должно случиться, вотъ почему и хочу, чтобы меня посадили въ тюрьму по какой-нибудь неважной, только причинѣ не за политическія убѣжденія.

— Но что такое происходитъ? что-же должно случиться?— спросилъ донъ Мигуэль, начиная подозрѣвать нѣчто серьезное въ словахъ своего стараго учителя.

— Да развѣ ты не читаешь газетъ? развѣ ты не читаешь каждый день ужасныхъ угрозъ народнаго бѣшенства и кровавыхъ картинъ предстоящей расправы, всеобщаго истребленія, смерти и убійствъ?!

— Но, вѣдь, все это относится только до унитаровъ, а вы, если не ошибаюсь, никогда не занимались политикой.

— Никогда! но, вѣдь, эти страшныя, кровавыя угрозы относятся вовсе не къ однимъ унитарамъ, а ко всѣмъ рѣшительно; и затѣмъ я больше всего боюсь этихъ ошибокъ.

— Пустяки!

— Пустяки, говоришь ты! да развѣ ты не видишь этихъ людей мрачнаго вида, которые вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ точно вышли изъ ада и бродятъ по нашимъ улицамъ, сидятъ въ нашихъ кофейняхъ, толкаются по площадямъ и даже на священныхъ порогахъ храмовъ съ огромными кинжалами?

— Такъ что-же, вѣдь, кинжалы всегда были эмблемою федераціи!

— Вѣдь, это все предвѣстники той страшной грозы, что надвигается на насъ; еще моментъ, когда ей разразиться, не назначенъ, но онъ ужъ близокъ.

— Но почему вы думаете сеньоръ, что такой моментъ долженъ наступить?

— О, это моя тайна и я ношу ее въ груди, какъ десятки мечей, съ четырехъ часовъ нынѣшняго утра.

— Извините меня, сеньоръ, но я долженъ вамъ сознаться, что если вы не будете говорить прямо безъ всякихъ тайнъ въ груди, то буду принужденъ, къ немалому моему огорченію, объявить вамъ, что мнѣ предстоитъ очень спѣшный дѣловой визитъ.

— Нѣтъ, ты не уйдешь, ты слушай..!

— Я слушаю.

Донъ Кандидо всталъ, крадучись подошелъ къ дверямъ и заглянулъ въ замочную скважину, чтобы убѣдиться, что никто не подслушиваетъ ихъ, затѣмъ вернулся къ дону Мигуэлю и, наклонившись къ нему съ таинственнымъ видомъ, сказалъ:

— Ла-Мадридъ восталъ противъ Розаса!

Донъ Мигуэль невольно привскочилъ на своемъ креслѣ; лучъ радости озарилъ на мгновеніе его лицо, но онъ тотчасъ придалъ своему лицѣ выраженіе полнѣйшаго безучастія и неподвижности.

— Это безуміе, сеньоръ! — сказалъ онъ, спокойно садясь на мѣсто.

— Я въ этомъ увѣренъ, какъ въ томъ, что насъ здѣсь двое и что мы одни. Вѣдь, мы одни, не такъ-ли?

— Если вы не хотите сказать мнѣ все, что вамъ извѣстно, то я буду думать, что вы считаете меня еще ребенкомъ и шутите со мной.

— Ну, не сердись, Мигуэль, мой дорогой; сейчасъ ты убѣдишься во всемъ самъ: ты знаешь, что съ тѣхъ поръ какъ я бросилъ учительство, я удалился въ свой уголъ, чтобъ скромно жить плодами своихъ трудовъ т. е. процентами съ маленькаго капитала, что мнѣ удалось скопить. Для услуги я держу у себя старую женщину, красивую, высокую, совсѣмъ сѣдую прекраснѣйшую женщину, опрятную, честную, экономную...

— Однако сеньоръ, что можетъ быть общаго между этою женщиной и генераломъ Ла-Мадридомъ?

— Сейчасъ увидишь. У женщины этой есть сынъ, который

лѣтъ десять былъ пэономъ въ *Тиситои*, прекрасный сынъ, почтительный, заботливый, ты слышишь?

— Прекрасно слышу; а дальше что?

— Ну, теперь перейдемъ къ моему дѣлу. Квартира моя имѣетъ дверь на улицу. Ахъ, да, я позабылъ тебѣ сказать, что сынъ этой моей служанки въ срединѣ прошлаго года прибылъ сюда курьеромъ, ты понимаешь?

— Ну, да, понимаю.

- Итакъ, моя квартира имѣетъ дверь на улицу и окно комнаты моей служанки выходитъ также на улицу. За послѣдніе мѣсяцы сонъ совершенно покинулъ меня и не мудрено: мы всѣ въ Буэносъ-Айресѣ живемъ подъ гнетомъ какого-то страха. Я имѣлъ привычку уходить каждый вечеръ играть въ *malilla* (игра тѣней), къ старымъ друзьямъ, прекраснымъ, честнымъ людямъ, никогда не говорившимъ о политикѣ, но теперь я не хожу къ нимъ больше, послѣ вечерни я совершенно запираюсь у себя.

- *Valga medios*! что же тутъ общаго съ тѣмъ дѣломъ?

— Постой, сейчасъ и къ дѣлу.

- Къ какому? къ дѣлу Ла-Мадрида?

— Да, да.

— Ну, слава Богу!

— Сегодня ночью, часа въ четыре утра, я не спалъ, какъ всегда, вдругъ слышу конскій топотъ смолкъ у моихъ дверей; по звуку шпоръ я угадалъ, что всадникъ, который прискакалъ ко мнѣ, былъ офицеръ или солдатъ. Я человѣкъ миролюбивый, крови не терплю и, признаюсь, задрожалъ всѣмъ тѣломъ, на лбу у меня выступилъ холодный потъ; да, вѣдь, и было съ чего, не такъ-ли?

— Ну, да, но продолжайте.

— Я продолжаю. Итакъ, я выскочилъ изъ постели, безъ шума пріотворилъ окно и сталъ смотрѣть; ночь была темная, но все же я увидѣлъ, что всадникъ стоитъ у окна моей старой служанки Николазы и тихонько зоветъ ее, а минуту спустя я вижу, что окно открылось и пріѣзжій влѣзъ въ комнату. У меня даже всѣ мысли спутались, я думалъ, что меня выдали

правительству; не теряя времени, я вышелъ босой на дворъ и сталъ смотрѣть въ замочную скважину въ комнату Николазы. И что ты думаешь, кого я узналъ въ этомъ всадникѣ?

— Скажите, такъ я буду знать!

— Послушнаго, покорнаго, почтительнаго сына Николазы. Но, несмотря на то, я все же не удалился, а хотѣлъ убѣдиться, что мнѣ не грозитъ ни малѣйшей опасности и сталъ внимательно прислушиваться. Николаза предложила постлать сыну постель, но этотъ послѣдній отказался, сказавъ, что долженъ сейчасъ же вернуться къ губернатору, что онъ пріѣхалъ эстафетой изъ провинціи *Тисукап* и что онъ только что вручилъ депеши.

— Ну, продолжайте,- сказалъ донъ Мигуэль, не упуская ни одной изъ подробностей.

— Каждое слово запечатлѣлось въ моей памяти на всю жизнь, вотъ что онъ ей сказалъ: что эти депеши написаны богатѣйшими людьми провинціи *Тисуман*, которые, вѣроятно, сообщали губернатору, что сдѣлалъ генералъ Ла-Мадридъ. Николаза, любопытная, какъ всѣ женщины, стала его разспрашивать, а сынъ, умоляя ее сохранить все въ строжайшей тайнѣ сообщилъ ей, что Ла-Мадридъ, какъ только прибылъ въ *Тисуман*, тотчасъ же публично отрекся отъ Розаса и возсталъ противъ него, что весь народъ принялъ его съ великой радостью, а губернаторъ назначилъ его и всѣ его признали главнокомандующимъ всѣми войсками и миліціей всей провинціи, а начальникомъ главнаго штаба назначенъ полковникъ донъ Лоренцо Лугонесъ; командиромъ гвардейскихъ кирасиръ полковникъ донъ Маріано Аша. Представь себѣ, дитя мое, какое впечатлѣніе произвели на меня эти вѣсти.

— Да, да, но продолжайте,—сказалъ донъ Мигуэль, который съ жадностью ловилъ каждое слово, хотя на видъ оставался равнодушнымъ и безучастнымъ.

— Что я скажу тебѣ еще? Все, что затѣмъ разсказывалъ молодой человѣкъ своей матери, касалось торжествъ, празднествъ и ликованій въ провинціяхъ, которыя почти что всѣ возстали противъ Розаса.

— Онъ не называлъ никакихъ именъ? не сказалъ при этомъ ничего особеннаго?

— Нѣтъ ничего, онъ пробылъ у нея не болѣе десяти минутъ и затѣмъ уѣхалъ. оставивъ ей немного денегъ; прощаясь, онъ поцѣловалъ ей руку и обѣщалъ пріѣхать сегодня, если только не ушлютъ его съ ранняго утра; ахъ, какой это сынъ! я разскажу тебѣ цѣлую повѣсть...

— Который годъ этому человѣку?

— О, онъ еще молодой, лѣтъ двадцать, двадцать три не болѣе, блондинъ, высокій, горбоносый, красивый парень.

— Въ двадцать два года человѣкъ рѣдко бываетъ злымъ; а сынъ, который такъ заботится о своей матери, долженъ быть хорошій человѣкъ; какая у него могла быть цѣль обмануть мать? нѣтъ, донъ Кандидо навѣрно сказалъ мнѣ правду. Святое Провидѣніе, благодарю Тебя!— прошепталъ про себя донъ Мигуэль, не обративъ вниманія на послѣднія слова своего учителя.

— Прекрасно, допустимъ, что все то, что вы сказали про генерала Ла-Мадридъ сущая правда, но все же я не вижу, почему вы лично желаете попасть въ тюрьму.

— Ну, будемъ откровенны, вѣдь, несмотря на всѣ твои пріемы, не можетъ быть, чтобы ты былъ сторонникомъ правительства, которое хочетъ лишь смутъ и крови.

— Сеньоръ, все, что вы пожелаете сказать мнѣ, я сохраню въ строжайшей тайнѣ, но это не причина, чтобы и я высказывалъ свои политическія убѣжденія.

— Ну, хорошо, я знаю, ты остороженъ; но я хотѣлъ сказать, что поведеніе генерала Ла-Мадридъ ужасно возмутитъ сеньора губернатора, а его гнѣвъ, конечно, сообщится всѣмъ этимъ кабаллеро, которыхъ ни ты, ни я не имѣемъ чести знать; будь увѣренъ, что намъ послалъ ихъ адъ. Вотъ почему я говорю, что всѣ угрозы, которыя мы ежедневно читаемъ въ газетѣ, должны осуществиться; эти черти будутъ и ранить, и убивать направо и налѣво, и несмотря на то, что я глубоко убѣжденъ въ полной своей невинности, я не увѣренъ, что меня не убьютъ хотя бы по ошибкѣ. Вотъ этого-то я и хочу избѣ-

жать и въ этомъ ты долженъ мнѣ помочь, мой добрый, дорогой, любимый Мигуэль. Понялъ ты меня, наконецъ?

— Лучше всего для васъ, по моему убѣжденію, было бы сидѣть дома, запершись на всѣ замки, покуда не пройдетъ гроз·

— Что-же случится, если я послѣдую твоему совѣту? Они ворвутся ко мнѣ, желая попасть къ моему сосѣду, и вмѣсто того, чтобы убить Туана-де-лосъ-Полотесъ, убьютъ дона Кандидо-Родригецъ, бывшаго профессора чистописанія, человѣка смирнаго, скромнаго, почтеннаго, нравственнаго и добродѣтельнаго.

— О! это было бы ужасно.

— Да, сеньоръ, ужасно, но все же мнѣ пришлось бы вынести это и пострадать безвинно.

— Но что же дѣлать?

— Избѣжать этого, спастись и воспрепятствовать!

— Но какъ?

— Очень просто; посадить въ тюрьму, но не по приказанію губернатора, а просто такъ, по какой-нибудь пустой причинѣ; губернаторъ меня не знаетъ и ничего объ этомъ знать не будетъ, такъ какъ я буду сидѣть въ тюрьмѣ не за какое-либо политическое преступленіе, то онъ и не издастъ противъ меня никакого кроваваго указа. Въ тюрьму демоны эти не ворвутся, я буду жить въ тюрьмѣ такъ же спокойно и счастливо, какъ въ своемъ домѣ, и не буду бояться тамъ солдатъ; напротивъ, они будутъ моей охраной противъ нападенія бѣшеныхъ буяновъ народнаго общества, а главное противъ всякаго рода ошибокъ.

— Все это чистая нелѣпость; но даже, допустивъ, что все это разумно, какого черта! Какъ я васъ засажу? ну, подъ какимъ предлогомъ?

— Да ничего нѣтъ легче, мой планъ уже готовъ. Ты поѣдешь сейчасъ къ Викторика и скажешь, что я жестоко оскорбилъ тебя и что ты просишь, чтобы меня засадили въ тюрьму до того времени, пока ты начнешь противъ меня судебное взысканіе; меня берутъ и я не протестую; ты, конечно, никакого судебнаго иска противъ меня не затѣваешь, и я сижу

въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока самъ не попрошу тебя возвратить мнѣ свободу.

— Но, сеньоръ, въ нашей странѣ, какъ вамъ извѣстно, не въ обычаѣ, чтобы молодой человѣкъ моихъ лѣтъ жаловался суду, когда онъ оскорбленъ другимъ лицомъ; однако ваше положеніе меня интересуетъ, — сказалъ донъ Мигуэль, мысленно соображая, какъ онъ можетъ воспользоватся этимъ человѣкомъ, одержимымъ безумнымъ страхомъ, который, вѣроятно, теперь покорится любому его капризу, лишь-бы только немного оградить себя отъ мнимыхъ грядущихъ напастей.

— О, я зналъ, что ты интересуешься моей судьбой! ты благородный, добрый и деликатный; я зналъ, что ты спасешь меня, не правда ли, Мигуэль?

— Я думаю, что да, что это мнѣ удастся. Согласились ли бы вы, напримѣръ, занять частное мѣсто при лицѣ, политическое положеніе котораго въ настоящее время можетъ служить наилучшей гарантіей федерализма тѣхъ лицъ, которыя находятся при немъ?

— О, это было бы верхомъ моихъ желаній! Я никогда не былъ чиновникомъ, но буду имъ; мало того, я готовъ быть чиновникомъ безъ жалованья, готовъ дѣлать все, что только пожелаетъ мой благородный патронъ; благодарю тебя, вѣдь ты меня спасаешь, мой дорогой Мигуэль?

— Теперь, идите себѣ спокойно домой, донъ Кандидо, а завтра по утру потрудитесь опять придти ко мнѣ.

— О, непремѣнно, непремѣнно!

— Но, конечно, не въ шесть часовъ утра.

— Нѣтъ, я приду часамъ къ семи.

— Ахъ, нѣтъ, не раньше десяти.

— Хорошо, я буду здѣсь ровно въ десять часовъ.

— Послушайте, о дѣлѣ генерала Ла-Мадрида вы никому ни слова.

— О, я рѣшился даже не спать всю эту ночь, чтобы даже во снѣ мнѣ не проговориться.

— Итакъ, до завтра, сеньоръ! — сказалъ донъ Мигуэль, провожая до дверей своего стараго учителя.

— До завтра, дорогой мой, любимый Мигуэль, до завтра!

Донъ Кандидо Родригецъ вышелъ изъ дома съ тростью подъ мышкой, не принимая никакихъ особыхъ предосторожностей; теперь ему нечего было опасаться, такъ какъ ужъ завтра онъ будетъ чиновникомъ при одной изъ вліятельныхъ особъ федераціи 1840 года.

— Ужъ полдень! Тонильо, дай мнѣ одѣться поскорѣй! — сказалъ донъ Мигуэль, какъ только донъ Кандидо вышелъ изъ комнаты.

— Пришли отъ полковника Саломона, сеньоръ! — сказалъ слуга.

— Что, есть письмо?

— Нѣтъ, сеньоръ, полковникъ Саломонъ приказалъ вамъ сказать, что не отвѣчаетъ письмомъ потому, что у него подъ рукою нѣтъ никакихъ письменныхъ принадлежностей, но что народное общество соберется сегодня у него въ четыре часа пополудни, а васъ онъ будетъ ждать въ половинѣ четвертаго.

— Прекрасно. Скорѣй одѣваться!

VIII. Ангелъ и Демонъ.

Приблизительно въ то же время желтая коляска, запряженная парой вороныхъ коней, крупною рысью повернула съ улицы генерала Мансилла въ улицу Потози; затѣмъ, проѣхавъ немного по улицѣ Отцевъ, остановилась позади Санъ-Хуана передъ домомъ, ворота котораго казались одними изъ вратъ ада, вслѣдствіе множества изображенныхъ на нихъ красныхъ пламенныхъ языковъ.

Изъ коляски, оперпись крошечной ручкой въ палевой перчаткѣ на плечо лакея, выскочила молодая дѣвушка.

Ей могло быть семнадцать-восемнадцать лѣтъ; она была удивительно красива: изъ-подъ полей ея большой соломенной шляпы капризно выбивались свѣтлыя кудри волосъ, красиво

обрамляя изящный овалъ ея личика; широкій, немного низкій лобъ и широко раскрытые, лучистые и ясные глаза небесно-голубаго цвѣта, подъ тонкой линіей темныхъ бровей, какъ будто выведенныхъ кистью, прямой и тонкій носъ съ прозрачными подвижными ноздрями и маленькій, улыбающійся ротъ, съ немного пышными и яркими губами,—все это, вмѣстѣ взятое, создавало прелестнѣйшее личико, какое только можетъ себѣ представить фантазія художника. А стройный станъ, граціозныя движенія, изящный элегантный туалетъ,—все это обличало въ ней особу высшаго общества; въ ея походкѣ было нѣчто воздушное, мечтательное, небрежное, что противъ воли заставляло любоваться ею.

Подъѣхавъ къ воротамъ, о которыхъ мы говорили выше, молодой женщинѣ пришлось прибѣгнуть къ помощи платка и духовъ, чтобы не лишиться чувствъ и проложить себѣ дорогу сквозь толпу негритянокъ, мулатокъ, разныхъ утокъ, куръ и всякихъ тварей, а въ томъ числѣ и нѣсколькихъ рослыхъ мужчинъ, одѣтыхъ съ ногъ до головы въ красное, и, судя по виду, предназначавшихся рано или поздно для висѣлицы; весь этотъ людъ загромождалъ собою и переднюю, и часть двора, прилегавшаго къ дому, который принадлежалъ доннѣ Маріи Хозефѣ Эскурра, невѣсткѣ дона Хуана Мануэля Розаса. Незнакомка съ трудомъ пробилась до дверей прихожей, гдѣ она разсчитывала найти кого-нибудь, чтобы заставить доложить о себѣ хозяйкѣ дома.

Она ошиблась, и застала здѣсь лишь двухъ мулатокъ и трехъ негритянокъ, сидѣвшихъ на полу и настолько грязныхъ, что ноги ихъ и платья марали бѣлые половики, покрывавшіе полъ. Онѣ громко и дружески болтали съ долговязымъ солдатомъ въ красномъ плащѣ. Всѣ эти шесть личностей нагло и съ любопытствомъ оглядѣли вошедшую, на которой не было видно никакихъ отличительныхъ знаковъ федераціи, которыми сами они были увѣшаны съ ногъ до головы. Только кончики крошечнаго банта изъ розовыхъ лентъ, едва замѣтно выглядывавшіе съ лѣваго бока изъ-подъ широкихъ полей шляпы, могли быть названы федеративнымъ знакомъ.

На минуту воцарилось молчаніе.

— Сеньора донна Марія Хозефа у себя?—спросила молодая дѣвушка, не обращаясь ни къ кому въ отдѣльности.

— Да, у себя, но она занята! небрежно отозвалась одна изъ мулатокъ.

Съ минуту молодая дѣвушка колебалась, но затѣмъ тотчасъ же приняла рѣшеніе, чтобъ выйти изъ этого непріятнаго положенія: подойдя къ одному изъ оконъ, выходившихъ на улицу, она его открыла и позвала къ себѣ своего слугу.

Какъ только тотъ появился на порогѣ прихожей, она сказала:

— Подите, постучитесь въ калитку внутренняго двора этого дома и спросите у сеньоры донны Маріи Хозефы, можетъ ли она принять сеньориту Аврору Барроль̀тъ.

Повелительный тонъ этого приказанія и нравственный престижъ, который люди высокаго происхожденія всегда имѣютъ надъ чернью, въ какихъ бы условіяхъ они не находились, тотчасъ же подѣйствовали и на присутствующихъ здѣсь разнокалиберныхъ субъектовъ, которые въ силу надавней революціи воображали, что они въ правѣ считать себя равными людямъ высокаго происхожденія, грабить и убивать которыхъ имъ слишкомъ часто разрѣшали.

Донна Аврора, въ которой нашъ читатель уже безъ сомнѣнія узналъ лукавую красавицу, такъ жестоко игравшую съ сердцемъ бѣднаго дона Мигуэля, ждала не долго.

Минуту спустя явилась опрятно одѣтая служанка и вѣжливо попросила ее обождать одну минуту въ залѣ, затѣмъ, обращаясь къ пяти федеративнымъ дамамъ, сидѣвшимъ на полу, она объявила имъ, что сеньора не можетъ ихъ выслушать ранѣе, чѣмъ послѣ обѣда, и приказала имъ придти попозже.

Онѣ повиновались; но одна изъ нихъ, уходя, бросила злобный взглядъ на невольную виновницу понесеннаго ими афронта. Но это было напрасно: донна Аврора ни разу даже не взглянула на странныхъ посѣтительницъ невѣстки губернатора Буэносъ-Айреса.

Прислуга удалилась, а солдатъ, не получившій никакого приказанія, счелъ себя въ правѣ усѣсться на порогѣ залы; донна Аврора осталась одна.

Молодая дѣвушка сѣла на единственную софу въ комнатѣ и на минуту закрыла глаза руками, какъ бы желая дать имъ отдохнуть отъ всего того, что имъ пришлось видѣть.

Между тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ донна Марія Хозефа спѣшила отпустить двухъ служанокъ, съ которыми она бесѣдовала; при этомъ она складывала въ кучу болѣе двадцати прошеній, поданныхъ ей сегодня по утру съ обязательнымъ добавленіемъ къ нимъ разныхъ подарковъ, въ числѣ которыхъ утки и куры, толпившіяся въ передней, занимали не послѣднее мѣсто; всѣ эти прошенія она должна была передать лично его превосходительству Ресторадору, хотя отлично знала, что Розасъ даже не взглянетъ на нихъ. Донна Марія Хозефа спѣшила,—говоримъ мы,—отпустить служанокъ, потому что сеньорита Аврора Барръльтъ, о которой ей доложили, принадлежала къ одной изъ древнѣйшихъ аристократическихъ фамилій Буэносъ-Айреса, издавна дружившей съ семьей Розаса.

Впрочемъ, въ послѣднее время, подъ предлогомъ отсутствія главы семьи, жена и дочь господина Барръльтъ избѣгали частыхъ сношеній съ семьею Розаса.

Вѣроятно, читатель пожелаетъ узнать, какого рода дѣло могла имѣть донна Марія Хозефа со всѣми этими мулатками и негритянками, постоянно толпившимися у нея.

Объ этомъ мы упомянемъ дальше, а теперь ограничимся лишь сообщеніемъ, что въ сердцѣ невѣстки Розаса таилось много сѣмянъ зла. Такъ же, какъ 1833 и 1835 г. въ исторіи Буэносъ-Айреса были бы не понятны безъ вмѣшательства жены дона Хуана Мануэля Розаса, которая, хотя и не была безусловно злой женщиной, но обладала необычайной склонностью къ интригѣ, такъ точно и 1839, 1840 и 1842 г. были бы не понятны, если бы мы не вывели здѣсь личность донны Маріи Хозефы Эскурра, вліяніе которой было громадно и дѣйствія которой давали себя чувствовать въ теченіе всего этого времени.

Личности этихъ двухъ сестеръ являются по истинѣ крупными политическими личностями въ исторіи Буэносъ Айреса.

Природа, очевидно, совсѣмъ не предназначала невѣстку Ро-

заса для тихихъ наслажденій семейнымъ счастьемъ. Сильная жажда дѣятельности и бѣшеныя политическія страсти однѣ волновали душу этой женщины, а обстоятельства и нѣкоторыя условія ея семейной жизни, въ томъ числѣ и общественное положеніе ея зятя, смуты и волненія Аргентинскаго общества открыли ей обширную арену дѣйствій. Никогда существо безъ всякихъ цѣлей и способностей, съ очень посредственнымъ умомъ не оказывало столько крупныхъ услугъ тирану, какъ эта женщина Розасу, всегда облегчая ему возможность и доставляя случай удовлетворить злобу и ярость этого человѣка звѣря, и его страсть, гдѣ только можно, дѣлать зло.

Женщина эта дѣйствовала вовсе не въ силу какого либо разсчета; нѣтъ, она поступала подъ вліяніемъ искренней страсти и глубокаго фанатизма къ дѣлу федераціи и преданности къ своему зятю. Она дѣйствительно питала какую-то слѣпую, безумную ненависть къ унитарамъ и являлась, такъ сказать, живымъ воплощеніемъ этой страшной эпохи переворотовъ общественныхъ и частныхъ, созданныхъ диктатурой жестокаго Розаса.

Но вотъ дверь залы отворилась и крошечную ручку донны Авроры пожали сальные, грязные пальцы давно не мытыхъ рукъ донны Маріи Хозефы. Это была маленькая, худенькая женщина съ хитрымъ лицомъ и крошечными глазками, горѣвшими какимъ-то мрачнымъ огнемъ и никогда не останавливавшимися ни на чемъ, а постоянно бѣгавшими изъ стороны въ сторону. Почти совершенно сѣдые нечесаные волосы прикрывала огромная наколка изъ ярко красныхъ лентъ. Хотя ей было не болѣе сорока восьми лѣтъ, но подъ вліяніемъ пожиравшихъ ее страстей она состарилась настолько, что казалась почти старою женщиною.

— Какое чудо! а почему же донна Матильда не пріѣхала съ вами? спросила донна Марія Хозефа, усаживаясь рядомъ съ донной Авророй на софу.

— Мать моя не совсѣмъ здорова и очень сожалѣетъ, что не могла сама пріѣхать къ вамъ, а потому и поручила мнѣ передать вамъ ея почтеніе.

— Если бы я не знала донну Матильду и всю ея семью, то могла бы подумать, что она стала унитаркой, потому что теперь ихъ узнають по замкнутому образу жизни. А знаете ли вы, почему эти дуры заперлись у себя?

— Нѣтъ, сеньора, какъ же я могу это знать?

— Онѣ такъ запираются и не высовываютъ носа на улицу исключительно потому, что не хотятъ надѣвать установленнаго федеральнаго девиза, да еще изъ опасенія, чтобы ихъ не облили дегтемъ. Что за ребячество?! Я бы гвоздемъ приколотила имъ эти девизы къ головамъ, чтобы онѣ не могли ихъ снимать ни дома, ни... Ахъ, да вѣдь и вы, Аврора, не носите девиза такъ, какъ это требуется.

— Однако, я ношу его, сеньора.

— Да, вы его носите, но носите такъ, какъ будто его вовсе нѣтъ; такъ его носятъ унитарки. Хотя вы дочь француза, но это не причина, чтобы и вамъ стать такой-же отвратительной, какъ всѣ онѣ; да, вы носите девизъ, но...

— Я его ношу, и это все, что я обязана дѣлать, сеньора,— рѣшительнымъ тономъ перебила ее молодая дѣвушка, пытаясь завладѣть темою разговора, чтобы хоть сколько нибудь смягчить нравъ этой фуріи, отличительною чертою которой являлась алчность.

— Вы все же видите, что я ношу девизъ,—продолжала она,—кромѣ того я привезла вамъ вотъ эту маленькую ленту, которую мать моя желаетъ внести женскому госпиталю черезъ ваше уважаемое посредничество.

Донна Аврора вынула изъ кармана бумажникъ изъ слоновой кости и достала оттуда четыре банковыхъ билета, которые она вручила доннѣ Маріи Хозефѣ; то были ея карманныя деньги, которыя отецъ давалъ ей каждый мѣсяцъ, съ тѣхъ поръ какъ ей исполнилось четырнадцать лѣтъ.

Донна Марія Хозефа развернула билеты и зрачки глазъ ея расширились на мгновеніе при видѣ цифры сто на каждомъ изъ нихъ; свернувъ ихъ въ трубочку, она поспѣшно спрятала деньги за пазуху, съ видимымъ чувствомъ удовлетворенной алчности.

- Вотъ это федерально! воскликнула она, - передайте отъ меня вашей матушкѣ, что я сегодня же сообщу объ этомъ великодушномъ ея поступкѣ дону Хуану Мануэлю, а завтра утромъ я непремѣнно вручу эти деньги сеньору дону Хуану Карлосу Розадо, эконому женскаго госпиталя.

- Мать моя была бы вамъ очень благодарна, если бы вы совсѣмъ не упоминали объ этой маленькой жертвѣ. Всѣ мы знаемъ, что сеньоръ губернаторъ не можетъ заниматься такими пустяками; война поглощаетъ теперь все его время, и, если бы вы и Мануэлита не были постоянно при немъ, онъ положительно не могъ бы справиться одинъ со всѣми дѣлами.

Похвала всегда бываетъ болѣе пріятна злымъ, чѣмъ добрымъ; поэтому донна Аврора успѣла окончательно очаровать донну Марію Хозефу.

— Да, да, мы ему помогаемъ, насколько можемъ! —сказала она, поджимая подъ себя ноги.

— Я, право, не знаю, какъ Мануэлита не захвораетъ, проводя всѣ ночи безъ сна, какъ мнѣ передавали; вѣдь, она этого въ концѣ концовъ не выдержитъ! сочувственно добавила донна Аврора.

— Конечно, она навѣрно захвораетъ, вѣдь и сегодня ночью, напримѣръ, она легла часа въ четыре.

- Но, къ счастью, теперь намъ, кажется, не предстоитъ никакихъ особыхъ событій.

— Гм! сразу видно, что вы не занимаетесь политикой: теперь то больше, чѣмъ когда либо.

— Конечно, я не могу знать всѣхъ секретовъ, которые извѣстны вамъ и Мануэлитѣ, но мнѣ казалось, что Entre-Riose гдѣ находится театръ войны, такъ далеко отъ насъ, а здѣшніе унитары наврядъ-ли рѣшатся на что либо противъ правительства.

— Ахъ, дитя! вы только знаете про ваши ленты, банты, шляпы, а унитары стараются бѣжать.

— О, этому конечно помѣшать нельзя! вѣдь берегъ такъ великъ!

— Вы полагаете, что помѣшать нельзя?

— Да, я такъ думаю.

— Ба, ба, ба!—и она расхохоталась, выказавъ при этомъ три мелкихъ, желтыхъ зуба. -А знаете-ли вы, сколькихъ арестовали сегодня ночью?

- - Нѣтъ, не знаю, сеньора! —съ дѣланнымъ равнодушіемъ отвѣчала донна Аврора.

— Четверыхъ.

- - Ну, эти, конечно, не могутъ бѣжать; вѣроятно, они теперь сидятъ въ тюрьмѣ.

— Нѣтъ, лучше этого.

— Лучше! что же такое?—воскликнула донна Аврора, знавшая уже участь четырехъ несчастныхъ унитаровъ черезъ сеньору Мансилла, которая однако ни однимъ словомъ не упомянула о томъ изъ нихъ, которому удалось бѣжать.

· - Да лучше... добрые федераты разстрѣляли ихъ.

— Аа... ихъ разстрѣляли!

Они, конечно, сдѣлали прекрасно, хотя при этомъ произошла маленькая непріятность.

Ну, вѣдь такими мелочами вы не интересуетесь.

- · Нѣтъ, иногда интересуюсь: дѣло въ томъ, что одинъ изъ нихъ бѣжалъ.

— Ну, объ этомъ не стоитъ безпокоиться, его, навѣрное, скоро разыщутъ, потому что наша полиція, вѣдь, очень дѣятельна и опытна на этотъ счетъ. Говорятъ, что сеньоръ Викторика обладаетъ положительно геніальными способностями,- настаивала хитрая маленькая дипломатка, желая этимъ задѣть за живое донну Марію Хозефу.

— Викторика! ахъ, дорогая, не говорите глупостей, вѣдь, это только я, я одна все дѣлаю.

— Я и сама такъ думала всегда и полагаю, что и въ данномъ случаѣ вы будете несравненно полезнѣе, чѣмъ сеньоръ-начальникъ полиціи.

— О, насчетъ этого вы можете поклясться!

— Да, но только ваши многочисленныя занятія могутъ помѣшать вамъ...

— Нѣтъ, мнѣ ничто не можетъ помѣшать; правда, я часто и сама не понимаю, какъ мнѣ хватаетъ времени. Вотъ уже два часа, какъ я вернулась отъ Хуана Мануэля и уже больше знаю объ этомъ бѣглецѣ, чѣмъ этотъ хваленый Викторика.

— Неужели! всего въ какихъ нибудь два часа времени!.. дома!

— Да!—подтвердила донна Марія Хозефа, одною изъ главныхъ слабостей которой было желаніе похвастать своими подвигами и критиковать дѣйствія начальника сыскной полиціи.

— Конечно я вамъ вѣрю, потому что это говорите мнѣ вы, — сказала донна Авроры стараясь выпытать секреты этой женщины,—вы конечно послали сотню человѣкъ за нимъ въ погоню.

— Нисколько; я просто послала за Кордовой, который выдалъ ихъ; но эта скотина не узнаетъ ни имени, ни даже наружнаго вида бѣглеца; тогда я призвала нѣсколько человѣкъ солдатъ изъ тѣхъ, которые участвовали въ этомъ ночномъ дѣлѣ и вотъ тутъ на порогѣ сидитъ тотъ, который доставалъ мнѣ наилучшія свѣдѣнія... вотъ вы сейчасъ увидите; — Никадо! крикнула она.

Вошелъ солдатъ и подошелъ къ софѣ со шляпою въ рукѣ.

— Скажи мнѣ, Никадо, какія свѣдѣнія ты можешь мнѣ дать объ омерзительномъ и дикомъ унитарѣ, который бѣжалъ сегодняшнюю ночь?

— Я знаю, что у него на тѣлѣ должно быть нѣсколько мѣтокъ, и что одна изъ нихъ здоровая на лѣвомъ бедрѣ!—отвѣчалъ онъ со звѣрскимъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Чѣмъ онъ былъ раненъ?

— Саблей, ударъ былъ рѣжущій.

— А ты увѣренъ въ томъ, что говоришь?

— Caraі! увѣренъ-ли я?! Да я же самъ нанесъ ему этотъ ударъ, сеньора!

Донна Аврора испуганно откинулась въ уголъ софы.

— Узналъ бы ты его, еслибъ увидѣлъ, Никадо?—продолжала разспрашивать донна Марія Хозефа.

— Нѣтъ, сеньора, но еслибъ услышалъ его голосъ, то узналъ бы непремѣнно!

— Прекрасно, можешь идти, Пикадо!

— Вы слышали,—продолжала невѣстка Розаса, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ, котоpя не проронила ни слова изъ всего того, что говорилъ бандитъ.—Вы слышали? онъ раненъ въ лѣвое бедро; это важное свѣдѣніе, что вы на это скажете?

— Признаюсь, сеньора, я не совсѣмъ-то понимаю значеніе для васъ того, сообщаемаго солдатомъ извѣстія, что бѣглецъ раненъ въ лѣвое бедро.

— Какъ, вы не понимаете?

— Я полагаю, что раненый находится теперь на излеченіи у себя или же въ другомъ домѣ, а потому нѣтъ никакой возможности разглядѣть его ранъ.

— Ахъ, дитя,—воскликнула донна Марія Хозефа, —вѣдь эта рана дастъ мнѣ три разныхъ способа отыскивать его!

— Три!

— Да, три, слушайте и учитесь; первое средство—доктора, дѣлающіе перевязки, второе—аптеки, доставляющія лекарства и третье,—дома, въ которыхъ внезапно являются больные; поняли вы теперь?

— Если эти средства вы считаете хорошими, то вѣрно они таковы; что же касается меня, то я не понимаю, какъ такимъ путемъ можно узнать что либо.

У меня есть въ запасѣ и другія, еслибы эти мнѣ не помогли.

— Еще другія?

— Конечно. Эти первыя средства пригодны для розысковъ на сегодня и завтра, а въ понедѣльникъ я надѣюсь, вырву хоть одно перо изъ крыльевъ моей птицы.

— Я очень опасаюсь, что вы сеньора ни перьевъ, ни птицы не увидите до тѣхъ поръ!—сказала донна Аврора съ легкой полунасмѣшливой улыбкой, стараясь подзадорить свою пылкую собдсѣдницу.

— Вотъ въ понедѣльникъ вы увидите!

— Почему-жъ въ понедѣльникъ?

— Почему? А какъ вы думаете, сеньорита, развѣ раны унитаровъ не даютъ крови?

— Да, сеньора, вѣроятно изъ ихъ ранъ течетъ не меньше крови, чѣмъ изъ ранъ остальныхъ людей, хотя признаюсь, что ранъ и крови я не видала никогда.

— Дикіе унитары не люди, нинья!

— Не люди!

— Нѣтъ, не люди, это псы смердящіе или лютые звѣри, и я безъ малѣйшаго содроганія готова по колѣна стоять въ въ ихъ крови!

Нервная дрожь мгновенно пробѣжала по всѣмъ членамъ молодой дѣвушки, но она сдержалась.

— Такъ вы согласны съ тѣмъ, что изъ ихъ ранъ течетъ кровь? продолжала донна Марія-Хозефа.

— Да, сеньора, съ этимъ я, конечно, согласна.

— Что они мараютъ кровью свои перевязки и простыни и тѣ полотенца, о которыя утираетъ руки хирургъ?

— Да, вѣроятно; но признаюсь, я совсѣмъ не понимаю того, что вы мнѣ говорите.

Дѣйствительно, донна Аврора, несмотря на свое живое соображеніе, не могла угадать той мысли, которая таилась подъ всѣми этими вопросами.

— Прекрасно! скажите, въ какой день обыкновенно отдаютъ прачкамъ грязное бѣлье?

— Обыкновенно въ первый день недѣли.

— Часовъ въ восемь—девять утра, а часовъ въ десять онѣ отправляютья на рѣку, поняли вы теперь меня?

— Да! отозвалась донна Аврора, не помня себя отъ ужаса который ей внушала эта женщина.

— Будь эта прачка унитарка или же федератка, все одно стирать бѣлье приходится при всѣхъ, а я уже приняла свои мѣры!

— Планъ вашъ прекрасенъ!—воскликнула молодая дѣвушка дѣлая надъ собой невѣроятное усиліе, чтобы казаться беззпечной и довольной.

— Прекрасный, это несомнѣнно, и я убѣждена, что онъ и въ цѣлый годъ не создался бы въ мозгу Викторики!

— И я такъ думаю! подтвердила донна Аврора.

— А еще меньше пришла бы подобная мысль кому-нибудь изъ этихъ безмозглыхъ унитаровъ, которые воображаютъ, что знаютъ все и что на все пригодны!

— О, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія!—радостно воскликнула донна Аврора.

Всякая другая на мѣстѣ донны Маріи Хозефы сразу бы поняла, съ какою радостью молодая дѣвушка ухватилась за этотъ случай воздать должное унитарамъ, этимъ людямъ высшаго общества, къ которому принадлежала и она по рожденію и воспитанію

— Ахъ, милая моя Аврора, не выходите никогда замужъ за унитара! Кромѣ того, что всѣ они поганые и омерзительные, всѣ они дураки, и самый глупый федератъ всегда проведетъ ихъ! Ахъ, кстати, мы заговорили о бракахъ? Какъ здоровье сеньора дона Мигуэля, котораго теперь нигдѣ не видно?

— Онъ совершенно здоровъ, сеньора.

— Я очень рада; но берегитесь, смотрите въ оба. я хочу дать вамъ добрый совѣтъ.

— Мнѣ смотрѣть въ оба. чтобы не проглядѣть чего? — освѣдомилась донна Аврора, женское любопытство которой невольно было затронуто.

— О, да вы вѣрно догадываетесь сами: влюбленные всегда такъ проницательны.

— Но что же вы хотите, чтобы я угадала!

— Прекрасно. Вы не любите дель Камио?

— Сеньора!

— Не старайтесь скрывать то, что я знаю.

— Ну, если вы знаете...

— Да, я знаю и должна предупредить васъ, что на берегу есть мавры (мѣстная поговорка, означающая, что слѣдуетъ остерегаться). не давайтесь въ обманъ; вѣдь я люблю васъ какъ свою дочь.

— Въ обманъ? Я васъ не понимаю. сеньора! —сказала донна Аврора, смущенная. но силясь подавить свое волненіе, чтобы узнать секретъ.

— О комъ могу я говорить, какъ не о донѣ Мигуэлѣ?

— О, Мигуэль! Нѣтъ это невозможно, синьора, онъ никогда не обманетъ меня!

— И я желала бы такъ думать, но у меня есть свѣдѣнія.

— Свѣдѣнія?

— Да, даже, доказательства. Неужели вы не догадываетесь сами? Скажите правду; вѣдь неопровержимыя отъ меня ничто не утаится.

— Да, иногда я думаю, но все таки не вижу, въ чемъ собственно заключается дѣло!

— Розасъ-то оно, положимъ, только косвенно касается, за то дона Мигуэля прямо!

— Вы полагаете?

— Извѣстная Гермоза, двоюродная сестра извѣстнаго Мигуэля, знакомая даже болѣе извѣстной Аврорѣ, въ этомъ вполнѣ убѣждена. Поняли вы меня теперь, моя безгрѣшная голубка?—сказала улыбаясь старая женщина, лаская своей грязной костлявой рукой обнаженное плечико молодой дѣвушки.

— Я понимаю приблизительно, что вы желаете сказать, но думаю, что во всемъ этомъ есть ошибка! гордо отвѣтила донна Аврора, хотя сердечко ея обливалось кровью.

— Я никогда не ошибаюсь, сеньорита! скажите, кто посѣщаетъ эту донну Гермозу, красавицу вдову, одиноко живущую въ своей *quinta* загородномъ домѣ?—Одинъ донъ Мигуэль! А какъ вы полагаете, что дѣлаетъ тамъ у своей кузины, красавицы и молодой вдовы, очаровательный донъ Мигуэль? И почему живетъ такъ одиноко донна Гермоза, про то конечно знаетъ донъ Мигуэль. Зачѣмъ этотъ красавецъ ѣздитъ изо дня въ день къ своей кузинѣ, а каждый вечеръ къ вамъ? Такова мода у нашихъ молодыхъ людей: всѣ они дѣлятъ свое время на всѣхъ. Но что съ вами? Вы поблѣднѣли!

— Нѣтъ, ничего!—отвѣтила донна Аврора, блѣдная какъ жемчужина.

— Ба! воскликнула старая женщина, громко разсмѣясь,—я не все еще сказала вамъ.

— Не все?

— Я не желаю никого огорчать! —сказала она и снова громко разсмѣялась, довольная, что причинила страданіе доннѣ Аврорѣ.

— Я ухожу, сеньора! —сказала дѣвушка, вставая со своего мѣста.

— Бѣдняжка! смотрите, нарвите ему хорошенько уши и не давайтесь въ обманъ, повторила старуха, смѣясь все громче.

— Я ухожу, сеньора.—сказала Аврора, едва держась на ногахъ.

— Ну! хорошо, дитя мое, прощайте. Поклоны вашей матушкѣ, пусть она поправляется скорѣй для того, чтобы я имѣла удовольствіе видѣть и ее у себя. Прощайте, да смотрите въ оба!

И, продолжая смѣяться. она проводила донну Аврору до дверей, идущихъ на улицу. Бѣдная дѣвушка вскочила въ экипажъ съ такой поспѣшностью, какъ будто за ней гнались фуріи; еще минута въ обществѣ этой женщины, - и она бы лишилась чувствъ. Свѣжій воздухъ и движеніе экипажа помогли ей очнуться. Тогда она принялась размышлять.

— Дѣйствительно, - подумала она,—Мигуэль часто катается верхомъ и никогда не признавался мнѣ, гдѣ онъ проводитъ послѣобѣденное время; такъ, напримѣръ, вчера онъ вышелъ изъ дому въ девять часовъ утра, а гдѣ онъ былъ? и почему онъ никогда не предложилъ мнѣ познакомить меня со своей кузиной? А эта женщина, которая все знаетъ, и у которой имѣются къ услугамъ такія дьявольскія средства, чтобы все знать и вѣдать, эта женщина говорила мнѣ съ такой увѣренностью, что трудно сомнѣваться; мало того, она упоминала о доказательствахъ, вѣдь у нея нѣтъ никакой причины мнѣ дѣлать зло, обманывать меня. Ахъ, это правда! правда! Боже мой!

И она залилась слезами.

Съ помощью ревности въ ея мозгу заронились тысячи разныхъ воспоминаній, соображеній и сомнѣній. Блѣдная и взволнованная, съ глазами, полными слезъ, думая только о томъ, что говорилъ донъ Мигуэль о своей кузинѣ, восхваляя ея таланты, красоту и умъ, донна Аврора вернулась домой, рѣшившись подѣлиться своимъ горемъ съ матерью. У нея во всей

ея жизни не было ни другой любви, какъ только къ дону Мигуэлю, ни другой дружбы, какъ только къ своей матери.

Но госпожи Барроль не было дома. Аврора осталась одна въ гостиной въ ожиданіи визита дона Мигуэля, который долженъ былъ явиться съ минуты на минуту.

XIV. Бурное объясненіе.

Было около двухъ часовъ по полудни на большихъ башенныхъ часахъ Собора, когда донъ Мигуэль дель Камио, выйдя изъ дома министра иностранныхъ дѣлъ, дона Фелипе де Арэна, на улицѣ Представителей направился по Венесуэльской улицѣ въ сторону набережной, а затѣмъ свернулъ въ улицу Завоевателей.

Во время этого своего визита донъ Мигуэль не узналъ ничего особеннаго относительно своего друга, дона Луи, или, вѣрнѣе, онъ былъ весьма доволенъ, удостовѣрившись, что господинъ министръ не зналъ ни слова о томъ, что произошло въ эту ночь. Когда къ нему явился донъ Мигуэль, онъ только что вернулся изъ дворца его превосходительства сеньора губернатора и самъ со своей стороны озаботился принятіемъ различныхъ мѣръ, чтобъ разузнать раньше Викторика о томъ, что произошло на набережной и куда могъ скрыться бѣжавшій унитаръ.

Именно этого то и желалъ донъ Мигуэль, полнѣйшаго незнанія или такихъ сбивчивыхъ свѣдѣній, въ которыхъ не было никакой возможности разобраться.

Ему было извѣстно, что господинъ министръ совершенно чуждъ всему этому дѣлу; а теперь онъ долженъ былъ узнать изъ милыхъ устъ донны Авроры о томъ, что было извѣстно объ этомъ происшествіи Августинѣ Розасъ дель Мансилья и доннѣ Маріи Хозефѣ Эскурра. Эти свѣдѣнія были особенно цѣнны, потому что исходили прямо изъ дома Розаса и должны были стать въ концѣ концовъ оффиціальными. Далѣе, онъ сегодня же долженъ былъ узнать, насколько народное общество знакомо съ происшествіемъ этой ночи: день обѣщалъ быть удач-

нымъ для молодого человѣка; до настоящаго момента его тайна оставалась еще неприкосновенной.

Донъ Мигуэль не терялъ даромъ время, сидя у сеньора министра; онъ ухитрился опутать его превосходительство такою хитросплетенною сѣтью сбивчивыхъ свѣдѣній, что теперь могъ разсчитывать, что тотъ не скоро выпутается изъ нея. Донъ Мигуэль, движимый чувствомъ любви къ родинѣ и своему народу, рѣшился одинъ, безъ всякой посторонней поддержки, бороться противъ тираніи грознаго Розаса и свергнуть ненавистный деспотизмъ, подъ гнетомъ котораго диктаторъ намѣревался держать цѣлый народъ.

Сильный безукоризненной чистотой своихъ намѣреній, онъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ ставилъ на карту свою жизнь; неутомимый борецъ, постоянно тревожилъ звѣря, царившаго надъ злополучнымъ Буэносъ-Айресомъ, и сражался съ нимъ съ такою неустрашимостью, которой ничто не могло побѣдить. Онъ одинъ былъ цѣлымъ живымъ заговоромъ противъ Розаса, удивительнымъ по уму и смѣлости, не отступающимъ ни передъ чѣмъ, всегда настороже, всегда готовый ворваться въ брешь; донъ Мигуэль невольно внушалъ своимъ немногочисленнымъ друзьямъ и свой энтузіазмъ, и свою безграничную отвагу.

Донъ Фелипе Арэна питалъ большое уваженіе къ талантамъ дона Мигуэля, съ которымъ онъ часто совѣтовался относительно изложенія нѣкоторыхъ важныхъ бумагъ, а также и переводовъ съ французскаго, особенно важныхъ для министра иностранныхъ дѣлъ. Вотъ почему этотъ послѣдній съ такою глупою довѣрчивостью принялъ совѣты молодого человѣка. Мы ничего теперь не скажемъ объ этихъ совѣтахъ, послѣдствія которыхъ читатель вскорѣ самъ увидитъ, а послѣдуемъ за дономъ Мигуэлемъ.

Молодой человѣкъ шелъ не спѣша по улицѣ Завоевателей; лицо его казалось покойнымъ и беззаботнымъ; онъ привѣтливо улыбался встрѣчавшимся знакомымъ и любезно раскланивался съ дамами; наконецъ; онъ достигъ дома мадамъ Барральтъ. Стоя у столика, на которомъ красовался роскошный букетъ, донна

Аврора, вся поглощенная своими мыслями, не видѣла цвѣтовъ и даже не наслаждалась ихъ тонкимъ ароматомъ; она припоминала жестокія слова донны Маріи Хозефы и мысленно рисовала портретъ донны Гермозы, которую считала своей соперницей.

Напряженіе ея мыслей было такъ сильно, что она даже не замѣтила, какъ отворилась дверь гостиной, и кто-то вошелъ въ комнату; она очнулась, только почувствовавъ на своей рукѣ прикосновеніе губъ, приникшихъ къ ней горячимъ поцѣлуемъ.

— Мигуэль!—воскликнула она, какъ будто пробудившись отъ глубокаго сна и поспѣшно отдернувъ руку.

Движеніе донны Авроры было такъ естественно, а выраженіе ея лица полно не то, что злобы, а презрѣнія, что донъ Мигуэль стоялъ ошеломленный, не зная, что и думать.

— Caballero!—сказала молодая дѣвушка спокойнымъ голосомъ, полнымъ достоинства,—мать моя въ отсутствіи!

— Мать моя въ отсутствіи! Caballero!—повторилъ вслѣдъ за нею донъ Мигуэль, какъ бы желая убѣдиться, что эти слова дѣйствительно онъ слышалъ изъ устъ Авроры.—Аврора! клянусь честью,—воскликнулъ онъ,—я не могу понять ни смысла этихъ словъ, ни того, что происходитъ въ тебѣ теперь!

— Я хочу сказать, что я одна и что надѣюсь, что вы сохраните ко мнѣ должное уваженіе.

Донъ Мигуэль покраснѣлъ до ушей.

— Аврора, ради самаго Бога, скажи мнѣ, шутишь ты со мной или нѣтъ?! Я совершенно теряю голову!

— Нѣтъ голову то вы не потеряли, но нѣчто другое.

— Нѣчто другое!

— Да.

— Что же такое я потерялъ, Аврора?

— Мое уваженіе къ вамъ, сеньоръ.

— Уваженіе? твое?

— Да, но что вамъ и мое уваженіе и моя дружба!—сказала она съ бѣглой улыбкой, полной презрѣнія.

— Аврора! — воскликнулъ донъ Мигуэль, дѣлая шагъ впередъ.

— Ни шагу, caballero! остановила его молодая дѣвушка, гордо закинувъ голову и протянувъ руку впередъ.

Слова эти были произнесены съ такимъ достоинствомъ, что донъ Мигуэль остановился, какъ прикованный, на мѣстѣ.

Спустя минуту онъ попятился назадъ и оперся рукой на спинку кресла.

Влюбленные стояли неподвижно, глядя въ лицо другъ другу и внутренно считая себя каждый въ правѣ требовать объясненій.

— Я полагаю, сеньорита,—сказалъ наконецъ донъ Мигуэль,—что если я имѣлъ несчастье потерять ваше уваженіе, то по крайней мѣрѣ сохранилъ право узнать причину этого несчастья.

— А я, сеньоръ, если и не имѣю права, то буду имѣть смѣлость не отвѣтить вамъ на вашъ вопросъ!—сказала донна Аврора тѣмъ презрительно-надменнымъ тономъ, который свойственъ только любящимъ женщинамъ, когда онѣ считаютъ себя оскорбленными и при томъ сознаютъ полнѣйшую свою безупречность.

— Въ такомъ случаѣ, сеньорита, я позволю себѣ сказать вамъ, что если все это не игра, зашедшая слишкомъ далеко, то — жестокая несправедливость, которая роняетъ васъ въ моихъ глазахъ.

— Я понимаю и мирюсь съ этимъ! —отвѣтила она.

Донъ Мигуэль былъ положительно въ отчаяніи.

Наступило новое молчаніе.

— Аврора, если я вчера ушелъ отъ васъ такъ рано, то только потому, что важныя дѣла призывали меня въ другое мѣсто.

— Вы свободны, сеньоръ, и приходить и уходить, когда вамъ нравится!

— Благодарю васъ, сеньорита,—сказалъ донъ Мигуэль, закусивъ губу.

— Благодарю васъ, caballero.

— За что?

— За ваше поведеніе.

— За мое поведеніе?

— Да развѣ вы оглохли, caballero, что повторяете мои слова, какъ будто вы ихъ учите наизусть? — смѣясь сказала молодая дѣвушка, бросивъ презрительный взглядъ на дона Мигуэля.

— Есть нѣкоторыя слова, которыя я долженъ повторить чтобы понять ихъ.

— Напрасныя старанья!

— Но почему же, сеньорита?

— Да потому, что человѣкъ, имѣющій два уха, два глаза и двѣ души, обязанъ сразу и слышать, и понимать.

— Аврора! — раздражительно крикнулъ донъ Мигуэль—здѣсь есть какая то ужасная несправедливость и потому я требую тотчасъ же объясненія.

— Вы требуете?

— Да, сеньорита, требую. Я полагаю, что все это есть недостойная игра, или же вы лишь ищете предлога порвать со мной. Три года любви и вѣрности даютъ мнѣ право спросить у васъ причину вашего страннаго обращенія со мной.

— А, вы уже не требуете, сеньоръ, вы просите, это дѣло другое!—отозвалась Аврора, смѣривъ молодого человѣка съ ногъ до головы презрительнымъ взглядомъ.

Вся кровь прилила къ лицу дона Мигуэля: и самолюбіе, и честь его были задѣты.

— Я требую или прошу, какъ вамъ угодно, но я хочу, слышите вы, сеньорита, я хочу объясненія всей этой сцены!

— Не горячитесь, сеньоръ, не горячитесь, вашъ голосъ еще пригодится вамъ, напрасно вы его портите, такъ возвышая, безъ нужды; я полагаю, вы не забываете, что говорите съ дамой!

Донъ Мигуэль вздрогнулъ: этотъ упрекъ кольнулъ его больше всѣхъ другихъ.

— Я, кажется, схожу съ ума!—воскликнулъ закрывъ онъ лицо руками.

Наступило молчаніе; донъ Мигуэль, прервалъ его первый:

— Послушайте, Аврора, ваше поведеніе несправедливо и жестоко, вы не можете отрицать моего права спрашивать объясненія.

— Объясненія чего? моего несправедливаго поступка?

— Да, именно.

— Ба-а! вѣдь это чистая глупость, caballero: въ наше время никто не спрашиваетъ объясненій несправедливыхъ поступковъ.

— Да, если дѣло касается политики, но я полагаю, что въ данный моментъ мы ею не занимаемся.

— Вы очень ошибаетесь.

— Ошибаюсь?

— Конечно; мнѣ кажется, что это единственные вопросы, которые вы затрагиваете со мной или вѣрнѣе, я полагаю, что нужна вамъ исключительно для этого.

Донъ Мигуэль тотчасъ же понялъ, что она упрекала его тою услугой, о которой онъ просилъ ее въ своемъ письмѣ. Этотъ ударъ, нанесенный его чувству деликатности, задѣлъ его за живое, кровь бросилась ему въ лицо.

— Я полагалъ,—сухо сказалъ онъ,—что сеньорита Аврора Баррольтъ настолько интересуется судьбою дона Мигуеля-дель-Кампо; что для нея не трудно побезпокоиться, когда самая жизнь его друзей, а можетъ быть и его собственная, въ опасности!

— О, что касается этой послѣдней, caballero, то она не можетъ особенно тревожить сеньориту Баррольтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ она знаетъ, что въ случаѣ какой-либо опасности сеньоръ дель-Кампо всегда найдетъ себѣ надежное убѣжище въ какомъ-нибудь уединенномъ домикѣ, полномъ всякаго рода удобствъ и наслажденій, она считаетъ всякую заботу о немъ совершенно лишней.

— Надежное убѣжище, полное наслажденій!—повторилъ онъ, совершенно недоумѣвая.

— Можетъ быть, вы хотите, чтобы я говорила съ вами по французски, потому что сегодня вы, какъ я вижу, не понимаете ни слова по испански; я вамъ сказала, что мнѣ извѣстно, что у васъ есть надежное убѣжище, прелестный гротъ Армиды или дворецъ волшебницы. Неужели, сеньоръ дель-Кампо, вамъ не извѣстно это мѣсто?

— Это невыносимо!

— Напротивъ, это весьма пріятно, я говорю о томъ, что вамъ всего дороже въ мірѣ.

— Аврора, это ужасно!

— Нѣтъ, нисколько, это весьма забавно, разсказываютъ про гротъ, про чудный садъ; скажите, хорошо тамъ сеньоръ?

— Да гдѣ?

— Въ Barracas, напримѣръ!—Съ этими словами донна Аврора повернулась спиной къ донъ Мигуэлю и принялась расхаживать по комнатѣ.

— Въ Barracas!—воскликнулъ донъ Мигуэль, поспѣшно дѣлая нѣсколько шаговъ по направленію къ доннѣ Аворѣ.

— Такъ что же, неужели вамъ тамъ не было бы хорошо? — сказала она, обернувшись къ нему лицомъ,—но главное, остерегайтесь, чтобъ васъ не ранили, если ваше убѣжище выдадутъ какіе-нибудь доктора, аптеки или прачки.

— Въ Barracas!.. чтобы не ранили!.. Аврора, ты меня убьешь, если не выскажешься сразу.

— О, вы не умрете, если вы постараетесь не умереть въ самый лучшій моментъ вашей жизни; я боюсь только одного, чтобъ васъ не ранили въ лѣвое бедро, это ужаснѣйшая рана, въ особенности если это сабельный ударъ.

— О, Боже! они погибли! -воскликнулъ молодой человѣкъ, закрывъ лицо руками.

Наступило молчаніе, мучительное и тяжелое для этихъ обоихъ безгранично любившихъ другъ друга молодыхъ людей, безвинно терзавшихся и терзавшихъ другъ друга подъ вліяніемъ злого генія, который пробудилъ чувство ревности въ сердцѣ неопытной молодой дѣвушки.

На этотъ разъ молчаніе длилось не долго; прежде чѣмъ Аврора успѣла увернуться, донъ Мигуэль бросился передъ нею на колѣни и обхватилъ обоими руками ея станъ.

— Именемъ Бога, Аврора,— прошепталъ онъ, блѣдный какъ смерть,—именемъ твоимъ, потому что ты мой земной богъ, прошу тебя, объясни мнѣ таинственный смыслъ твоихъ словъ. Я тебя люблю! ты моя первая, послѣдняя любовь, я весь при-

надлежу тебѣ и въ цѣломъ мірѣ нѣтъ женщины, которая была бы такъ любима, какъ ты! но въ эту минуту, когда погибель и смерть висятъ надъ головами нѣсколькихъ невинныхъ, намъ надо думать не о любви; быть можетъ, и я самъ нахожусь въ числѣ ихъ, но, конечно, рѣчь не о моей жизни; уже давно я ежечасно и ежеминутно ставлю ее на карту... Послушай, Аврора, твоя душа стала моей душой; довѣряя тебѣ всѣ мои тайны, я довѣряю ихъ тебѣ какъ Богу: жизнь друга моего Луи и жизнь Гермозы стоятъ на картѣ, но кровь ихъ не прольется безъ того, чтобы не смѣшаться съ моей кровью, и тотъ кинжалъ, который долженъ проникнуть въ сердце Луи, неизбѣжно долженъ пройти черезъ мою грудь.

— Мигуэль! Мигуэль!—воскликнула молодая дѣвушка, наклоняясь къ нему и схвативъ его голову обѣими своими ручками, какъ будто она боялась, что смерть отыметъ его у нея. Искренность муки и страхъ такъ ярко отразились въ лицѣ и звучали въ словахъ дона Мигуэля, что сердце молодой дѣвушки невольно повѣрило ему и какъ то сразу сбросило съ себя мучительную тяжесть ревности и сомнѣній.

— Да, — продолжалъ онъ, не измѣняя своей позы, — Луи чуть не убили въ эту ночь, мнѣ удалось спасти его, едва живого; убійцы были наемники Розаса; необходимо было его скрыть, но гдѣ? у меня или у него—это было немыслимо.

— Ахъ, Боже мой! Луи чуть не убили! Какой несчастный день! но вѣдь онъ не умретъ, не правда ли?

— Нѣтъ, онъ спасенъ! но слушай, слушай дальше: необходимо было укрыть его въ надежномъ мѣстѣ, я свезъ его къ Гермозѣ; Гермоза, какъ ты знаешь, единственная родственница, оставшаяся у меня изъ родни матери; Гермоза единственная женщина послѣ тебя, которая мнѣ дорога; я ее люблю, какъ сестру; о, Боже! и я, я и погубилъ ее, которая жила такъ счастливо и такъ покойно.

— Ты ее погубилъ! зачѣмъ? Мигуэль! скажи, зачѣмъ?

И Аврора трясла его за плечи, напуганная до смерти его словами и его блѣдностью.

— Вѣдь для Розаса милосердіе къ несчастному —есть пре-

ступленіе; Луи въ настоящее время въ Barracas, а ты упомянула эту деревню; Луи серьезно раненъ именно въ лѣвое бедро, а ты, ты...

— О, они ничего не знаютъ, ровно ничего, —воскликнула донна Аврора, радостно хлопая въ ладоши,—они теперь не знаютъ ничего, но могутъ все узнать; послушай!

И Аврора, забывъ про свою ревность, сама заставила своего друга встать на ноги, усадила его, и, сѣвъ съ нимъ рядомъ, въ какихъ-нибудь пять минутъ подробно пересказала весь свой разговоръ съ сеньорой де-Мансилья и донной Маріей Хозефа Эскурра.

Но по мѣрѣ того, какъ ея разсказъ приближался къ вопросу о доннѣ Гермозѣ, личико ея становилось мрачнѣе, а голосъ менѣе увѣренъ.

Донъ Мигуэль, не прерывая, выслушалъ ее до конца; въ чертахъ его не было видно ни малѣйшаго измѣненія во время пересказа эпизода о Barracas, что не укрылось отъ наблюдательнаго взгляда молодой дѣвушки.

— Подлые!—воскликнулъ онъ,—вся эта семья какія-то исчадья ада! И она, и всѣ сторонники Розаса имѣютъ въ своихъ жилахъ вмѣсто крови ядъ. Гдѣ эти изверги не убиваютъ изъ-за угла кинжаломъ, тамъ убиваютъ честь, покой и счастье клеветой! Подлые люди! забавляться тѣмъ, чтобы мучить сердце бѣдной дѣвушки сомнѣніемъ! Аврора, ангелъ мой,—продолжалъ онъ,—это было бы оскорбленіемъ для тебя, если-бы я могъ допустить хоть на минуту, что ты дашь перевѣсъ словамъ той женщины надъ моими; все, что она для тебя сказала, сплошная ложь и клевета; она хотѣла тебя измучить, потому что мученія ближняго есть главное изъ наслажденій всѣхъ членовъ семьи Розаса; вѣрь мнѣ, Аврора, все это клевета!

— Это часто бываетъ,—сказала молодая дѣвушка,—но въ данномъ случаѣ, все что я могу сдѣлать, такъ это прекратить надъ тобою мой судъ.

Въ душѣ Авроры не оставалось теперь ужъ никакихъ сомнѣній, но, какъ всякая женщина, она не хотѣла сознаться въ томъ, что слишкомъ легкомысленно осудила любимаго человѣка.

— Ты сомнѣваешься во мнѣ, Аврора?—спросилъ Мигуэль.

— Мигуэль, я хочу познакомиться съ Гермозой и видѣть все сама своими глазами.

— Ты ее знаешь.

— Я хочу съ ней сдружиться.

— Хорошо.

— Я хочу, чтобы это было на этой же недѣлѣ.

— Прекрасно, хочешь ты еще чего нибудь?—серьезно спросилъ ее донъ Мигуэль.

— Нѣтъ больше ничего!—и она протянула ему свою руку, которую тотъ долго удержалъ въ своихъ.

Во всякое другое время онъ, конечно, покрылъ бы эту руку безчисленными поцѣлуями, но теперь мысли его были такъ заняты опасностью, грозившею его друзьямъ, что онъ даже не подумалъ объ этомъ.

— Увѣрена ты въ томъ, что бандитъ не сообщалъ никакихъ другихъ свѣдѣній о Луи?—освѣдомился онъ.

— Конечно, вполнѣ увѣрена.

— Ну, мнѣ пора, дорогая Аврора! Какъ жаль, что я не увижу тебя сегодня.

— Ни даже вечеромъ?

— Наврядъ ли.

— Вы, вѣроятно, поѣдете сегодня въ Barracas?

— Да, Аврора я вернусь оттуда очень поздно. Ну, какъ ты полагаешь, неужели мѣсто мое не у постели несчастнаго Луи? Вѣдь я обязанъ охранять его жизнь и жизнь моей кузины, которую я впуталъ въ это страшное дѣло! Неужели ты хочешь, чтобъ я покинулъ Луи, твоего названнаго брата и моего единственнаго друга?

— Нѣтъ, Мигуэль, иди!—отозвалась она и встала, опустивъ глаза, чтобы скрыть навернувшіяся слезы.

— Ты сомнѣваешься во мнѣ, Аврора?

— Поди, ухаживай ты за Луи, вотъ все, что я могу сказать тебѣ сегодня.

— Возьми это: мы не увидимся до завтра, и я хочу оставить тебѣ то, что никогда со мной не разставалось.

Съ этими словами донъ Мигуэль снялъ съ своей шеи цѣпочку, сплетенную изъ волосъ его покойной матери, которую Аврора знала давно. Этотъ поступокъ любимаго человѣка затронулъ самыя нѣжныя фибры ея сердца: закрывъ лицо руками, она стыдливо склонила головку въ то время какъ донъ Мигуэль надѣвалъ ей на шею свою цѣпочку. Слезы градомъ катились у нея: а съ этими слезами таяли и послѣднія сомнѣнія въ ея душѣ: она вся отдалась своей любви. Донъ Мигуэль ушелъ.

Минуты двѣ спустя, донна Аврора, сидя на диванѣ, страстно цѣловала цѣпочку изъ волосъ, а донъ Мигуэль шелъ крупнымъ шагомъ, удаляясь отъ дома Г-жи Барроль тъ по Венецуэльской улицѣ.

XV. Президентъ Соломонъ.

Въ переулкѣ, ведущемъ отъ церкви св. Николая къ набережной, въ томъ мѣстѣ, гдѣ скрещиваются улицы Корріентесъ и Серрито, стоялъ старенькій домикъ съ низкими окнами и дверью на улицу, съ деревяннымъ порогомъ вышиною въ полъфута отъ земли; каждый вечеръ во время вечерни можно было видѣть, какъ обитатель и владѣлецъ этого дома выходилъ и садился у порога безъ сюртука, съ засученными выше сапогъ панталонами, съ сигаретой въ правой рукѣ; такъ онъ просиживалъ около часа.

То былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, высокаго роста и такой толщины, что самый жирный быкъ изъ числа тѣхъ, которыхъ ежегодно приводятъ на конкурсъ для карнавала, показался бы тощимъ въ сравненіи съ нимъ. Сынъ одного изъ старыхъ испанскихъ pulpero въ Буэносъ-Айресѣ, онъ и братъ его Хеннаро унаслѣдовали отъ своего отца пульперію (лавочку), смежную съ тѣмъ домомъ, который мы описывали выше, и скромное имя Гонзалеза.

Хеннаро, старшій изъ двухъ братьевъ, сталъ во главѣ дѣла; преданіе не говоритъ намъ ничего о томъ, почему

мальчишки этого квартала прозвали его *Соломономъ*. Несомнѣнно лишь то, что это прозвище приводило въ ярость почтеннаго Хеннаро, который въ своемъ гнѣвѣ положительно творилъ чудеса кулачныхъ и палочныхъ ударовъ противъ тѣхъ, кто подъ предлогомъ купить вина или ч.-н. другаго оскорбляли его этимъ извѣстнымъ библейскимъ именемъ. Этотъ Хеннаро, будучи pulpero, былъ въ то же время капитаномъ милиціи; онъ имѣлъ несчастіе быть разстрѣленнымъ въ 1823 году, вслѣдствіе осложненія въ военномъ бунтѣ. Послѣ него осталась вдовою его жена, донна Марія Ризо, и сиротою—его дочь Квинтина.

Со смертію Хеннаро, младшій братъ его Хуліанъ Гонзалезъ сталъ владѣльцемъ pulperia и въ силу народной философіи, а, можетъ быть, и потому, что имя *Соломонъ* ему казалось звучнѣе, чѣмъ Гонзалесъ, сталъ называть себя: Хуліанъ Гонзалесъ Соломонъ.

И съ той поры то имя, которое каждый разъ вызывало гнѣвъ старшаго брата, отца Квинтины, стало неразрывно съ именемъ, даннымъ при крещеніи младшему брату, который, казалось, уже съ гордостью носилъ его.

И вотъ донъ Хуліанъ сталъ рости въ объемѣ. такъ же быстро, какъ росли его имена; а въ чинахъ такъ же быстро, какъ въ объемѣ. Онъ быстро пошелъ въ гору въ милиціи, да и въ торговомъ дѣлѣ, но ни то, ни другое изъ его занятій не мѣшали ему провести по обыкновенію часокъ сладкаго отдыха на порогѣ своего дома. Этотъ-то донъ Хуліанъ Гонзалезъ Соломонъ и былъ тотъ самый толстякъ, съ которымъ мы познакомили читателя въ началѣ этой главы. Ураганъ, который взмелъ всю пыль Аргентинскаго населенія при захватѣ власти Розасомъ, былъ слишкомъ силенъ, чтобъ не поднять и эту тушу мяса и грязи; и вотъ съ порога своего дома почтенный донъ Хуліанъ увидѣлъ себя возведеннымъ въ званіе полковника милиціи, а затѣмъ—и въ президенты народнаго общества Ресторадора, союзъ членовъ котораго избралъ себѣ за символъ maz-horca — колосъ маиса, въ подражаніе одному древнему испанскому обществу

которое избрало тотъ же символъ и имѣло приблизительно тѣ же цѣли.

Въ четыре часа пополудни 5-го мая 1840 г. весь кварталъ, въ составъ котораго входилъ домъ полковника Соломона, былъ запруженъ лошадьми въ федеральномъ уборѣ, т. е. въ красныхъ попонахъ и наголовкахъ или уздечкахъ изъ краснаго сукна съ красными перьями или же краснымъ шерстянымъ султаномъ. Хотя подобное собраніе лошадей въ этомъ мѣстѣ было дѣломъ обыкновеннымъ, но тѣмъ не менѣе всѣ жители по близости были у оконъ и у дверей своихъ домовъ.

Зало въ домѣ полковника Соломона было биткомъ набито солдатами, которымъ принадлежали тѣ лошади, что стояли на улицѣ; всѣ они были форменно одѣты, т. е. имѣли черныя шляпы съ широкой красной лентой, синіе казакины съ девизомъ длиной въ полъ-фута, длинные красные жилеты и огромный кинжалъ у пояса, рукоятка котораго скрывалась подъ правою полою казакина.

Самыя физіономіи этихъ людей носили тоже форму: густые черные усы и баки, расходившіеся на подбородкѣ, мрачный и бѣгающій взглядъ, словомъ такія лица, какія можно встрѣтить лишь въ минуты народныхъ смутъ и волненій и которыхъ никто не видитъ и не встрѣчаетъ, когда въ странѣ царятъ порядокъ и покой.

Одни сидѣли на деревянныхъ или соломенныхъ стульяхъ тамъ и сямъ, другіе—на подоконникахъ, а нѣкоторые —даже на столѣ, накрытомъ яркопунцовой скатертью, на которомъ сеньоръ президентъ Соломонъ имѣлъ обыкновеніе подписывать свои декреты и свои донесенія изъ помадной банки, единственной чернильницы лавка. Каждый изъ этихъ caballeros былъ живою курильницей и все время испускалъ густыя облака табачнаго дыма, среди котораго мелькали ихъ смуглыя отталкивающія лица.

Ихъ славный президентъ отсутствовалъ, онъ сидѣлъ въ смежной комнатѣ на своей кровати и училъ наизусть рѣчь, состоящую изъ двухъ десятковъ словъ, которую его уже въ десятый разъ заставлялъ повторять человѣкъ, являвшійся пол-

нѣйшею ему противуположностью во всѣхъ отношеніяхъ. Человѣкъ этотъ былъ никто иной, какъ донъ Мигуэль дель Камио.

— Теперь, я кажется, запомнилъ.

— О, да, полковникъ, у васъ прекраснѣйшая память.

— Однако, слушайте, вы не откажетесь, конечно, сѣсть рядомъ со мной, и если я забуду какое нибудь слово, тихонько подсказать мнѣ!

— Я только что желалъ самъ предложить вамъ это. Вы только не забудьте, полковникъ, что вы должны представить меня нашимъ друзьямъ и предупредить ихъ о томъ, что я вамъ сообщилъ.

— Да, это мое дѣло. Ну что-же, мы войдемъ?

— Подождите немного; какъ только вы сядете къ столу, прикажете секретарю прочитать списокъ присутствующихъ членовъ; для насъ, полковникъ, очень важно, чтобы въ нашемъ федеральномъ обществѣ соблюдался тотъ же порядокъ, какой соблюдается въ палатѣ представителей.

— Да, да, я уже говорилъ это не разъ Бонео, но онъ болтунъ, который только и умѣетъ, что говорить.

— Ну, не бѣда, вы только повторите ему еще разъ, онъ такъ и сдѣлаетъ.

— Ну, хорошо, пойдемте!

Президентъ Соломонъ и донъ Мигуэль дель-Камио, все въ томъ же глухо застегнутомъ черномъ бархатномъ казакинѣ съ широкимъ федеральнымъ девизомъ, вошли наконецъ въ залу засѣданія.

— Добрый вечеръ, сеньоры! — произнесъ Соломонъ торжественнымъ, серьезнымъ тономъ, готовясь сѣсть на стулъ, стоявшій у стола.

— Добрый вечеръ, сеньоръ президентъ, полковникъ, товарищъ, compadre и т. д.! — отвѣтилъ каждый изъ присутствующихъ, смотря потому, какъ кто привыкъ величать дона Хуліана Соломона, бросая подозрительные взгляды въ сторону человѣка, сопровождавшаго ихъ президента: на немъ, по ихъ мнѣнію, было мало федеральныхъ девизовъ.

— Сеньоры,—сказалъ Соломонъ,—вотъ, это сеньоръ донъ Мигуэль дель-Кампо, гасіендэро и федеральный патріотъ, которому я очень многимъ обязанъ; этотъ сеньоръ такой же добрый патріотъ, какъ и его отецъ. Онъ желаетъ сдѣлаться членомъ нашего Народнаго Общества и только ждетъ пріѣзда своего отца, чтобы войти въ нашъ союзъ одновременно съ нимъ. А пока онъ выразилъ желаніе принимать иногда участіе въ нашихъ федеральныхъ собраніяхъ. Да здравствуетъ федерація! да здравствуетъ славный «Возстановитель законовъ!» И да погибнутъ поганые французы! Да погибнетъ король ихъ, Луи Филиппъ! Да погибнутъ дикіе, омерзительные унитары, продавшіе себя за проклятое золото французамъ! Да погибнетъ измѣнникъ идіотъ Ривера!

Всѣ эти возгласы, произнесенные громовымъ голосомъ президента Соломона, были повторены съ большимъ энтузіазмомъ присутствующими; не довольствуясь однимъ крикомъ, они еще потрясали надъ головою своими острыми кинжалами. Всѣ эти крики, слышные на разстояніи по крайней мѣрѣ ста саженъ, повторялись народомъ, проходившимъ по улицѣ, который, ни мало не смущаясь, кричалъ Viva (да здравствуетъ), когда Соломонъ кричалъ muera (да погибнетъ)! и на оборотъ.

Когда весь этотъ гамъ затихъ, Соломонъ торжественно сѣлъ на кресло, имѣя по правую руку секретаря, а по лѣвую — дона Мигуэль дель-Кампо.

— Господинъ секретарь! — произнесъ затѣмъ онъ откидываясь на спинку своихъ креселъ,—прочтите списокъ присутствующихъ здѣсь сеньоровъ.

Бонео взялъ со стола какую то бумагу и сталъ читать громкимъ и звучнымъ голосомъ разныя имена, набросанныя имъ всего лишь нѣсколько минутъ тому назадъ карандашемъ. Ихъ было всего девятнадцать *).

— А другихъ нѣтъ? освѣдомился Соломонъ.

---

*) Этотъ списокъ Масъ-Горки находится въ нашихъ рукахъ, но теперь времена и обстоятельства успѣли измѣниться, и мы считаемъ лишнимъ называть всѣ эти имена. *Г. Э.*

— Это имена всѣхъ присутствующихъ членовъ, сеньоръ президентъ!—отвѣтилъ секретарь.

— Читайте списокъ отсутствующихъ.

— Списокъ всѣхъ членовъ общества?

— Да, сеньоръ. Хотя насъ числомъ меньше, чѣмъ число депутатовъ, мы тѣмъ не менѣе такіе же федералы какъ и оі и должны знать какъ всѣхъ присутствующихъ такъ и отсутствующихъ членовъ нашего общества, какъ это ведется въ палатѣ депутатовъ. Читайте списокъ.

— Отсутствующіе члены,—произнесъ Бонео, и прочелъ списокъ всѣхъ членовъ Народнаго Общества Возстановителя, состоявшаго изъ ста семидесяти пяти человѣкъ, принадлежавшихъ къ различнымъ классамъ общества.

— Браво, теперь мы всѣ другъ друга знаемъ,—прошепталъ про себя донъ Мигуэль,—хотя я знаю, что въ этомъ спискѣ не мало и насильственныхъ членовъ! —Онъ потихоньку дернулъ за шаровары президента.

— Сеньоры, — сказалъ Соломонъ, — федерація есть собственность славнаго «Возстановителя законовъ»; и всѣ мы до послѣдняго должны быть готовы положить жизнь за славнаго Ресторадора, потому что всѣ мы столпы святого дѣла федераціи.

— Да здравствуетъ славный Возстановитель закона! — воскликнули всѣ члены.

— Да здравствуетъ дочь его, сеньорита Мануэлита де-Розасъ и Эскурра!

— Да здравствуетъ славный герой степей, Возстановитель законовъ, нашъ отецъ и отецъ федераціи!

— Да погибнутъ проклятые французы и ихъ король!

— Сеньоры,—продолжалъ президентъ, — для того, чтобы нашъ славный Возстановитель могъ спасти федерацію отъ... могъ спасти федерацію отъ...

— Отъ великой опасности! — шепнулъ ему на ухо донъ Мигуэль.

— Отъ великой опасности, въ которой она теперь находится, мы должны преслѣдовать всеми силами унитаровъ. И всякій унитаръ, котораго мы встрѣтимъ, долженъ быть убитъ нами.

— Да погибнутъ проклятые, омерзительные и дикіе унитары! заревѣлъ одинъ изъ членовъ, по имени Хуанъ Мануэль Ларрасабалъ, къ которому тотчасъ же присоединились и остальные, потрясая кинжалами въ воздухѣ.

— Сеньоры,—продолжалъ президентъ,—нашъ долгъ преслѣдовать повсюду безъ сожалѣнія всѣхъ унитаровъ!

— Самцовъ и самокъ!—снова заревѣлъ все тотъ же Хуанъ Мануэль Ларрасабалъ, который, очевидно, былъ самый ярый ненавистникъ унитаровъ.

— Нашъ славный Ресторадоръ долженъ быть недоволенъ нами, потому что мы ему служимъ не такъ, какъ мы должны! — продолжалъ Соломонъ.

— Ну, теперь перейдемъ къ дѣлу прошедшей ночи, — шепнулъ ему донъ Мигуэль, дѣлая видъ, что утираетъ платкомъ лобъ.

— Ну, а теперь перейдемъ къ дѣлу прошедшей ночи! — повторилъ за нимъ Соломонъ, какъ будто эта фраза составляла часть его заученной рѣчи.

Донъ Мигуэль сильно дернулъ полковника за панталоны.

— Сеньоры,—продолжалъ Соломонъ, —всѣ мы знаемъ, что въ эту ночь нѣсколько человѣкъ дикихъ унитаровъ пытались бѣжать, но это не удалось имъ благодаря усердію командира Китиньо, который велъ себя какъ настоящій федералъ; однако, одному изъ этихъ унитаровъ удалось скрыться, неизвѣстно гдѣ, и эти случаи постоянно будутъ повторяться, если мы не возстанемъ на защиту федераціи. Сегодня я собралъ васъ сюда для того, чтобы всѣ мы снова возобновили клятву преслѣдовать проклятыхъ дикихъ унитаровъ, которые пытаются бѣжать въ Монтевидео, и хотятъ присоединиться къ подлому измѣннику Риверѣ. Такова воля нашего славнаго Возстановителя законовъ! Я сказалъ. Да здравствуетъ нашъ славный Ресторадоръ, и да погибнутъ всѣ враги его и святого дѣла федераціи!

Возгласъ этотъ и всѣ другіе съ остервенѣніемъ, были повторены не только всѣми присутствующими, но и народомъ, столпившимся на улицѣ, у дверей и оконъ дома полковника Соломона.

— Прошу слова! — сказалъ командиръ Китиньо, вставая съ мѣста.

— Оно за вами! — отвѣчалъ президентъ, скручивая папиросу.

— Сегодня ночью я имѣлъ счастіе ужинать съ нашимъ славнымъ Ресторадоромъ и его дочерью донной Мануэлитой Розасъ дель-Эзкурра. Ресторадоръ для насъ больше, чѣмъ Богъ: онъ отецъ федераціи, и я клянусь, что буду поступать такъ же со всѣми унитарами, которые мнѣ попадутся подъ руку, какъ съ тѣми, которыхъ я изловилъ нынче ночью. Правда, одинъ изъ нихъ бѣжалъ; но ужъ сегодня утромъ я отправилъ къ Маріи Хозефѣ человѣка, который сообщилъ ей важныя свѣдѣнія. Всѣ мы, федералы, и мужчины, и женщины, обязаны содѣйствовать его превосходительству, потому что онъ отецъ всѣхъ федераловъ.

При этомъ командиръ Китиньо отцѣпилъ свой кинжалъ и показалъ нѣсколько сохранившихся на немъ капель крови.

Вслѣдъ за этимъ поступкомъ всѣ Масъ-Горкеро принялись потрясать своими кинжалами въ воздухѣ и разразились неистовыми криками противъ унитаровъ, противъ Риверы, противъ французовъ и главнымъ образомъ противъ ихъ короля Луи Филиппа.

Впродолженіе всей этой сцены лицо донъ Мигуэля было единственнымъ, сохранившимъ полную неподвижность. Безмолвный и невозмутимый, онъ старался проникнуть въ самую глубь замысловъ этихъ бѣснующихся людей, соображая въ то же время, какъ воспользоваться ихъ слѣпою яростью.

Когда весь этотъ крикъ и гамъ затихъ, донъ Мигуэль попросилъ слова и, получивъ его, началъ такъ:

— Сеньоры, хотя я еще не имѣю чести принадлежать къ уважаемому патріотическому обществу, но надѣюсь быть вскорѣ причисленнымъ къ нему; мои политическія убѣжденія и симпатіи извѣстны всѣмъ; надѣюсь, со временемъ, оказать славному Возстановителю законовъ и самой федераціи услуги, не менѣе значительныя, чѣмъ тѣ, которыя имъ оказываютъ въ настоящее время члены Народнаго Общества Ресторадора,

слава о которыхъ гремитъ не только во всей республикѣ, но и по всей Америкѣ.

Громкій взрывъ аплодисментовъ привѣтствовалъ эти льстивыя слова.

— Но, сеньоры,—продолжалъ донъ Мигуэль,—я долженъ обратиться къ присутствующимъ съ тѣми поздравленіями, которыхъ заслуживаютъ всѣ добрые федераты. Святая федерація не признаетъ различій: адвокаты, купцы, чиновники, всѣ мы здѣсь равны и, когда у насъ состоится собраніе, если того требуетъ интересъ его превосходительства, нашъ долгъ—отозваться дружно на призывъ президента и стать лицомъ къ лицу съ опасностью, не взваливая всѣхъ трудовъ на маленькую группу членовъ. Я полагаю, что и отсутствующіе также добрые федералы, но вѣдь присутствующіе здѣсь не унитары, чтобы нуждаться ихъ. Я говорю все это потому, что, полагаю, такова должна быть мысль его превосходительства Ресторадора и эту мысль мы должны заставить уважать.

Рѣчь дона Мигуэля не пропала даромъ: вызванный ею энтузіазмъ превзошелъ даже всѣ ожиданія дона Мигуэля; присутствующіе члены принялись кричать и проклинать отсутствовавшихъ членовъ, имена которыхъ были прочтены въ началѣ засѣданіи секретаремъ Бонео.

Имена эти стали переходить изъ устъ въ уста съ такими нелестными эпитетами и проклятіями, какъ будто это были имена унитаровъ, а не такихъ же членовъ народнаго общества, какъ и присутствующіе здѣсь. Донъ Мигуэль одобрялъ ихъ улыбкой и движеніемъ головы.

— Отлично, голубчики мои,—думалъ онъ про себя,—я такъ натравлю васъ другъ на друга, что въ концѣ концовъ вы сами пожрете другъ друга!

Повторивъ еще разъ всѣмъ присутствующимъ увѣщаніе бдительно слѣдить за унитарами, полковникъ Соломонъ объявилъ собраніе закрытымъ.

Донъ Мигуэль принужденъ былъ выдержать не мало рукопожатій и федеральныхъ поцѣлуевъ; онъ поспѣшилъ распроститься со всѣми и, провожаемый до самыхъ выходныхъ дверей

президентомъ, который не зналъ какъ выразить ему всю свою благодарность за блестящую рѣчь, приготовленную имъ, съ облегченнымъ сердцемъ покинулъ домъ своего мнимаго пріятеля.

Очевидно, Масъ-Горка ничего не знала о донѣ Луи; донъ Мигуэль былъ счастливъ.

На углу улицы Сидо онъ увидалъ Тонильо, который ждалъ его, держа въ поводу лошадь. Вся улица была полна народа; донъ Мигуэль, не глядя на своего слугу, сказалъ ему:

— Въ девять часовъ.

— Тамъ?

— Да.

Сѣвъ на коня, донъ Мигуэль крупною рысью двинулся по направленію Barracas, куда доѣхалъ въ моментъ, когда садилось солнце и наступали сумерки.

Не смотря на множество разнородныхъ волненій, пережитыхъ имъ за этотъ день, молодой человѣкъ остановился на этой возвышенности, съ тѣмъ чтобы полюбоваться открывшимся съ нея видомъ.

Когда донъ Мигуэль началъ спускаться съ холма, онъ услыхалъ, что кто-то зоветъ его по имени; обернувшись, онъ увидалъ шагахъ въ двадцати за собою своего старика учителя чистописанія, который гнался за нимъ, но силы, очевидно, начинали ужъ измѣнять ему.

Донъ Мигуэль придержалъ коня, поджидая дона Кандидо.

Когда этотъ послѣдній, подойдя къ его стремени, прислонился къ ногѣ бывшаго ученика, то нѣсколько минутъ стоялъ, не будучи въ силахъ произнести ни слова.

— Что съ вами? что случилось, донъ Кандидо? —участливо спросилъ донъ Мигуэль.

— О, это дѣло ужасное, не слыханное ни въ одной изъ преступныхъ записей...

— Сеньоръ не забывайте; мы здѣсь на улицѣ; скажите, что вы желаете, но будьте кратки.

— Ты помнишь прекраснаго, благороднаго и великодушнаго сына моей старой служанки?

— Да.

— Ты помнишь, что онъ пріѣзжалъ въ ту ночь и...

— Да, помню, да, такъ что же съ нимъ случилось?

— Они разстрѣляли его! Мой дорогой, любимый Мигуэль, вѣдь они его разстрѣляли!

— Когда?

— Сегодня въ семь утра, какъ только тамъ узнали, что ночью онъ отлучился изъ дома губернатора. Какъ видно, они опасались...

— Что онъ ихъ выдастъ и скажетъ то, что знаетъ! я избавлю васъ отъ необходимости говорить мнѣ это.

— Да, но ты видишь, что я погибъ! я преданъ! Ахъ, что мнѣ дѣлать!

— Чините ваши перья, чтобъ завтра поступить на службу въ качествѣ частнаго секретаря къ сеньору министру иностранныхъ дѣлъ.

— Ахъ, Мигуэль! мой Мигуэль!— и въ порывѣ восторга донъ Кандидо принялся покрывать руку своего ученика страстными поцѣлуями.

— Теперь сверните въ первую попавшуюся улицу и вернитесь домой.

— Да, да; я прибѣжалъ къ тебѣ, когда Тонильо выводилъ изъ воротъ твою лошадь; я пошелъ за нимъ, затѣмъ погнался за тобою и...

— Да, знаю; но вотъ что: есть у васъ кто нибудь изъ близкихъ мужчина или женщина, гдѣ бы вы ночевали иногда?

— Да.

— Ну, такъ идите туда сейчасъ-же и уговоритесь въ томъ, что вы прошлую ночь ночевали тамъ, на всякій случай, еслибы что нибудь произошло. Теперь прощайте, мнѣ некогда, сеньоръ.

И давъ шпоры коню, донъ Мигуэль помчался галопомъ внизъ съ холма и въѣхалъ въ широкую улицу, погруженную въ полный мракъ.

Этой же самою дорогой донъ Мигуэль восемнадцать часовъ тому назадъ ѣхалъ съ полуживымъ отъ ранъ и окровавленнымъ

другомъ своимъ, котораго онъ бережно поддерживалъ въ сѣдлѣ, сидя на крупѣ коня, и благополучно довезъ къ доннѣ Гермозѣ.

XVI. Три ключа къ одной двери.

На башнѣ церкви Св. Франциска только что пробило пять часовъ вечера; въ воздухѣ носился густой сырой туманъ, столь обычный въ зимнее время въ Буэносъ-Айресѣ.

— Улица Торговли въ которой, не смотря на ея названіе, не было вовсе ни торговли, ни торговыхъ людей, была почти совершенно безлюдна. Въ числѣ немногихъ прохожихъ было двое мужчинъ, поспѣшно направлявшихся къ рѣкѣ. Первый изъ нихъ былъ одѣтъ въ короткій синій плащъ, подобный тѣмъ, какіе нѣкогда носили испанскіе кабаллеро и благородные венеціанцы; другой былъ укутанъ въ длинный бѣлый бурнусъ, доходившій до самыхъ пятъ.

— Поспѣшимъ, дорогой господинъ, поспѣшимъ, уже становится поздно!—сказалъ первый изъ нихъ второму.

— Еслибъ мы вышли раньше, намъ не пришлось бы идти такъ шибко!—отвѣчалъ тотъ, перехвативъ подъ мышку большую трость съ золотымъ набалдашникомъ, которую онъ несъ въ рукѣ, стараясь поспѣвать за своимъ спутникомъ.

— Я не виноватъ: климатъ Ла-Платы капризнѣе ребятъ: онъ меня обманулъ. Всего лишь два часа тому назадъ, все небо было ясно, и я разсчитывалъ на добрыхъ полчаса хорошихъ сумерекъ; вдругъ все измѣнилось, небо затмилось и всѣ мои разсчеты пропали даромъ. Но не бѣда: теперь мы уже близко.

— Позволь мнѣ сказать тебѣ два слова, мой милый Мигуэль.

— Да, только не останавливайтесь: въ чемъ же дѣло?

— Знаешь ты, я очень боюсь, и не будь основанія, повѣрь мнѣ...

— Ахъ, сеньоръ, двѣ вещи вѣчно неразлучны съ вами.

— Какія, милый Мигуэль?

— Неистощимый запасъ всякихъ прилагательныхъ и весьма крупная доза трусости, которую вамъ не переварить во всю вашу жизнь.

— Да, да, что касается перваго, то этимъ я горжусь, это доказываетъ мои обширныя познанія въ нашемъ богатомъ оборотами нарѣчіи; что же касается второго, то это появилось у меня въ ту пору, когда почти всѣ мы подпали этому недугу въ Буэносъ-Айресѣ, и...

— Молчите!—сказалъ донъ Мигуэль, когда они приблизились къ концу улицы Балькарсе. Затѣмъ они ужъ молча и покойно продолжали путь вплоть до рѣки, гдѣ въ самомъ началѣ улицы Кочабамба остановились у дверей маленькаго дома.

— Оглянитесь осторожно и посмотрите, не идетъ ли кто за нами!—сказалъ донъ Мигуэль.

Трость съ драгоцѣннымъ набалдашникомъ немедленно упала на землю и покатилась назадъ, по обыкновенію дона Кандидо Родригуэца, когда онъ желалъ обозрѣть мѣстность.

— Никого, милый мой Мигуэль! —сказалъ онъ, подымая трость. Молодой человѣкъ вытащилъ изъ кармана ключъ и, отворивъ имъ дверь, пропустилъ впередъ своего спутника, а затѣмъ вошелъ и самъ. Дверь онъ снова заперъ на ключъ и положилъ его въ карманъ.

Донъ Кандидо вдругъ сдѣлался блѣднѣе своего бѣлаго шарфа.

— Что это значитъ? —прошепталъ онъ,—что это за таинственный домъ, куда ты меня привелъ?

— Да это домъ, какъ всѣ другіе, мой добрый сеньоръ!—сказалъ донъ Мигуэль, проходя черезъ сѣни въ прихожую. Донъ Кандидо слѣдовалъ за нимъ по пятамъ.

— Подождите здѣсь, донъ Кандидо,— сказалъ донъ Мигуэль. Онъ прошелъ въ смежную комнату, гдѣ стояла одна изъ тѣхъ постелей, взобраться на которыя нѣтъ никакой возможности иначе какъ съ помощью лѣсенки; онъ приподнялъ перины, чтобы удостовѣриться, что тамъ никто не спрятанъ; послѣ того онъ прошелъ и въ другія комнаты и всюду повторилъ ту же операцію. Осмотрѣвъ основательно весь домъ изъ опасенія имѣть

непрошеннаго свидѣтеля. онъ вышелъ наконецъ на дворъ и здѣсь съ помощью лѣстницы забрался на крышу. До наступленія ночи оставалось не болѣе пятнадцати минутъ

Донъ Мигуэль окинулъ орлинымъ взглядомъ всю мѣстность, растилавшуюся передъ нимъ. Нигдѣ кругомъ не было ни малѣйшей возвышенности: какъ разъ напротивъ красовалась прекраснѣйшая дача, а дальше раскинулся пустырь и кустарникъ, которымъ начиналась улица Санъ-Хуана, направо виднѣлись развалины какого то зданія и старый необитаемый домъ, выходившій на Barranca, куда выходило небольшое кухонное окно: донъ Мигуэль разглядѣлъ все это въ одинъ моментъ.

— Мой уважаемый, любезный и любимый донъ Кандидо!— крикнулъ онъ.

— Мигуэль!—отозвался профессоръ дрожащимъ голосомъ.

— Настало время работать и, главное, не трусить! — продолжалъ молодой человѣкъ, видя, что донъ Кандидо блѣднѣе полотна.

— Но, Мигуэль, весь этотъ домъ... и это уединеніе! эта таинственность! вѣдь при такихъ условіяхъ самое положеніе мое, какъ тайнаго чиновника его превосходительства, господина министра...

— Сеньоръ донъ Кандидо, вѣдь вы распространили вѣсть о возвращеніи Ла-Мадрида.

— Ахъ, Мигуэль! Мигуэль!

— То есть вы сообщили объ этомъ мнѣ, а такія вещи передать одному или ста человѣкамъ все равно.

— Ты меня не погубишь, Мигуэль! воскликнулъ злополучный донъ Кандидо, готовый броситься на колѣни передъ Мигуэлемъ.

— Конечно, вѣдь для того, чтобы спасти васъ, я доставилъ вамъ должность, которую бы многіе купили за сто тысячъ піастровъ.

— Да, и за это я отдамъ тебѣ мою бурную, сиротскую, страдальческую жизнь! воскликнулъ онъ, цѣлуя дона Мигуэля.

— Вотъ что я желалъ бы, чтобы вы повторили мнѣ. А теперь за работу, всего на пять минутъ!

— Хотя на годъ, хотя на два, мнѣ все равно!

— Ну, полѣзайте!—сказалъ донъ Мигуэль, указывая на лѣстницу.

— Чтобы я лѣзъ на крышу?

— Ну, да, на крышу.

— Но что ты хочешь, чтобы я дѣлалъ тамъ?

— Да полѣзайте!

— Но насъ могутъ увидѣть.

— Фу, ты, чортъ! вы только полѣзайте!

— Вотъ я на крышѣ.

— И я тоже,—сказалъ молодой человѣкъ, двумя прыжками очутившись подлѣ своего бывшаго учителя,—ну, теперь сядемъ!

— Но, другъ мой...

— Сеньоръ донъ Кандидо!

— Ну, ну, Мигуэль, я сѣлъ.

Молодой человѣкъ досталъ изъ своего кармана листокъ бумаги, компасъ и карандашъ и, разложивъ бумагу на крышѣ, сказалъ голосомъ, не допускавшимъ возраженія.

— Ну, сеньоръ донъ Кандидо, въ десять минутъ вы сдѣлаете мнѣ кроки окрестностей этого дома; въ десять минутъ, слышите вы? хотя бы крупными штрихами, деталей мнѣ не нужно, а только разстояніе и границы. Черезъ десять минутъ вы спуститесь въ прихожую, гдѣ найдете меня.

Холодный потъ вдругъ выступилъ на лбу дона Кандидо; по мѣрѣ того, какъ эта сцена становилась болѣе и болѣе таинственной, ему казалось, что всѣ кинжалы Масъ-Горки направлены на его горло; съ другой стороны, онъ чувствовалъ себя смущеннымъ при мысли, что своимъ необдуманнымъ признаніемъ предалъ себя въ руки Мигуэля.

Хотя донъ Кандидо былъ весьма посредственнымъ чертежникомъ, но то, что требовалось отъ него, было такъ просто и не трудно, что менѣе чѣмъ въ десять минутъ все было сдѣлано. Онъ спустился внизъ какъ разъ въ то время, когда все погрузилось во мракъ.

— Готово?—спросилъ донъ Мигуэль, выйдя къ нему на встрѣчу.

— Да, готово, надо только перевести все начисто и свѣрить.

— Я попрошу васъ докончить все, что нужно, въ эту ночь, чтобы мнѣ можно было получить планъ поутру до десяти часовъ.

— Хорошо, Мигуэль; ну, а теперь, конечно, мы уйдемъ изъ этого дома, не правда ли?

— Да, намъ здѣсь больше дѣлать нечего! -сказалъ донъ Мигуэль, выходя въ совершенно темныя сѣни.

Но въ тотъ моментъ, когда онъ собирался сунуть ключъ въ замокъ, кто то снаружи сунулъ ключъ въ него; дверь отворилась такъ быстро, что донъ Кандидо едва успѣлъ прижаться къ стѣнѣ, а донъ Мигуэль отступить на шагъ и запустить руку въ карманъ своего казакина.

Впрочемъ, это движеніе было скорѣе инстинктивное, такъ какъ онъ ожидалъ съ минуты на минуту, что дверь эта отворится и что въ нее войдетъ одна, а можетъ быть и нѣсколько нарядныхъ женщинъ, но никакъ не мужчина.

А между тѣмъ пришедшій былъ мужчина.

Донъ Мигуэль вооружился тѣмъ своеобразнымъ оружіемъ, описать которое мы не можемъ, такъ какъ сами его не видали, но съ помощью котораго онъ такъ удачно уложилъ на мѣстѣ двоихъ солдатъ, спасая жизнь дона Луи.

Вновь пришедшій, заперевъ за собою дверь, спряталъ ключъ въ карманъ.

Донъ Кандидо дрожалъ всѣмъ тѣломъ; но это еще было ничего Въ сѣняхъ было темно, какъ въ безднѣ.

Повернувшись, чтобъ пройти въ первую комнату, вновь пришедшій задѣлъ плечемъ грудь дона Кандидо и отскочилъ въ другой уголъ сѣней.

— Кто тутъ?—воскликнулъ онъ грознымъ и сильнымъ голосомъ, выхватывая ножъ, острый конецъ котораго почти коснулся груди дона Кандидо.

Гробовое молчаніе было отвѣтомъ.

— Кто тутъ?—повторилъ онъ,—отвѣчайте сейчасъ, не то я васъ убью какъ унитара; они одни разставляютъ сѣти защитникамъ святого дѣла федераціи!

Отвѣта не было.

— Кто вы такой? отвѣчайте скорѣе, не то я убью васъ,— продолжалъ вновь пришедшій, не дѣлая, однако, ни шагу впередъ, а пробираясь осторожно стороной къ двери, вытянувъ впередъ руку, вооруженную ножомъ.

— Я вашъ покорнѣйшій слуга, мой уважаемый и дорогой сеньоръ, хотя и не имѣю чести знать васъ, но все же глубоко васъ уважаю!—вымолвилъ донъ Кандидо такимъ тоненькимъ и дрожащимъ голоскомъ, что сразу внушилъ пришедшему смѣлость, которой ему не доставало, хотя онъ и хотѣлъ похвастать ею.

— Кто вы такой?

— Я вашъ покорнѣйшій слуга.

— Какъ ваше имя?

— Будьте добры, прекраснѣйшій сеньоръ, отворите мнѣ дверь и позвольте уйти.

— А, вы не говорите вашего имени, значитъ вы унитаръ, шпіонъ!

— Нѣтъ, уважаемый сеньоръ, я былъ бы радъ, чтобы меня повѣсили за славнаго Возстановителя закона, губернатора и генерала провинціи Буэносъ-Айреса, уполномоченнаго во всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ федераціи, дона Хуана Мануэля Розаса, супруга покойной жены его, славной сеньоры донны Евкарнасизы Эскурра, которая покоится теперь на кладбищѣ, отца федеральной сеньориты, донны Эмануэлиты де Розасъ и Эскурра, отца славнаго федеральнаго сеньора дона Прудепсіо, дона Гервазіо, дона...

— Да скоро-ли вы кончите, чтобы васъ чортъ побралъ?! Я спрашиваю ваше имя.

— Я радъ бы также умереть за васъ и вашу уважаемую семью. Есть у васъ семья, мой дорогой сеньоръ?

— Вотъ я вамъ дамъ сейчасъ семью! увидите!

— Что я увижу?—спросилъ донъ Кандидо, едва живой отъ страха, съ трудомъ держась на ногахъ.

— Ну, хлопайте въ ладоши.

— Мнѣ хлопать въ ладоши?

— Ну, живо, живо, не то я убью васъ!

Донъ Кандидо не заставилъ дважды повторять угрозу и принялся хлопать въ ладоши, какъ только могъ, не понимая, что означала эта пантомима.

Какъ только его противникъ убѣдился въ томъ, что противникъ безоруженъ, онъ тотчасъ же наскочилъ на него и, уперевъ конецъ ножа своего въ грудь Кандидо, сказалъ:

— Признайтесь мнѣ сейчасъ, ради которой изъ нихъ вы ходите сюда, не то я пригвожцю васъ къ этой стѣнѣ!

— Ради которой изъ нихъ?

— Ну, да, ради Андреа?

— Ради Андреита?..

— Да перестаньте! можетъ, вы ходите сюда ради Гертруды?

— Но, сеньоръ, я не знаю ни Андреа, ни ихъ уважаемой семьи, ни...

— Ну, признавайтесь, не то я убью васъ!

— Нѣтъ, признавайтесь сами, ради которой вы пришли сюда, не то я размозжу вамъ черепъ! произнесъ надъ самымъ его ухомъ звучный мужской голосъ; въ то же время чья то сильная рука схватила правую руку незнакомца, и онъ почувствовалъ на головѣ своей легонькіе удары какого то очень тяжелаго оружія.

Человѣкъ этотъ, такъ неожиданно явившійся изъ мрака, былъ никто иной, какъ донъ Мигуэль, который былъ все время безмолвнымъ свидѣтелемъ этой комичной сцены до того момента, когда онъ счелъ нужнымъ положить конецъ этому представленію.

— Караулъ!

— Молчать, или я тотчасъ отправлю васъ къ чертямъ! — строго произнесъ молодой человѣкъ, нанося ударъ немного посильнѣе своимъ оружіемъ, такъ что незнакомецъ былъ ошеломленъ.

— Ахъ, пощадите! пощадите! вѣдь я священникъ, я лучшій федералъ, священникъ Гаэте! Не совершайте святотатства, не проливайте мою кровь!

— Ваше преподобіе, бросьте вашъ ножъ!

— Отдайте его мнѣ! —воскликнулъ донъ Кандидо, отыскивая ощупью тотъ ножъ, который такъ напугалъ его.

— Отдайте ножъ!

— Я его отдалъ,—отвѣчалъ Гаэте,—пустите же меня, я вамъ сказалъ, что я священникъ!

— Такъ для которой же изъ нихъ вы ходите сюда, преподобный отецъ?—передразнилъ его слова донъ Мигуэль.

— Я?

— Да, вы! дурной священникъ, поганый федералъ и подлый человѣкъ, котораго мнѣ слѣдовало бы сейчасъ же раздавить, какъ гада, но кровь котораго я не хочу пролить, чтобы не слышать ея заразнаго запаха. Я чувствую, что ты дрожишь, подлецъ, а завтра, ты, какъ змѣя, подымешь свою голову, и будешь стараться узнать лицо того человѣка, который заставилъ тебя дрожать сегодня; ты въ своей церкви Святаго Духа возвышаешь голосъ лишь для того, чтобъ показывать народу свой кинжалъ и возбуждать его къ убійству унитаровъ!

— О пощадите! пощадите! пустите!—вопилъ монахъ, обезумѣвъ отъ страха.

— На колѣни, мерзавецъ!—крикнулъ донъ Мигуэль, принудивъ своей сильной рукой священника стать на колѣни.

— Стой такъ!—приказалъ онъ,—апостолъ новаго культа крови и убійства, которымъ вы теперь такъ нагло оскверняете священныя слова — братолюбіе, свободу и справедливость! стой такъ, священникъ—убійца! стой на колѣняхъ и кайся!

И онъ съ силою потрясъ почти безчувственнаго отъ испуга священника.

— Теперь ты можешь встать! сказалъ донъ Мигуэль.

— Нѣтъ, нѣтъ, пощадите меня!

— Пощадить!! да развѣ вы знаете пощаду, вы, проповѣдники этой кровавой политической ереси, которую вы называете святою Федераціей?

— Пощадите!

— Вставай, мерзавецъ!

— Сеньоръ!

— Отдай мнѣ ключъ отъ двери.

— Вотъ онъ! только не убивайте меня.

Не удостоивъ его отвѣта, донъ Мигуэль втолкнулъ его въ переднюю и заперъ за нимъ дверь.

— Ну, скорѣе теперь! гдѣ вы, донъ Кандидо?

— Здѣсь! —отозвался со двора старикъ.

— Пойдемте!

— Уйдемъ, уйдемъ скорѣй изъ этого дома! —воскликнулъ профессоръ чистописанія, схвативъ подъ руку дона Мигуэля.

Но опять въ тотъ моментъ, когда онъ собирался всунуть ключъ въ замокъ, кто-то другой опередилъ его снаружи.

— Силы небесныя! воскликнулъ донъ Кандидо, схвативъ дона Мигуэля за поясъ.

— Оставайтесь на улицѣ и не входите въ домъ!—шепнулъ донъ Мигуэль почти-что на ухо той личности, которая открыла только-что дверь и которую онъ узналъ тотчасъ-же, такъ-же какъ и троихъ другихъ, слѣдовавшихъ за ней.

Это были четыре женщины.

Вытащивъ на тротуаръ бѣднаго дона Кандидо, который едва держался на ногахъ отъ страха, онъ заперъ дверь и, вручивъ ключъ той особѣ, съ которой говорилъ, прибавилъ:

— Для меня очень важно, чтобъ вы не возвращались ранѣе какъ черезъ четверть часа: священникъ Гаэте въ прихожей.

— Священникъ Гаэте! о Боже! трагедія, и въ моемъ домѣ!

— Нѣтъ, вы знаете, кто я такой; но если вы отворите теперь дверь, то онъ легко можетъ послѣдовать за мною, а это не желательно для меня. Вернувшись, вы должны утверждать, что положительно не знаете, кто я такой, ни какъ я могъ попасть въ вашу квартиру. Поняли меня?

— Да, да, я понимаю, сеньоръ...

— Ни слова!—поспѣшно прервалъ онъ,—знайте, что одно неосторожное слово на мой счетъ будетъ стоить вамъ дорого, донна Марселина; но я знаю, что вы будете молчаливы, какъ могила, и мы всегда останемся съ вами друзьями, а потому,

пока священникъ Гаэте тамъ отдыхаетъ отъ волненій, вы съ вашими племянницами вернитесь въ лавки и купите имъ что нибудь.

Съ этими словами онъ сунулъ въ руку доннѣ Марселинѣ свертогекъ банковыхъ билетовъ, перейдя черезъ улицу, отыскалъ дона Кандидо, который ожидалъ его, прислонившись къ стѣнѣ красивой дачи и дрожа всѣмъ тѣломъ; взявъ его подъ руку, онъ потащилъ его поспѣшно за собою и вскорѣ оба скрылись во мракѣ безлюдной улицы Кочабамба.

XVII. Тридцать два раза двадцать четыре.

Несмотря на свой страхъ, почтенный профессоръ чистописанія принужденъ былъ наконецъ попросить пощады у своего смѣлаго спутника; онъ едва могъ держаться на ногахъ и положительно не могъ передохнуть.

— Потише, Мигуэль,—сказалъ онъ, дойдя до поворота улицы Кочабамба,—тише, я падаю, задыхаюсь!

— Впередъ, впередъ!—сказалъ донъ Мигуэль, увлекая за собой старика. Наконецъ, они вошли въ улицы Отцовъ.

— Теперь,—сказалъ донъ Мигуэль, убавивъ шагу,— мы прошли четыре улицы, а добрѣйшій монахъ такъ толстъ, что, безъ сомнѣнія, не могъ бы угнаться за нами даже и въ томъ случаѣ, если бы дьяволъ выпустилъ его въ замочную скважину.

— Какой монахъ, Мигуэль? какой монахъ?—встревоженно воскликнулъ донъ Кандидо едва дыша.

— Ахъ, мой добрѣйшій другъ, вы все еще не знаете его?

— Не знаю, Боже меня упаси!

— Да тотъ монахъ съ ножомъ!

— Да, да, но ты сознайся, Мигуэль, что мы вели себя геройски!

— Гм!

— Я самъ себя не узнавалъ!

— Да почему же, вы всегда ведете себя точно также!

— Нѣтъ, милый другъ мой, мой спаситель и покровитель, во всякомъ другомъ случаѣ я умеръ бы отъ одного сознанія, что къ груди моей приставлено лезвіе кинжала. Повѣрь мнѣ, Мигуэль, ужъ такова моя натура: чувствительная, впечатлительная, нѣжная, я боюсь крови, а этотъ чортъ монахъ...

— Потише.

— А что?—освѣдомился донъ Кандидо, оглядываясь во всѣ стороны.

— Ничего, но только не надо забывать, что улицы въ Буэносъ-Айресѣ имѣютъ уши.

— Да, да, поговоримъ о чемъ нибудь другомъ; я только что хотѣлъ сказать тебѣ, что ты причина всѣхъ опасностей, которыя грозятъ мнѣ теперь.

— Я? но я же вѣдь и спасаю васъ!

— Конечно, и съ сегодняшняго вечера ты—мой другъ, мой покровитель, мой спаситель...

— Аминь.

— А какъ ты полагаешь, этотъ монахъ...

— Молчите и идемте.

Они продолжали свой путь и наконецъ донъ Мигуэль остановился на углу улицы Кангалла; здѣсь, взглянувъ на блѣдное лицо дона Кандидо, освѣщенное свѣтомъ уличнаго фонаря; донъ Мигуэль расхохотался.

— Что тебѣ кажется забавнымъ?

— Что вамъ приписываютъ любовныя похожденія.

— Мнѣ?

— Ну, конечно, развѣ вы ужъ забыли вопросы вашего соперника?

— Но ты же знаешь...

— Нѣтъ, сеньоръ, я ничего не знаю, вотъ потому то я теперь и остановился здѣсь.

— Какъ! ты не знаешь, что во всемъ этомъ домѣ я положительно не знаю ни души?

— Это я знаю.

— Чего же ты не знаешь?

— Того, что вы сейчасъ должны сказать мнѣ!—вымолвилъ донъ Мигуэль, забавляясь недоумѣніемъ дона Кандидо.

— Что мнѣ сказать? спрашивай, я отвѣчу.

— Я хотѣлъ бы знать, въ какой изъ улицъ находится вашъ домъ.

— Неужели ты хочешь мнѣ сдѣлать честь и посѣтить мой домъ?

— Да, именно, это мое намѣреніе.

— О какъ прекрасно! мы всего находимся за два квартала отъ моего дома.

— Я зналъ, что домъ вашъ гдѣ-то въ этомъ кварталѣ.

— Да, здѣсь улица Куцо.

Нѣсколько минутъ спустя, они постучались у дверей старинпаго и почтеннаго вида дома. Женщина лѣтъ пятидесяти на взглядъ, которую каждый добрый испанецъ назвалъ бы просто экономкой, а болѣе вѣжливые аргентинцы именуютъ *senora Mayor*, отворила имъ дверь и пропустила дона Мигуэля и хозяина, окинувъ перваго любопытнымъ, но добродушнымъ взглядомъ.

— Есть свѣтъ въ моей комнатѣ, донна Николаза? - спросилъ хозяинъ.

— Да, огонь зажженъ ужъ съ вечерни! — отвѣтила старушка.

Донна Николаза отворила дверь въ залу, куда вошли донъ Кандидо и его гость. Полъ этой залы, вымощенный кирпичомъ, живо напоминалъ, хотя и въ миніатюрѣ, горы и обрывы, вслѣдствіе чего донъ Мигуэль два раза основательно споткнулся, несмотря на то, что его ноги были привычны къ мостовымъ гордой «освободительницы міра» *).

Вся обстановка залы соотвѣтствовала призванью владѣльца: столы, стулья и библіотечный шкафъ, наполненный книгами

---

*) Буэносъ-Айресъ, первая изъ всѣхъ испанскихъ колоній въ Америкѣ, подняла знамя возстанія противъ Метрополіи и затѣмъ содѣйствовала другимъ колоніямъ завоевать себѣ желанную независимость.—Г. Э.

въ кожанныхъ переплетахъ свидѣтельствовали о томъ, что ремесломъ хозяина было преподаваніе дѣтямъ, которыя прежде всего научаются отрывать щепки у стульевъ и столовъ и пятнать на нихъ перочиннымъ ножомъ или разлитыми чернилами.

Кромѣ того, даже въ данный моментъ столъ дона Кандидо обличалъ въ немъ такого человѣка, который любитъ заниматься дѣломъ: тутъ и тамъ на столѣ виднѣлись листы бумаги, наброски и огромный словарь Испанскаго языка; тутъ же стояла и оловянная чернильница съ такою же песочницей, все это въ почтенномъ безпорядкѣ, обычномъ у литераторовъ.

— Садись и отдохни, мой милый Мигуэль! - произнесъ донъ Кандидо, опускаясь въ кресло огромныхъ размѣровъ, унаслѣдованное имъ отъ своихъ предковъ.

— Съ великимъ удовольствіемъ, сеньоръ секретарь!—отвѣтилъ Мигуэль, садясь на стулъ, стоявшій по ту сторону стола.

— Почему ты называешь меня секретаремъ?

— Да потому, что вы вѣдь занимаете теперь эту почетную должность.

— Это меня приводитъ въ бѣшенство, но все же въ настоящее время это мой якорь спасенія; легкія у меня здоровыя и сеньоръ докторъ донъ Фелипе-Арэна...

— Министръ иностранныхъ дѣлъ Аргентинской Конфедераціи·

— Именно такъ, ты знаешь на память всѣ титулы его превосходительства.

— Да, память у меня, какъ видно, лучше вашей; за восемь дней какъ вы состоите секретаремъ его превосходительства, вы показали мнѣ всего лишь двѣ замѣтки сеньора дона Фелипе, да и то очень незначительныя, а по уговору...

— Я въ этомъ не виноватъ; я говорилъ тебѣ, что донъ Фелипе въ настоящее время заставляетъ меня переписывать начисто отчеты, которые онъ обязанъ представить правительству въ расходахъ по своему министерству. А политическаго ровно ничего не было, кромѣ тѣхъ двухъ записокъ, которыя я показалъ тебѣ подъ величайшимъ секретомъ. Кстати, Мигуэль, почему ты интересуешься такъ сильно политикой и государ-

ственными тайнами? Будь остороженъ, въ наше время заниматься политикой очень опасно; съ тобой можетъ случиться то-же, что было и со мной въ 1820 г.: я вышелъ изъ дома къ одной изъ моихъ кумушекъ, родомъ изъ Кордовы, гдѣ изготовляютъ лучшие въ мірѣ пироги и лучшія варенья, и гдѣ покойный мой отецъ обучался латыни. Ахъ, какой ученый былъ человѣкъ покойный мой отецъ! онъ зналъ на память всю грамматику, Квинтильяна, Овидія, котораго я разъ, будучи ребенкомъ, бросилъ на чернильницу. Отецъ мой унаслѣдовалъ ее отъ одного изъ своихъ предковъ родомъ...

— Ну, все равно отъ кого!

— Ну, хорошо, я вижу, ты не хочешь, чтобы я продолжалъ, я тебя знаю; скажи, однако, почему ты интересуешься такъ сильно секретами дона Фелипе.

— Да просто любопытство празднаго человѣка и больше ничего!

— И больше ничего?

— Конечно, но меня такъ сильно раздражаетъ, когда неудовлетворяютъ моего любопытства, что я могу забыть всѣ дружескія связи и отношенія. Впрочемъ, вѣдь выгода за выгоду, этого требуетъ справедливость.

— Да, конечно, — робко замѣтилъ секретарь министра.

— Я очень радъ, что вы со мной согласны, — сказалъ донъ Мигуэль, — и въ доказательство нашего прочнаго союза, вы потрудитесь взять перо, а мнѣ дайте листокъ бумаги.

— Мнѣ взять перо, а тебѣ дать листокъ бумаги?

— Ну да, мы будемъ писать!

— Писать? да какъ-же, когда между нами стоитъ столъ, бумага будетъ у тебя, а перо у меня?

Донъ Мигуэль едва замѣтно улыбнулся; взявъ бумагу, онъ сталъ складывать ее такъ, что изъ нея образовались квадраты каждый величиною съ обыкновенную визитную карточку; вынувъ перочинный ножъ, онъ нарѣзалъ бумагу по сгибамъ на мелкіе квадраты.

Отсчитавъ тридцат два квадратика, онъ далъ восемь изъ нихъ дону Кандидо.

— Что ты хочешь, чтобы я дѣлалъ съ этимъ?

— А вотъ что: возьмите лучшее ваше перо и напишите на каждомъ изъ этихъ лоскутковъ номеръ двадцать четыре, англійскимъ почеркомъ.

— Номеръ двадцать четыре — дурной номеръ! —сказалъ старикъ.

— Почему же, сеньоръ?

— Да потому, что это было наибольшее число ударовъ розгой, которое мнѣ приходилось давать лѣнивымъ дѣтямъ, а теперь эти дѣти—люди съ громаднымъ вѣсомъ и могутъ пожелать мнѣ отомстить. А впрочемъ...

— Пишите, сеньоръ, двадцать четыре.

— И больше ничего?

— Ничего.

— 24, 24, 24, 24... Готово!

— Прекрасно; теперь пишите на оборотѣ каждаго лоскутка: Кочабамба.

— Кочабамба!

— Что съ вами, сеньоръ?

— Со мной то, что это слово мнѣ постоянно будетъ напоминать тотъ домъ и по ассоціаціи мыслей того монаха ренегата, безбожника, убійцу и...

— Пишите Кочабамба! — прервалъ его донъ Мигуэль.

— Кочабамба, Кочабамба... Вотъ всѣ восемь.

— Теперь возьмите самое толстое перо.

— Вотъ это, этимъ я линую.

— Прекрасно, напишите на этихъ лоскуткахъ тотъ же нумеръ и тѣ-же слова испанскимъ почеркомъ! — при этомъ онъ передалъ ему другіе восемь квадратиковъ бумаги.

— Значитъ, ты хочешь, чтобы я измѣнилъ свой почеркъ?

— Да.

— Но, Мигуэль, вѣдь это воспрещается.

— Сеньоръ донъ Кандидо, сдѣлайте одолженіе, пишите то, что я вамъ говорю.

— Ну, хорошо.... Готово.

— Есть у васъ цвѣтныя чернила?

— Да, у меня есть красныя высшаго сорта, блестящія, яркія, густыя.

— Пишите ими на этихъ бумажкахъ.

— Все тотъ же нумеръ и то же слово?

— Да.

— А какимъ почеркомъ?

— Французскимъ.

Самый поганый почеркъ... Готово.

— Ну, вотъ послѣднія восемь бумажекъ.

— Какими чернилами писать?

— Обмокните перо, которымъ вы писали красными, въ банку, гдѣ черныя.

— А какимъ почеркомъ?

— На подобіе женскаго почерка.

— Все то же самое?

— Да то-же.

— Готово; тутъ ихъ тридцать два лоскутка.

— Такъ, такъ; тридцать два раза двадцать четыре.

— И тридцать два «Качабамба»! — добавилъ донъ Кандидо.

— Очень благодарю васъ, милый другъ! — сказалъ донъ Мигуэль, пересчитавъ бумажки и убирая ихъ въ бумажникъ.

— Это какая-нибудь игра, Мигуэль, не правда-ли?

— Да, да, ничто иное.

— А знаешь, это дѣло пахнетъ любовной интригой. Берегись, въ Буэносъ-Айресѣ это очень опасно.

— Аминь; а для того, чтобы зараза не коснулась и васъ, мой дорогой наставникъ и другъ, вы сдѣлаете мнѣ величайшее одолженіе, если забудете разъ на всегда, что вы сейчасъ писали.

— Клянусь честью, Мигуэль,—воскликнулъ старикъ, съ жаромъ пожимая руку молодого человѣка, который уже всталъ и собирался уходить, —клянусь тебѣ честью, я самъ былъ молодъ, я знаю, какъ священна честь и добрая слава женщины, да и молодого человѣка тоже; клянусь тебѣ, Мигуэль, ты можешь быть вполнѣ спокоенъ; будь счастливъ, веселъ, любимъ и предпочтенъ другимъ, какъ ты того заслуживаешь, и...

— Сердечно благодарю за столько добрыхъ пожеланій. Однако, пока я, слѣдуя вашему доброму совѣту, буду стараться, на сколько возможно, быть осторожнымъ, вы не забудьте моей просьбы относительно плана.

— Вѣдь ты же мнѣ сказалъ, что планъ этотъ нуженъ тебѣ лишь завтра утромъ!

— Да, завтра.

— Ты его получишь по утру.

— Вы его сами принесете, конечно?

— Самъ.

— Покойной ночи, мой дорогой наставникъ.

— Покойной ночи, Мигуэль, мой другъ и покровитель!

И донъ Кандидо проводилъ до дверей своего бывшаго ученика, которому суждено было стать его покровителемъ и спасителемъ, какъ онъ самъ говорилъ.

Завернувшись въ свой плащъ, донъ Мигуэль спокойно шелъ по улицѣ Куцо, размышляя объ этомъ человѣкѣ, который, проживъ болѣе половины жизни, сохранилъ дѣтскую наивность и неопытность, а въ то же время обладалъ достаточнымъ запасомъ полезныхъ практическихъ знаній; въ душу этого человѣка никогда не заглядывали ни зависть, ни злоба, ни недовѣріе къ людямъ, и умъ его не волновали ни жажда дѣятельности или интригъ, ни самолюбіе: всѣ эти страсти, столь свойственныя большинству людей. Человѣкъ этотъ принадлежалъ къ этой исключительной породѣ людей, встрѣчающейся въ наше время довольно рѣдко и которыхъ, по справедливости, можно назвать добрыми безобидными существами, которыя всю жизнь проводятъ какъ дѣти и въ окружающей ихъ жизни видятъ и замѣчаютъ лишь показную ея сторону.

XVIII. Денежный вопросъ.

Донъ Мигуэль шелъ, размышляя о странномъ характерѣ своего бывшаго наставника и совершенно позабывъ о другихъ вещахъ, несравненно болѣе серьезныхъ.

Въ этомъ молодомъ человѣкѣ были двѣ странныя противоположности, рѣдко встрѣчающіяся въ одномъ и томъ же существѣ.

Такъ, напримѣръ, онъ обладалъ необычайной смѣлостью, обстоятельностью, вѣрнымъ сужденіемъ и мѣткимъ глазомъ и въ то же время безпечностью, легкомысліемъ и безалаберностью, свойственными молодымъ людямъ, думающимъ только объ удовольствіяхъ.

При самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ онъ не могъ удержаться отъ смѣха и шутокъ. Такъ, напримѣръ, въ данный моментъ, когда въ его бумажникѣ подъ видомъ тридцати двухъ маленькихъ бумаженокъ лежалъ собственный смертный приговоръ, потому что, каково бы ни было примѣненіе этихъ бумажекъ, въ ту эпоху уже одной таинственности было достаточно, чтобы повлечь за собою смертную казнь; онъ ни мало не помышлялъ объ этомъ. Повторяемъ, таковъ ужъ былъ его характеръ: смѣлый и хладнокровный въ моментъ опасности, слабый и пылкій подъ вліяніемъ страсти, съ умомъ, способнымъ создавать самые смѣлые замыслы и въ то же время поверхностнымъ и легкомысленнымъ, онъ былъ готовъ смѣяться всему и надо всѣмъ.

Но вотъ донъ Мигуэль пришелъ, наконецъ, къ дому на улицѣ Побѣды, у воротъ котораго съ тревогой его ожидалъ Тонильо. На самомъ дѣлѣ, его хозяинъ опоздалъ на цѣлыхъ полтора часа противъ условленнаго времени; обыкновенно онъ возвращался гораздо раньше, чтобы переодѣться и привести себя въ порядокъ, и не дать доннѣ Аврорѣ повода къ насмѣшкамъ; дѣвушку эту онъ любилъ самою искреннею и серьезною любовью, а она, какъ будто, находила удовольствіе всячески мучить и дразнить его.

Въ эту эпоху жестокой диктатуры большинство молодыхъ аргентинцевъ, будучи вынуждены внезапно эмигрировать, должны были волей-неволей разстаться съ любимыми женщинами и порвать всѣ свои сердечныя связи; они не смѣли и думать ни о чемъ другомъ, кромѣ опасностей, грозившихъ ихъ родинѣ. Желѣзная рука Розаса, тяготѣвшая надъ несчастною страной, безжалостно порвала нѣжныя

чувства цѣлаго поколѣнія, повергнувъ его въ бурный водоворотъ кровопролитной борьбы и братоубійствъ безпощадной междуусобной войны.

Хотя въ то время надежда на близкое торжество поддерживала бодрость въ сердцахъ молодыхъ эмигрантовъ, тѣмъ не менѣе они были вдали отъ родины и отъ всего того, что было близко и дорого ихъ сердцу и они всей душою желали этой побѣды, которая должна была и свергнуть тирана, и въ то же время раскрыть для нихъ ворота родного города, гдѣ оставались ихъ жены, матери, невѣсты, сестры и возлюбленныя. Донъ Мигуэль былъ въ этомъ отношеніи счастливѣе другихъ; положимъ, онъ работалъ неустанно, подготовляя гибель Розаса, но все-таки оставался въ Буэносъ-Айресѣ и ежедневно могъ часа два-три проводить въ обществѣ обожаемой имъ дѣвушки.

Донъ Мигуэль вернулся домой съ веселымъ сердцемъ и съ мыслью, что сейчасъ отправится къ доннѣ Аврорѣ провести вечеръ, какъ всегда.

— Приходилъ кто нибудь?—спросилъ онъ у Тонильо.

— Да, сеньоръ, тамъ, въ гостиной, ждетъ кабаллеро.

— Кто?—спросилъ донъ Мигуэль.

— Сеньоръ донъ Альваро Нуньецъ,—сказалъ Тонильо.

— Ахъ, онъ! Ты долженъ былъ сказать мнѣ это сразу, люди почтенные, особенно друзья моего отца, никогда не должны ждать у меня въ пріемной,—сказалъ онъ, поспѣшно сбрасывая плащъ и входя въ гостиную.

На софѣ сидѣлъ пожилой человѣкъ почтенной аристократической наружности; донъ Мигуэль поспѣшно приблизился къ нему, протягивая руку.

— Я очень сожалѣю, сеньоръ,—сказалъ онъ,—что вамъ пришлось ждать меня; обыкновенно, я бываю дома часовъ въ семь вечера, а сегодня я запоздалъ.

— Я прибылъ всего лишь нѣсколько минутъ тому назадъ и вовсе не жалѣю, что подождалъ васъ, сеньоръ дель Кампо,—отвѣтилъ улыбаясь донъ Альваро Нуньецъ, богатый родовитый испанецъ, съ давнихъ поръ поселившійся въ Буэносъ-Айресѣ, гдѣ онъ пользовался самой почтенной репутаціей.

— Сынъ долженъ, по справедливости, наслѣдовать отъ своего отца его привязанности, а потому я не желалъ бы потерять ни одной минуты изъ того времени, которое желаютъ мнѣ посвятить почтенные друзья отца, которыхъ я люблю и уважаю наравнѣ съ нимъ.

— Благодарю васъ, любезный сеньоръ донъ Мигуэль, я также глубоко уважаю и люблю дона Антоніо дель Камио: онъ одинъ изъ первыхъ аргентинцевъ, съ которыми я сдружился, пріѣхавъ въ Буэносъ-Айресъ. Когда онъ будетъ въ городѣ?

— Не могу вамъ сказать, сеньоръ, но полагаю, что онъ пріѣдетъ въ сентябрѣ или октябрѣ; надѣюсь, что тогда мы будемъ имѣть счастье чаще видѣть васъ въ этомъ домѣ.

— Да, да, конечно; я очень рѣдко выхожу изъ дома, но ради сеньора Антоніо я, конечно, буду радъ сдѣлать исключеніе, вѣдь мы съ нимъ старые друзья; мало того, я вамъ сознаюсь, что, разсчитывая на его дружбу ко мнѣ, я пришелъ извиниться передъ его сыномъ.

— Извиниться передъ мною? Какъ это можетъ быть?

— А между тѣмъ, это бываетъ!- печально вымолвилъ старикъ.

— Но въ чемъ же дѣло? въ чемъ заключается ваша крайняя деликатность, заставляющая васъ извиняться?

— Вы помните, сеньоръ дель Камио, я поручился вамъ въ ста сорока пяти тысячахъ піастровъ, представляющихъ собою стоимость скота, проданнаго вами поставщику Транесторно.

— Какъ же, помню и, какъ только я получилъ вашу записку, тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы скотъ былъ доставленъ.

— Завтра срокъ платежа, — продолжалъ донъ Альваро Нуньецъ,—завтра у насъ девятнадцатое мая; и вотъ, сегодня я получаю отъ Травесторно увѣдомленіе, что онъ не могъ собрать всей требуемой суммы, а у меня въ данный моментъ нѣтъ въ наличности всѣхъ этихъ денегъ, и ранѣе, какъ чрезъ недѣлю, не могу ихъ имѣть.

— Ахъ, зачѣмъ же непремѣнно черезъ недѣлю! И черезъ три, и черезъ пять, и черезъ восемь недѣль —когда вамъ будетъ

удобно; отецъ ничего не писалъ мнѣ объ этихъ деньгахъ, да если бы онъ даже и писалъ, то вы отлично знаете, что сеньоры Анхоренасъ всегда откроютъ мнѣ необходимый кредитъ, а потому не назначайте никакихъ сроковъ, сеньоръ Нуньецъ, для меня ваше слово стоитъ денегъ.

— Благодарю васъ, милый другъ,—отозвался старикъ,—у меня въ ящикѣ имѣлось пятьсотъ унцовъ, изъ которыхъ я могъ бы уплатить вамъ слѣдуемое, но третьяго дня я очутился въ такомъ положеніи, какія теперь нерѣдко создаетъ наша эпоха... въ положеніи, изъ котораго не знаешь какъ и выйти.

— Да,—сказалъ донъ Мигуэль, котораго обстоятельства, созданныя эпохой, заставили забыть безразличное отношеніе къ денежнымъ дѣламъ посторонняго человѣка. Впрочемъ, онъ, можетъ быть, и съ намѣреніемъ поддержалъ этотъ разговоръ, чтобы вызвать своего собесѣдника на объясненіе. - Да, сказалъ онъ,—теперь вѣдь столько почти обязательныхъ подписокъ и пожертвованій на госпитали, на содержаніе плѣнныхъ, на расходы войны и т. п.; столько различныхъ займовъ, въ которыхъ не можетъ отказать мирный человѣкъ вслѣдствіе своего положенія и положенія тѣхъ, которые просятъ въ займы.

— Именно это, со мной и случилось.

— Приходится давать въ займы, - небрежно замѣтилъ молодой человѣкъ, —не ожидая получить обратно.

-- Нѣтъ, на этотъ разъ я полагаю, что дѣло уладится иначе, потому что Мансилла мнѣ дастъ въ залогъ свой домъ.

— О, это прекраснѣйшій залогъ,—сказалъ донъ Мигуэль, который при имени Мансиллы понялъ, что дѣло это гораздо болѣе серьезное, чѣмъ онъ въ началѣ полагалъ.

— Превосходный! во всякомъ случаѣ деньги вѣрныя. Если даже онъ и не заплатитъ мнѣ процентовъ, я не потребую продажи его дома.

— И вы прекрасно сдѣлаете, вѣдь вамъ извѣстно положеніе генерала Мансиллы; благодаря этому займу, вы обезпечены въ его поддержкѣ, а если вы станете требовать уплаты, то наживете въ немъ себѣ врага. Люди такъ высоко поставленные не терпятъ, чтобы отъ нихъ требовали чего-нибудь.

— Вы правы, сеньоръ дель-Кампо, но дружба генерала Мансиллы и нѣкоторыхъ другихъ, подобныхъ же персонъ обходится мнѣ очень дорого; тѣмъ не менѣе, я считалъ бы себя счастливымъ, если бы они мнѣ не мѣшали жить спокойно и пользоваться капиталомъ, малымъ или большимъ, который я пріобрѣлъ трудами цѣлой жизни.

— Да, сеньоръ Нуньецъ, мы живемъ при грустныхъ условіяхъ, намъ приходится покупать какъ милость то, что намъ слѣдуетъ по справедливости; но дѣлать нечего, приходится мириться и дѣйствовать такъ, какъ вы дѣйствуете, всего разумнѣе.

— Я тоже полагаю такъ.

— А вмѣстѣ съ тѣмъ, если такія суммы, какъ пятьсотъ унцовъ, будутъ требоваться все чаще и чаще, то согласитесь сами, что въ концѣ-концовъ это сдѣлается довольно затруднительнымъ.

— Да, но что я могу сдѣлать? счастье еще, что хоть на этотъ разъ я обезпеченъ залогомъ.

— А вы это дѣло оформили?

— Нѣтъ, нѣтъ еще.

— Но деньги вы уже вручили?

— Да, третьяго дня, полностью выложилъ всѣ пятьсотъ унцій золотомъ.

— Не лучше ли было бы, если бы вы третьяго дня оформили этотъ залогъ?

— Конечно, я и самъ того хотѣлъ, но онъ ко мнѣ пріѣхалъ, прося одолжить эти деньги для уплаты какого то срочнаго долга и обѣщалъ мнѣ прислать на другой день закладную.

— Что-жъ онъ, прислалъ?

— Нѣтъ, я его вчера весь день въ глаза не видалъ.

— Ну, а сегодня?

— Сегодня, я его тоже не видалъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я, къ немалому моему огорченію, долженъ вамъ сказать, что и завтра, и послѣ завтра, будетъ то же, что и сегодня.

— Какъ? неужели вы думаете!..

— Я ничего не думаю, сеньоръ, но только сильно сомнѣваюсь.

— Вы сомнѣваетесь въ томъ, что Мансилла...

— Нѣтъ, я лично не сомнѣваюсь въ немъ, но въ наше измѣнчивое время все такъ ненадежно, что ни за что нельзя поручиться.

— Если Мансилла поступитъ такъ, то это будетъ самой возмутительной неблагодарностью, обманомъ, не достойнымъ порядочнаго человѣка...

— Сеньоръ Нуньецъ, вы уважаемый старикъ, а я вѣдь юноша, начинающій жизнь, но вы меня простите, если я буду говорить вамъ просто и откровенно: сдѣлайте все возможное, чтобъ оформить эту закладную, но если вы встрѣтите сопротивленіе, то бросьте это дѣло, а деньги считайте пропавшими.

— Но какое же сопротивленіе я могу встрѣтить?

— Объ этомъ вы меня не спрашивайте, сеньоръ Нуньецъ, мы говоримъ только о томъ, что бываетъ. Неужели вы думаете, что зять Розаса допуститъ безнаказанно вынуждать себя къ уплатѣ или же исполненію условій?

— Но если берутъ у кого нибудь то, что ему принадлежитъ и не хотятъ отдать, то онъ же въ правѣ...

— То онъ въ правѣ жаловаться, хотите вы сказать?

— Ну да, конечно.

— Вы ошибаетесь, сеньоръ Нуньецъ, допустимъ, напримѣръ, что генералъ Мансилла не пожелаетъ выдать вамъ закладной на свой домъ.

— Но разъ онъ уже получилъ деньги...

— Прекрасно; но допустимъ, что онъ такъ сдѣлаетъ.

— Въ такомъ случаѣ...

— Онъ будетъ подлецомъ, хотите вы сказать?

— Сеньоръ!..

— Въ сущности. вѣдь вы хотѣли сказать именно это; посмотрите, сколько мы видимъ кругомъ такихъ примѣровъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ; подобные примѣры давали намъ и правительство, и духовенство, и выборные, и масса частныхъ лицъ, живущихъ подъ крыломъ Розаса.

— Но все же власти могутъ его принудить къ исполненію добровольно принятаго имъ обязательства.

— Да, конечно, судебная власть могла бы сдѣлать это, но правительственная не прибѣгнетъ къ столь строгимъ мѣрамъ; есть девяносто девять шансовъ противъ одного, что она приметъ сторону зятя его превосходительства. Поняли вы теперь всю важность этого дѣла, сеньоръ Нуньецъ?

— Да,—отвѣчалъ старикъ, не подымая головы, стыдясь того, что онъ не въ состояніи предъявить своихъ правъ.

— Итакъ, въ случаѣ если генералъ Мансилла не пожелаетъ исполнить своего обязательства, то вы не обращайтесь къ властямъ и не становитесь съ нимъ во враждебныя отношенія.

— Я послѣдую вашему совѣту,—сказалъ старикъ, блѣдный и разстроенный, увидѣвъ въ словахъ своего собесѣдника тревожную для себя истину.

— Простите меня, это не совѣтъ, сеньоръ, а только мнѣніе преданнаго вамъ человѣка.

— Благодарю, сеньоръ дель-Кампо; я очень уважаю мнѣніе честныхъ людей, будь они стары или молоды,—сказалъ вставая донъ Нуньецъ,—на будущей недѣлѣ я вамъ вручу сто сорокъ пять тысячъ піастровъ, за которыя я вамъ ручался.

— Когда угодно, сеньоръ.

Донъ Мигуэль почтительно проводилъ друга своего отца до входныхъ дверей. Ни онъ, ни гость его, не ожидали, что вскорѣ имя уважаемаго всѣми старика попадетъ въ списокъ мучениковъ 1840 года.

Молодой человѣкъ нѣсколько разъ прошелся по двору въ невеселомъ раздумьѣ, затѣмъ поднялъ голову, провелъ рукою по лбу, какъ бы желая отогнать грустныя мысли и поспѣшилъ вернуться въ свою комнату, гдѣ его ждалъ Тонильо.

— Скорѣе одѣваться!—крикнулъ онъ.

Проворно перемѣнивъ костюмъ, донъ Мигуэль взялъ свой бумажникъ съ содержавшимися въ немъ двумя квадратиками бумаги съ цифрою 24, и заперъ его въ бюро, красиво причесалъ волосы и бороду и надѣлъ перчатки.

— Вы не возьмете плаща?

— Нѣтъ.

— Прикажете достать изъ казакина то, что въ немъ есть?

— Нѣтъ, не нужно.

— А пистолеты?

— Не надо, подай мнѣ только трость.

— Когда прикажете прійти за вами?

— Часовъ въ одиннадцать; ты приведешь лошадь и захватишь мой poncho.

— Прикажете мнѣ васъ сопровождать сегодня ночью?

— Да, ты со мной поѣдешь въ Barruras; такъ помни же, къ одиннадцати часамъ.

— У дома сеньоры донны Авроры?

— А то гдѣ же, дуракъ!—воскликнулъ донъ Мигуэль, раздосадованный тѣмъ, что его слуга могъ предполагать, что онъ проведетъ свои свободные часы гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, а не у донны Авроры.

XIX. Бѣлая Роза.

Тукуманъ, это обширный садъ вселенной, по красотѣ и величественности своихъ видовъ, говоритъ капитанъ Andrews въ своемъ «Путешествіи въ Южную Америку», изданномъ имъ въ Лондонѣ въ 1827 году.

Все, чѣмъ только богата тропическая природа въ смыслѣ красоты, прелести, роскоши и поэзіи, все это сгруппировано самымъ чудеснѣйшимъ образомъ въ провинціи Тукуманъ, какъ будто эта мѣстность была нарочно избрана богами излюбленнымъ убѣжищемъ для наслажденій, среди всего пустыннаго пространства, раскинувшагося отъ Эстрехо до Боливіи, и отъ Андъ до Урагвая.

Среди этого цвѣтущаго сада, полнаго свѣта, цвѣтовъ, птицъ и пѣнія родилась донна Гермоза.

Полковникъ Саэнсъ, отецъ Гермозы, скончался неожиданно,

когда ей было всего шесть лѣтъ; мать ея, сестра матери дона Мигуэля, гостила въ ту пору въ Буэносъ-Айресѣ.

Донна Гермоза росла какъ птички и цвѣты ея роскошной родины, веселой и безпечной, мечтательной, какъ и сама природа, которую она любила страстно, и ясный взглядъ ея голубыхъ глазъ привыкъ къ безоблачной лазури неба, какъ и сама она привыкла видѣть въ жизни одно лишь счастіе.

Когда ей минуло семнадцать лѣтъ, она, по просьбѣ матери, отдала свою руку сеньору де-Салабэрри, старинному другу семьи; сердце ея въ ту пору еще не пробуждалось и на супруга своего она смотрѣла скорѣе какъ на друга и покровителя, чѣмъ какъ на мужа.

Доннѣ Гермозѣ было суждено много выстрадать.

Полковникъ Саэнсъ любилъ свою единственную дочь до обожанія, но умеръ, когда она была еще ребенкомъ.

Сеньоръ де-Салабэрри любилъ ее отцовскою любовью, любилъ ее какъ сестру, любилъ ее какъ мужъ, но скончался черезъ годъ послѣ брака, т. е. за восемнадцать мѣсяцевъ до начала нашего разсказа.

У донны Гермозы оставалась на свѣтѣ одна только привязанность, то было чувство къ матери, чувство, замѣнявшее всѣ другія. Но и мать скончалась на ея рукахъ три мѣсяца спустя послѣ кончины ея мужа.

Оставшись одинокою на свѣтѣ, донна Гермоза, подобно чуткой мимозѣ, при малѣйшемъ прикосновеніи уходила въ себя она рѣшила жить одними только воспоминаніями о тѣхъ, кого она любила. Потерявъ почти одновременно и мать, и мужа, она не могла оставаться въ Тукуманѣ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчала напоминаніе о дорогихъ усопшихъ и поселилась въ окрестностяхъ Буэносъ-Айреса. Уже восемь мѣсяцевъ она жила, если не счастливо, то покойно въ своемъ загородномъ домѣ въ Barracas, когда событія ночи четвертаго мая привели насъ къ ней. Теперь, спустя ужъ двадцать дней, мы снова входимъ на дачу Бараккасъ.

Было около десяти часовъ утра.

Донна Гермоза, сидя передъ большимъ зеркаломъ, доканчи-

валэ свой утренній туалетъ съ помощью Лизы, своей любимой и молоденькой камеристки. Вдругъ головка молодой женщины мало-по-малу откинулась назадъ, вѣки ея сомкнулись и она невольно поддалась сладкому забытью, не то дремотѣ, не то мечтанію. Когда пріятно грезится, мысль витаетъ въ заоблачныхъ странахъ. Лиза стояла неподвижно надъ своею госпожей и улыбаясь, смотрѣла на нее.

На каминныхъ часахъ пробило половина одиннадцатаго.

Съ томностью тропической лиліи, тихо колеблемой вечернимъ вѣтеркомъ, донна Гермоза открыла глаза, медленно повернула голову въ сторону своей камеристки и съ ласковой улыбкой спросила:

— Я спала, Лиза?

— Да, сеньора.

— И долго?

— Не болѣе получаса.

— Во снѣ я ничего не говорила?

— Ни слова, только вы два раза улыбнулись.

— Да, я знаю, я не говорила, но улыбалась.

— Какъ? развѣ вы помните, что дѣлали во снѣ?

— Я сплю не такъ, какъ ты предполагаешь, это былъ полусонъ и полузабытье.

— Ахъ, нѣтъ, синьора,—улыбаясь сказала Лиза,—вы крѣпко спали.

— Нѣтъ, Лиза, нѣтъ, дитя мое, я не сплю вовсе въ то время, когда ты думаешь, что я уснула; какая то сверхъестественная сила смыкаетъ мои вѣки, овладѣваетъ мной, покоряетъ меня своей волѣ; я вдругъ перестаю сознавать то, что происходитъ вокругъ меня, но я не сплю; я вижу то, что еще не случилось, бесѣдую съ людьми, которыхъ нѣтъ со мною, но я ихъ вижу, слышу, испытываю радость, скорбь, волненіе и вмѣстѣ съ тѣмъ все это я вижу не во снѣ. Когда же я приду въ себя, я помню отлично все, что происходило со мной, и затѣмъ остаюсь подъ впечатлѣніемъ того, что я пережила, что создало мое воображеніе; вотъ и сейчасъ, мнѣ кажется, я вижу его подлѣ себя, какъ видѣла съ минуту тому назадъ.

— Кого, сеньора?—спросила дѣвушка, не понимая странныхъ словъ своей госпожи.

— Кого?

— Ну да, сеньора, сюда никто не приходилъ, а вы сказали, *что видѣли его.*

— Да, мое зеркало,—сказала, улыбаясь, донна Гермоза, бросивъ бѣглый взглядъ въ свое зеркало.

— Ахъ, вы видали сеньора лишь ваше зеркало?

— Да, больше ничего... Кончай скорѣе, Лиза, мой туалетъ... да, кстати, что ты мнѣ говорила поутру, когда пришла будить меня!

— О сеньорѣ донѣ Луи?

— Да, о сеньорѣ Бельграно.

— Ахъ, сеньора! я ужъ четыре раза повторяла вамъ то же самое.

— Неужели, ты ужъ четыре раза говорила мнѣ это? ну скажи еще пятый, и больше я ужъ не спрошу тебя.

— Я вамъ говорила сеньора, что, когда сегодня я поутру вышла на дворъ, и какъ вы приказали, зашла узнать у человѣка дона Луи о здоровьи его господина, я не застала ни слуги, ни господина въ ихъ половинѣ. Я уже выходила, когда увидала, что оба они въ саду; сеньоръ донъ Луи занимался тѣмъ, что составлялъ букетъ. Я подошла къ нему, мы поздоровались и затѣмъ долго бесѣдовали въ саду.

— О чемъ?

— О васъ, сеньора, признаюсь, этотъ сеньоръ ужасно любопытенъ, я никогда еще не видѣла такихъ: ему все надо знать: читаете ли вы иногда ночью, какія книги вы любите, много ли и часто ли вы пишете, какіе цвѣты вы предпочитаете, фіалки или жасминъ, сами ли вы ухаживаете за птичками, которыя у васъ въ клѣткахъ... и Богъ вѣсть что.

— Обо всемъ этомъ вы говорили сегодня?

— Да.

— Ну а о его здоровьѣ ты не узнала ничего?

— Зачѣмъ же мнѣ было спрашивать о немъ, когда я своими глазами видѣла.

— Что же ты видѣла?

— Надо быть слѣпой, чтобы не видѣть, что сегодня онъ хромаетъ сильнѣе, чѣмъ вчера, когда онъ въ первый разъ вышелъ въ садъ; когда онъ наступаетъ на лѣвую ногу, то видно, что бѣдняжка очень страдаетъ.

— Ахъ, Боже мой! вѣдь онъ еще не долженъ ходить, но онъ такой упрямый! — воскликнула донна Гермоза про себя;— онъ непремѣнно хочетъ выходить, — продолжала она спустя минуту. — Я вижу этотъ Мигуэль рѣшился погубить его и довести меня до сумасшествія. Лиза, кончай же скорѣй одѣвать меня! а послѣ...

— А послѣ вы выкушаете стаканчикъ молока съ сахаромъ, сеньора, вы такъ блѣдны сегодня, да оно и не мудрено, теперь уже такъ поздно, а вы, вѣдь, ничего не кушали.

— Я блѣдна! Что же, я тебѣ кажусь очень некрасивой, Лиза? — улыбаясь спросила она.

— Некрасивой? нѣтъ, сеньора, вы только очень блѣдны, вотъ и все.

— А сегодня вечеромъ! — продолжала помолчавъ Лиза, — вамъ необходимо...

— Ахъ Лиза, не напоминай ты мнѣ о сегодняшнемъ вечерѣ!

— Какъ, сеньора, неужели вы не желаете быть очень красивой сегодня вечеромъ?

— Нисколько, я бы желала быть больна.

— Больны?

— Да.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ, если была немного старше и получила приглашеніе на балъ, я бы желала быть здоровой и красивой.

— Вотъ видишь ли, дитя мое, наши желанія съ тобой различны.

— Ахъ да! теперь я знаю, почему!

— Ты знаешь, почему я желаю быть больна?

— Да, я догадываюсь.

— Скажи же!

— Вы не хотите ѣхать на балъ, чтобы не надѣвать девиза.

Донна Гермоза улыбнулась.

— Отчасти ты угадала, Лиза.

— Отчасти? Я угадаю и совсѣмъ, сеньора.

— Ну?

— И потому еще, что вамъ нельзя будетъ играть на роялѣ въ полночь, какъ вы всегда любите дѣлать передъ сномъ.

— Нѣтъ, ты не угадала.

— Нѣтъ? ну, все равно, вѣрно одно, что вы удивительно красивы, сеньора, а это главное!

— Благодарю за любезность, но мнѣ сегодня хочется вѣрить тому, что ты говоришь; сегодня у меня первый разъ въ жизни явилось желаніе казаться прекрасной въ глазахъ другихъ. Но бросимъ эти пустяки Лиза, — сказала она, точно спохватясь; — знаешь Лиза, — я на тебя сердита.

— Ахъ, сеньора, это первый разъ!

— Да первый, потому что первый разъ у моихъ птичекъ нѣтъ воды. Ты сознаешь, что я права!

— Нѣтъ, сеньора, вы не правы.

— Да гдѣ же водопойка? вѣдь, въ клѣткѣ ея нѣтъ, это твоя вина!

— Нѣтъ, нѣтъ, сеньора, въ этомъ виноватъ донъ Луи.

— Бельграно? да ты съ ума сошла!

— Нѣтъ, сеньора: сегодня поутру, когда я заходила узнать о состояніи здоровья больного, водопойки были у меня въ рукахъ; а сеньоръ этотъ, какъ я вамъ говорила, ужасно любопытный, ему понадобилось узнать, какое назначеніе этихъ тазочковъ, я ему сказала; онъ тотчасъ взялъ ихъ у меня изъ рукъ и принялся самъ мыть. Теперь я вспоминаю, что онъ поставилъ ихъ у клумбы съ жасминами, а человѣка отправилъ за водой; въ этотъ моментъ я услыхала вашъ звонокъ и побѣжала, забывъ про водопойки.

— Вотъ видишь, Лиза!

— Что же я вижу, сеньора? сознаю лишь только, что

если бы сеньоръ донъ Луи не взялъ у меня водопоекъ, я бы не позабыла ихъ.

— Лиза, который часъ?

— Одиннадцать часовъ.

— Хорошо, я пройду теперь въ гостиную, а ты поди скажи сеньору Бельграно, что я буду очень рада принять его, если ему возможно прійти сюда.

Лиза тотчасъ же побѣжала исполнить порученіе своей госпожи.

Часъ спустя мы застаемъ донну Гермозу въ гостиной на софѣ; въ чертахъ ея болѣе оживленія, чѣмъ обыкновенно, глаза устремлены на цвѣтокъ бѣлой розы, которую она держитъ въ рукѣ, любовно расправляя нѣжные лепестки прекрасною рукою; подлѣ нея сидитъ Бельграно, онъ блѣденъ, черные, грустные глаза его блестятъ и свѣтятся какимъ то новымъ блескомъ, и онъ не сводитъ ихъ съ молодой женщины.

Оба они молчатъ.

Донъ Луи, наконецъ, рѣшился прервать это молчаніе, которое начинало становиться неловкимъ.

— Что-же, сеньора? – спросилъ онъ своимъ мягкимъ, ласковымъ голосомъ.

— Что я могу сказать вамъ, сеньоръ? вы, я вижу, меня совсѣмъ не знаете! отозвалась она, поднявъ головку и взглянувъ на своего собесѣдника.

— Что вы хотите этимъ сказать, сеньора?

— Я говорю, что вы не знаете меня, потому что вы смѣшиваете меня съ большинствомъ женщинъ нашего круга, полагая, что я могу сказать вамъ то, чего не чувствуетъ моя душа или, вѣрнѣе, такъ какъ мы совсѣмъ не говоримъ о чувствахъ и душѣ, того, что не является выраженіемъ моихъ мыслей.

— Однако, я не долженъ, сеньора...

— Я не говорю о томъ, что вы должны, а лишь о томъ, что *я должна*, прервала его молодая женщина съ очаровательной улыбкой;—я исполнила по отношенію къ вамъ лишь долгъ обязательнаго для всѣхъ человѣколюбія, который мнѣ

самой было пріятно исполнить; вамъ нуженъ былъ надежный кровъ, уходъ, участіе, все это я могла предложить вамъ и предложила очень охотно.

— Я очень благодаренъ вамъ, сеньора!

— Простите, я не кончила; поступивъ такимъ образомъ, я только исполнила свой долгъ; но я бы сдѣлала это дѣло на половину, если бы согласилась на то, что вы желаете. Вы желаете оставить мой домъ, когда здоровье ваше еще не позволяетъ того, ваши раны откроются опять и ужъ на этотъ разъ будутъ смертельны, потому что тотъ, кто нанесъ ихъ вамъ, снова наляжетъ вамъ на грудь, какъ только узнается та тайна, которую счастливая случайность и энергичныя усилія Мигуэля помогли сохранить до этихъ поръ.

— Но вамъ извѣстно, донна Гермоза, что до сихъ поръ моимъ врагамъ не удалось добыть никакихъ свѣдѣній касательно бѣглеца той ночи.

— Да, я знаю, но они не замедлятъ узнать все; надо чтобы вы вышли изъ этого дома совершенно здоровымъ, да и то, быть можетъ, вы будете принуждены эмигрировать,—добавила она, опустивъ глаза;- я женщина свободная и никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ не обязана давать; я знаю, что исполняю священный долгъ каждой христіанки, долгъ, который отъ меня требуетъ моя совѣсть; конечно, я не могу васъ принуждать и насиловать вашу волю,—я не имѣю на то никакого права,—но повторяю, что вы выйдете изъ моего дома вопреки моему желанію, если оставите его полубольнымъ, какъ вы того хотите.

— Какъ я того хочу! о! нѣтъ, донна Гермоза, нѣтъ!—воскликнулъ донъ Луи, быстро придвинувшись къ молодой женщинѣ, которая старалась удержать его у себя такимъ образомъ.— Я былъ-бы радъ провести всю жизнь въ этомъ домѣ, прожить въ немъ цѣлую вѣчность! Въ теченіе двадцати шести лѣтъ моей жизни я жилъ только тогда, когда я думалъ, что умру, и впервые ощутилъ счастье, когда изнемогалъ отъ ранъ... я люблю самый воздухъ этого дома, люблю здѣсь каждую вещицу и каждый уголокъ, даже самую пыль... но сердце у меня

сжимается отъ боли при мысли о тѣхъ опасностяхъ, которыя изъ-за меня грозятъ и вамъ, и вашему спокойствію. До сей минуты Господь хранилъ меня, но вѣдь злой демонъ, преслѣдующій насъ, можетъ ежеминутно открыть мое убѣжище и тогда... о, донна Гермоза! я цѣною своей крови готовъ купить ваше душевное спокойствіе и вашу безопасность!

— Но въ такомъ случаѣ, что было бы возвышеннаго и прекраснаго въ характерѣ женщины, если-бы она не желала подвергнуться извѣстной опасности ради человѣка, котораго она назвала своимъ другомъ?!

— Гермоза!—воскликнулъ онъ, завладѣвъ рукою молодой женщины,—Гермоза! вы дивная женщина!

— Неужели вы думаете, донъ Луи, что подъ этимъ небомъ нашей дорогой родины нѣтъ женщинъ, которыя отождествляли-бы свою участь и жизнь съ жизнью и участью мужчинъ?! Если бы у меня былъ братъ, мужъ или женихъ, который былъ бы вынужденъ покинуть родину, я, не задумываясь, послѣдовала бы за нимъ въ изгнаніе; если бы ему грозила опасность, я своей грудью стала бы защищать его отъ кинжаловъ убійцъ; если бы надо было умереть за свободу на священной землѣ этой, которая породила свободу въ Америкѣ, я сама пошла бы за своимъ братомъ, супругомъ или женихомъ и вмѣстѣ съ нимъ охотно и радостно сложила-бы и свою голову на кровавомъ эшафотѣ!

— О, Гермоза! Гермоза! не заставляйте меня святотатствовать, не заставляйте благословлять несчастія моей родной страны, которыя внушили вамъ эти чувства! Простите, я васъ обманулъ! простите: я сразу угадалъ, что есть благороднаго, возвышеннаго и рѣдкаго въ вашемъ характерѣ; я зналъ, что никакой обычный страхъ не смутитъ васъ, но моего отсутствія требуетъ честь... Гермоза, неужели вы не понимаете того, что происходитъ въ душѣ человѣка, которому вы спасли жизнь съ тѣмъ, чтобы заставить его жить какъ въ бреду, который былъ незнакомъ ему до этихъ поръ, и испытывать то, что онъ никогда не зналъ?!.

— Никогда?!

— Да, никогда!

— Повторите мнѣ это, донъ Луи!—воскликнула донна Гермоза, крѣпко сжимая въ своихъ рукахъ руку молодого человѣка.

— До настоящей минуты я никогда еще не жилъ сердцемъ, а теперь...

— А теперь?—сказала донна Гермоза тономъ тревожнаго ожиданія.

— Теперь я живу только имъ; я люблю, Гермоза! —и донъ Луи, блѣдный и трепещущій отъ счастья и страсти, поднесъ къ губамъ хорошенькую ручку женщины, которой онъ только что признался въ первой своей любви и первыхъ робкихъ надеждахъ. Бѣлая роза выпала изъ рукъ донны Гермозы и упала прямо къ ногамъ молодого человѣка.

При послѣднихъ словахъ его, лицо донны Гермозы мгновенно просіяло радостью и счастьемъ; но вдругъ этотъ лучъ счастья погасъ и его замѣнила внезапно заговорившая стыдливость; прелестная головка молодой женщины склонилась низконизко, и яркая краска румянца мгновенно залила ея лицо. Съ минуту длилось молчаніе, болѣе краснорѣчивое, чѣмъ всѣ слова.

— Простите, простите меня, Гермоза! -вымолвилъ донъ Луи, —я былъ безумцемъ! я забылъ все, но я такъ счастливъ, такъ гордъ своей любовью, что готовъ признаться въ ней передъ лицомъ самого Бога и передъ цѣлымъ свѣтомъ. Да, я люблю и ни на что не надѣюсь, видитъ Богъ! пусть это будетъ моимъ оправданіемъ, если я чѣмъ-нибудь оскорбилъ васъ.

Донна Гермоза молча подняла на молодого человѣка свои глаза, полные слезъ, и въ этомъ взглядѣ онъ прочелъ все.

— Благодарю, благодарю, Гермоза! — воскликнулъ донъ Луи,—но именемъ всего святого прошу васъ одно слово, одно лишь только слово, которое бы я могъ сохранить на всю жизнь въ своемъ сердцѣ.

— Какое слово, сеньоръ? —спросила она краснѣя.

— Такое, которое бы подтвердило мнѣ то, что угадываетъ мое сердце!—сказалъ онъ, снова овладѣвъ крошечными ручками молодой женщины.

— О, нѣтъ, довольно, сеньоръ!—довольно, прошептала она, тихонько отнимая у него свои руки и закрывая ими лицо.

Она переживала въ этотъ моментъ тяжелую внутреннюю борьбу, знакомую большинству женщинъ, когда ихъ сердце хочетъ высказаться, а уста упорствуютъ въ молчаніи.

— Нѣтъ, Гермоза,— продолжалъ донъ Луи,—вы должны мнѣ позволить, быть можетъ въ послѣдній разъ въ моей жизни, принести вамъ клятву въ томъ, что я хочу вамъ посвятить всю свою жизнь, вамъ, моей первой и единственной любви!

Донна Гермоза ласково опустила свою руку на плечо молодого человѣка, при чемъ глаза ея свѣтились любовью и нѣжностью, а на губахъ мелькала чудная улыбка; она молча указала на упавшую на коверъ розу.

— А! — воскликнулъ донъ Луи, овладѣвъ цвѣткомъ и поднося его къ своимъ губамъ, — вы мнѣ дарите эту розу Гермоза?

— Сегодня нѣтъ, — отвѣтила она, взявъ ее изъ рукъ дона Луи, — сегодня мнѣ этотъ цвѣтокъ еще нуженъ, но завтра я вамъ отдамъ его.

— Но цвѣтокъ этотъ — моя жизнь, Гермоза, почему вы хотите отнять его у меня?

— Ваша жизнь, донъ Луи? Довольно, Бога ради! не говорите ни слова больше! — сказала она удаляясь немного отъ него, — вы не повѣрите, какъ меня это мучитъ, — продолжала она, — этотъ цвѣтокъ, выпавшій у меня изъ рукъ въ то время, когда вы говорили о своей любви!.. онъ породилъ въ моемъ мозгу ужаснѣйшую мысль, и страхъ овладѣлъ моей суевѣрной душой... довольно! довольно! прошу васъ!

— Полноте, кто теперь въ цѣломъ мірѣ можетъ помѣшать нашему счастью?!...

— Да всякая бездѣлица! для нѣкоторыхъ людей нѣтъ ничего легче, какъ помѣшать чужому счастью, въ этомъ лучшемъ изъ всѣхъ міровъ, какъ сказалъ кто то!—внезапно произнесъ донъ Мигуэль дель Кампо, входя въ гостиную.

Донъ Луи быстро пересѣлъ въ противоположный уголъ дивана.

— Не стѣсняйтесь со мной, друзья мои, — продолжалъ донъ Мигуэль, — а, ты мнѣ уступаешь мѣсто, благодарю, вотъ я и сяду между вами!

Съ этими словами онъ дѣйствительно сѣлъ между дономъ Луи и своей кузиной и, взявъ руку своего друга и донны Гермозы, сказалъ:

— Признаюсь вамъ, друзья мои, что кромѣ послѣднихъ словъ Луи я ничего рѣшительно не слышалъ, да мнѣ было бы совершенно лишнимъ слышать что бы то ни было: я все это давно ужъ знаю наизусть.

И онъ шутливо раскланялся передъ своей кузиной, красной какъ піонъ, и своимъ другомъ, хмурившимъ брови.

— Какъ, вы не хотите мнѣ отвѣчать? — продолжалъ онъ, — ну, хорошо же, тогда я буду говорить одинъ: скажите, сеньора кузина, желаете ли вы, чтобы сеньора Барроль тъ сама пріѣхала за вами, или же вы въ своей каретѣ заѣдете за сеньорой Барроль тъ?

— Я заѣду за ней! — отвѣтила донна Гермоза, стараясь улыбнуться.

— Ну, слава Богу, я вижу, вы улыбаетесь; и вы тоже, сеньоръ; благословенъ будь Бахусъ, богъ веселья; а я ужъ было думалъ, что вы на самомъ дѣлѣ сердитесь на меня за то, что я случайно слышалъ частичку того *многаго*, которое вы имѣете сказать другъ другу въ этомъ таинственномъ волшебномъ замкѣ, гдѣ рано или поздно я поселюсь съ моей Авророй. Вѣдь вы мнѣ одолжите его, сеньора Гермоза?

— Да, съ радостью!

— Прекрасно! ну, а теперь условимся: въ десять часовъ, если это тебѣ удобно...

— Нѣтъ я желала бы позднѣе.

— Ну, хорошо, въ одиннадцать часовъ.

— Нельзя ли еще позже?

— Ну, въ полночь?

— Да, часовъ въ двѣнадцать всего лучше!

— Итакъ, въ двѣнадцать часовъ ночи ты будешь у Авроры, чтобы везти ее на балъ, потому что сеньора Барроль тъ

только съ этимъ условіемъ соглашается отпустить дочь.

— Значитъ, рѣшено!

— Кто будетъ сопровождать тебя, Гермоза?

— Я! — поспѣшно воскликнулъ донъ Луи.

— Потише, кабаллеро, потише; вы сегодня никоимъ образомъ не будете сопровождать сеньору, тѣмъ болѣе, въ двѣнадцать часовъ ночи!

— Но какъ же сеньора поѣдетъ одна?

— Развѣ возможно, чтобы ты ѣхалъ съ нею въ ночь 24-го мая? — продолжалъ донъ Мигуэль, пристально глядя на своего друга и дѣлая особое удареніе на словѣ 24-го.

Донъ Луи потупилъ взоръ, но донна Гермоза тотчасъ же угадала, что въ словахъ дона Мигуэля кроется какая-то тайна и обратилась къ нему.

— А могу я узнать, почему ночь 24-го мая не то же самое, что и всякая другая ночь для сеньора, который хочетъ мнѣ сдѣлать честь сопровождать меня?

— Замѣчаніе твое весьма основательно, милая Гермоза, но есть вещи, которыхъ мы, мужчины, не можемъ сообщать вамъ!

— А, дѣло касается политики!

— Возможно!

— Я, конечно, не имѣю ни малѣйшаго права требовать чтобы этотъ кабаллеро сопровождалъ меня, но мнѣ кажется что имѣю достаточно правъ надъ обоими вами, чтобы попросить васъ быть осторожными.

— Я тебѣ ручаюсь за Луи!

— За обоихъ! — поспѣшно добавила донна Гермоза.

— Ну, хорошо, за обоихъ! Такъ значитъ рѣшено, что въ полночь ты будешь у Авроры. Педро будетъ за кучера, а слуга Луи поѣдетъ съ тобой за лакея. Пріѣхавши къ мадамъ Барроль, ты сядешь въ ихъ экипажъ и поѣдешь съ Авророй, а твоя карета пріѣдетъ за тобой часа въ четыре.

— Охъ, четыре часа, ужъ это слишкомъ поздно; мнѣ кажется, что для той жертвы, какую я дѣлаю, этого слишкомъ много!

— Я знаю, Гермоза, что для тебя это дѣйствительно жертва, но ты должна принести эту жертву ради безопасности твоего дома и въ то же время ради дона Луи; я уже говорилъ тебѣ разъ десять, что не присутствовать на этомъ балу, который дается въ честь донны Мануэлы, разъ что ты получила приглашеніе отъ нея лично и, кромѣ того, была звана и Августиной, будетъ сочтено ими за умышленный отказъ и ты понимаешь, что намъ это даромъ не пройдетъ. Августина очень дорожитъ твоимъ присутствіемъ, а если ты уѣдешь съ балу раньше другихъ, это вооружитъ противъ тебя не только ее, но и всѣхъ приглашенныхъ.

— Эхъ, да какое мнѣ дѣло до всѣхъ этихъ людей! — презрительно воскликнула она.

— Вы правы, какое вамъ дѣло до удовольствія или неудовольствія этихъ людей; ты знаешь, Мигуэль, что я вѣдь никогда не раздѣлялъ твоего мнѣнія; я полагаю, что донна Гермоза вовсе не должна дѣлать имъ этой чести и ѣхать на балъ для нея унизительно! — сказалъ донъ Луи.

— Прекрасно! превосходно! — воскликнулъ донъ Мигуэль, поочередно раскланиваясь передъ своей кузиной и передъ своимъ другомъ, — вы оба вдохновенные люди! вы вполнѣ убѣдили меня, какое заблужденіе, какое безуміе совѣтовать доннѣ Гермозѣ ѣхать на этотъ балъ! Нѣтъ, пусть она не ѣдетъ, но въ такомъ случаѣ пусть она позаботится сжечь свои голубыя занавѣски, которыя могутъ прійтись не по вкусу деликатнымъ сеньорамъ Масъ-Горки, которые безъ всякаго сомнѣнія нанесутъ ей на этихъ дняхъ визитъ.

— Эти негодяи! у меня въ домѣ? ты шутишь Мигуэль! — воскликнула донна Гермоза со взглядомъ, полнымъ негодованія и гнѣва;—мои слуги поступятъ съ ними такъ же, какъ поступаютъ съ уличными, бродячими собаками: они вышвырнутъ ихъ на улицу.

— Превосходно! прелестно! блистательно! — продолжалъ донъ Мигуэль весело или, какъ имъ показалось, злорадно потирая руки и откидываясь на спинку дивана. — Какъ твои раны? — добавилъ онъ холоднымъ, безучастнымъ тономъ.

Нервная дрожь пробѣжала при этихъ словахъ по всему тѣлу донны Гермозы.

Донъ Луи не отвѣтилъ ни слова.

Оба они поняли или вѣрнѣе угадали мысль дона Мигуэля.

— Я ѣду на этотъ балъ, Мигуэль! — сказала молодая женщина, украдкой утирая слезу.

— Но, вѣдь, это ужасно, что я являюсь причиной всего этого! — воскликнулъ донъ Луи, вскочивъ съ дивана и принимаясь расхаживать огромными шагами по комнатѣ, несмотря на ужаснѣйшую боль, какую ему причиняла при этомъ его рана.

— Именемъ Бога! — воскликнулъ донъ Мигуэль, — что ты дѣлаешь, Луи! да ты совсѣмъ безумный! — и онъ почти силой принудилъ его сѣсть. — Я вижу, съ вами надо обращаться, какъ съ малыми ребятами. Неужели вы не понимаете, что у меня нѣтъ другой мысли, какъ только о вашей безопасности? Я то же самое долженъ былъ продѣлать и съ мадамъ Баррольтъ, чтобы заставить ее отпустить на этотъ балъ свою дочь, но ты, Гермоза, вѣдь, знаешь, что въ воздухѣ надъ нами носятся кинжалы и смерть; что надо васъ спасти, во что бы ни стало; и вотъ цѣною этой ничтожной жертвы съ твоей стороны я хочу оградить васъ и себя тоже, хочу прояснить надъ нами горизонтъ, отстранить хоть на время тяготѣющія надъ нами ужасныя предчувствія, мучительныя ожиданія и страхъ чего-то ужаснаго. Сегодня я нуждаюсь въ расположеніи, довѣріи и даже въ уваженіи этихъ людей, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи, когда настанетъ часъ возмездія, сбросить съ себя маску и... — онъ оборвалъ на этомъ словѣ свою рѣчь и со свойственнымъ ему рѣдкимъ самообладаніемъ придалъ своему лицу, дотолѣ озабоченному и серьезному, его обычную безпечную улыбку, не желая окончательно раскрывать передъ кузиной свою политическую жизнь и дѣятельность. — Итакъ ты ѣдешь? рѣшено?

— Да, — отвѣтила донна Гермоза, — ровно въ полночь я буду у мадамъ Баррольтъ, у этихъ новыхъ друзей, которыхъ ты навязалъ мнѣ и которымъ всячески стараешься навязать меня.

— Полно, сама мадамъ Барролыъ святая женщина, а Аврора совершенно очарована тобою съ тѣхъ поръ, какъ она знаетъ, что ты не соперница ей!

— А Августина такъ страстно жаждетъ меня видѣть въ числѣ своихъ гостей тоже изъ ревности? — спросила донна Гермоза.

— Да, тоже.

— Не къ тебѣ ли опять?

— Нѣтъ, къ сожалѣнію къ тебѣ самой.

— Ко мнѣ?

— Да, она много слышала о твоей красотѣ, объ обстановкѣ твоего дома, о твоихъ туалетахъ, и потому она, царица красоты и каприза, желаетъ узнать свою соперницу, вотъ и все!

— Гмъ!—а донъ Луи.

— Я увожу его съ собой.

— Теперь?

— Да, теперь. Вѣдь мы съ тобой условились уже, что ты мнѣ одолжишь его сегодня!

— Да, но выѣхать днемъ! ты мнѣ говорилъ, что увезешь его сегодня ночью на нѣсколько часовъ къ себѣ.

— Это правда, но мнѣ ужъ не удастся сюда вернуться раньше завтрашняго дня.

— Такъ что-же?

— А то, что Луи не можетъ выѣхать безъ меня.

— Днемъ?

— Да, днемъ, теперь-же!

— Но его могутъ увидать.

— Нѣтъ, сеньора, моя карета стоитъ у вашихъ дверей.

— Ахъ... я не слыхала, какъ она подъѣхала.

— Да, я знаю.

— Развѣ ты обладаешь даромъ провидѣнія, какъ шотландцы?

— Нѣтъ, моя прекрасная кузина, но я физіономистъ, и въ тотъ моментъ, когда вошелъ въ твою гостиную...

— Сеньора, сдѣлайте мнѣ большое удовольствіе, заставьте вашего кузена замолчать, иначе онъ скажетъ намъ какую-ни-

будь глупость!—воскликнулъ донъ Луи, перебивая рѣчь своего друга и обмѣнявшись съ молодой женщиной многозначительной улыбкой.

— Вотъ хорошо! Нѣтъ, ты замѣть, Гермоза, что милый нашъ Луи вообразилъ, что я позволю себѣ безтактность повторить его слова, сказанныя тебѣ, когда входилъ въ комнату, и потому онъ называетъ глупостью ту фразу, которую онъ поспѣшилъ прервать.

— Эго, да вы насмѣшникъ, кабаллеро,—сказала донна Гермоза, сопровождая эти слова граціознымъ маленькимъ движеніемъ, которое, однако, не пришлось по вкусу дону Мигуэлю, а именно она потеребила его за волосы и такъ больно, что молодой человѣкъ невольно вскрикнулъ.

— Что такое?—спросила донна Гермоза, какъ-бы недоумѣвая, въ чемъ дѣло.

— Ничего, милая кузина, ничего, я только размышлялъ сейчасъ о томъ, что ты и Аврора будете самыми прелестнѣйшими женщинами на балу!

— Ну, слава Богу! наконецъ-то, я слышу отъ тебя сегодня разумное слово! замѣтилъ донъ Луи.

— Благодарю, и чтобы оно оставалось не единственнымъ, я добавлю, что пора тебѣ попросить свою шляпу и слѣдовать за мной.

— Уже? но вѣдь теперь ужасно рано.

— Нѣтъ, сеньоръ, скорѣе поздно!

— Ну, хорошо, сейчасъ!

— Нѣтъ, не сейчасъ, а сію-же минуту!

— Ого!

— А что?

— Такъ, ничего.

— Сеньора! гости упорны, какъ говоритъ пословица, «куда они войдутъ, тамъ они остаются», эти подданные Карла XII-го, а нынѣ подданные Бернадотта, о которыхъ разказываютъ, что ихъ взгляда никто не въ силахъ вынести. Вотъ уже двадцать дней, какъ сей сеньоръ пребываетъ въ этомъ прекрасномъ домѣ, и, по его мнѣнію, этого еще не достаточно...

— Послушай, Мигуэль, сдѣлай мнѣ удовольствіе, повидай сегодня донну Аврору пораньше!—сказала молодая женщина.

— Для чего?

— Для того, чтобы получить отъ нея отставку.

— Какъ? почему? за что-же мнѣ отставка отъ Авроры? я ничего не понимаю!... развѣ донна Марія-Хозефа опять бесѣдовала съ ней?

— Нѣтъ.

— Но тогда?

— Я съ ней поговорю въ томъ же духѣ.

— Ты скажешь ей, чтобы она отстранила меня отъ себя? да?

— Да.

— Ахъ, чортъ возьми! это даже какъ шутка - злая шутка!

— Можетъ быть, но все-же я это сдѣлаю; я сегодня же на балу дамъ ей понять, этой бѣдняжкѣ, что ее ожидаетъ съ такимъ несноснымъ мужемъ.

— Ну, хорошо-же! теперь я вижу, что ты хочешь мнѣ отомстить. Прекрасно! Луи, сдѣлай мнѣ удовольствіе, простись съ донной Гермозой!

— Онъ положительно неотразимъ, сеньора!—произнесъ донъ Луи, вставая и подходя къ рукѣ донны Гермозы

— Баа, это наша семейная, неотъемленная черта; мы всѣ неотразимы!—съ улыбкой подхватилъ донъ Мигуэль и отошелъ къ окну, чтобы дать время влюбленнымъ проститься.

Ни онъ, ни она не сказали ни слова, но ихъ глаза такъ ясно высказывали все, что въ словахъ не было никакой надобности. Когда донъ Мигуэль обернулся, донъ Луи ужъ подходилъ къ дверямъ, а донна Гермоза не сводила глазъ съ бѣлой розы, приширенной къ ея груди.

— Дорогая Гермоза,—сказалъ донъ Мигуэль, подходя къ ней, какъ только они остались вдвоемъ въ гостиной;—знай, что въ цѣломъ мірѣ никто не станетъ такъ беречь и охранять Луи, какъ я; я охраняю всѣхъ васъ, а меня хранитъ Святое Провидѣніе. Никто такъ не желаетъ твоего счастія, какъ я; я все угадываю, дорогая Гермоза, и всему сочувствую вполнѣ, предоставь-же мнѣ дѣйствовать. Довольна ты теперь?

— Да!--отвѣтила она чуть слышно, съ глазами, полными слезъ.

— Луи любитъ тебя, и я этому очень радъ!

— Ты думаешь, онъ любитъ?

— А ты? развѣ ты сомнѣваешься въ этомъ?

— Я? я сомнѣваюсь въ себѣ!

— Такъ ты не счастлива этой любовью?

— И да, и нѣтъ!

— Но это ничего не говоритъ!

— Я говорю, однако, то, что чувствую.

— Значитъ, ты и любишь, и не любишь его?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, я люблю его, люблю, мой Мигуэль!

— Ну, тогда что-же?

— Пойми, я счастлива тѣмъ, что люблю его, но меня страшитъ то, что онъ меня любитъ!

— Какое суевѣріе! все это пустяки!

— Очень возможно, что ты правъ, но цѣлый рядъ несчастій невольно сдѣлалъ меня и недовѣрчивой, и суевѣрной.

— Знай, что несчастіе всегда ведетъ къ благополучію, другъ мой!

— Дай Богъ, чтобъ такъ; однако иди, вѣдь Луи ждетъ тебя!

— До скораго свиданія! сказалъ донъ Мигуэль, цѣлуя въ лобъ свою кузину.

Спустя минуту друзья садились въ карету; въ тотъ моментъ, когда лошади тронулись крупной рысью отъ крыльца, одна изъ занавѣсокъ гостиной отстранилась, и взгляды двухъ паръ глазъ обмѣнялись еще однимъ послѣднимъ привѣтствіемъ.

XX. Двадцать четвертое.

Двадцать четвертаго мая 1840 г. солнце готово было скрыться за горизонтомъ, предвѣщая конецъ дня, предшествующаго дню годовщины буэносъ-айресской революціи и сверженія ненавистнаго испанскаго владычества. Тридцать лѣтъ тому назадъ,

чуть-ли не въ то-же время и въ тотъ-же часъ, въ 1810-мъ году послѣдній вице-король безповоротно утратилъ свою власть. Тщетно испанцы хотѣли было сохранить власть цѣною уступокъ; ожесточенный народъ не хотѣлъ ничего слышать и рѣшилъ окончательно порвать всѣ связи съ Испаніей.

Ночь окутала землю звѣздпымъ покровомъ, погода была ясная, тихая; бывшій дворецъ прежнихъ вице-королей испанскихъ сіялъ огнями, къ немалому удивленію аргентинскаго населенія, съ давнихъ поръ привыкшаго уже видѣть его вѣчно угрюмымъ, мрачнымъ, безмолвнымъ, заброшеннымъ, а съ захватомъ власти Розасомъ превращеннымъ въ казарму для кавалеріи.

Въ эту ночь обширныя и великолѣпныя залы, въ которыхъ нѣкогда давала блестящіе балы и вечера Маркиза *де Сабре-Монте*, отличавшіеся необычайной роскошью, въ эпоху президентства свидѣтели безчисленныхъ любовныхъ интригъ, и домашнихъ ссоръ и сценъ въ эпоху правленія Доррего, разрушенныя и разграбленныя Ресторадоромъ законовъ, эти залы были опять прибраны, выметены, вычищены, разукрашены обоями изъ Санъ-Франциско и обставлены разнокалиберными стульями, одолженными на этотъ вечеръ добрыми фадералами ради бала. даваемаго сеньору губернатору и его дочери его гвардейскою пѣхотой. На балу этомъ его превосходительство не могъ присутствовать, такъ какъ онъ въ этотъ день долженъ былъ почтить своимъ присутствіемъ обѣденный банкетъ у кабаллеро Вальтера Спринга, который въ этотъ день справлялъ рожденіе своей державной Повелительницы.

Такъ какъ здоровье его превосходительства могло-бы пострадать, если-бы онъ послѣ банкета утомилъ себя пребываніемъ на балу, то было рѣшено, что его дочь приметъ на себя роль хозяйки на этомъ балу.

Блестящая иллюминація на площади Побѣды и освѣщеніе во всѣхъ окнахъ крѣпости, или бывшаго дворца вице-королей, проливали свой свѣтъ вплоть до самой *площади 25-го Мая*, гдѣ разыгрывалась публичная лотерея, скрипѣли деревянные коньки и карусели и красовался большой шестъ. Наступающій

праздникъ годовщины провозглашенія независимости постоянно производитъ на всѣхъ аргентинцевъ какое-то магическое дѣйствіе, вызывая необычайный подъемъ духа и привлекая въ городъ и на площадь народнаго гулянья несмѣтныя толпы окрестныхъ и городскихъ жителей. Этотъ характерный народъ, который такъ быстро переходитъ отъ смѣха къ слезамъ и отъ серьезнаго къ самому пустому, народъ съ испанской кровью и французскимъ умомъ, народъ, исторія котораго стоитъ того, чтобы заняться ею, шумно праздновалъ этотъ день.

Кареты, подвозившія приглашенныхъ гостей, уже съ трудомъ пробирались по улицамъ, прилегавшимъ къ площадямъ *Victoria*, т. е. Побѣды, и *25-го Мая.* Кучера принуждены были постоянно сдерживать лошадей, а лакеи браниться, спорить и ссориться съ мальчишками Буэносъ-Айреса, достойными соперниками парижскихъ *гаменовъ*, настоящими чертенятами, которые упорно преграждали дорогу экипажамъ.

Вдругъ карета, ѣхавшая отъ *Retiro* на площадь Побѣды, подгоняемая напиравшею сзади толпой, задѣла колесомъ за лотокъ со сластями, пріютившійся подъ порталомъ собора, и опрокинула его. Въ то же мгновеніе раздались страшные крики, толпа окружила карету, злополучнаго кучера обступили со всѣхъ сторонъ, обвиняя его въ томъ, что онъ задавилъ по меньшей мѣрѣ человѣкъ десять. Тотчасъ-же подоспѣла стража. Карета колыхалась среди толпы, какъ судно въ бурномъ морѣ: стали искать раздавленныхъ, но не нашли даже и раненыхъ; тѣмъ не менѣе женщины хныкали, дѣти кричали, а мужчины ругались; стражи принялись усердно работать своими нагайками, награждая ударами направо и налѣво, съ цѣлью водворить тишину и порядокъ, но проложить дорогу экипажу имъ все-таки не удалось.

— Впередъ! въѣзжай прямо въ толпу, дави кого попало, переломай имъ кости, если они того хотятъ, но трогай впередъ, чортъ тебя побери! крикнулъ кучеру изъ кареты чей-то голосъ.

— Сеньоръ стражъ,—произнесъ въ то же время другой голосъ, и чья-то голова высунулась въ окошко дверцы, обращаясь къ полицейскому чину, усердно работавшему нагайкой по спи-

намъ и плечамъ тѣхъ, кто находился поблизости;—сеньоръ стражъ, надѣюсь, никто не пострадалъ; но вотъ вамъ кошелекъ, раздайте эти деньги тѣмъ, кто потерпѣлъ какіе-нибудь убытки и постарайтесь расчистить намъ дорогу, мы спѣшимъ!

— Именно такъ оно и есть,—отозвался полицейскій, опуская деньги въ свой карманъ,—тутъ гамъ и крикъ и больше ничего. Дорогу, сеньоры, дорогу! это добрые федералы, они спѣшатъ по важному дѣлу!

Въ одну минуту путь былъ очищенъ, и пѣшеходы приперты къ стѣнамъ.

— Сверни по улицѣ Федераціи и затѣмъ поѣзжай по улицѣ Народныхъ Представителей!—приказалъ кучеру тотъ-же голосъ, который и раньше отдавалъ ему приказаніе.

Нѣсколько минутъ спустя эта карета, не встрѣтивъ на своемъ дальнѣйшемъ пути никакихъ препятствій, остановилась на углу Университетской улицы и улицы Кочабамба.

Четверо мужчинъ вышли изъ кареты и одинъ изъ нихъ приказалъ кучеру быть здѣсь опять къ половинѣ одиннадцатаго ночи. Затѣмъ всѣ четверо, кутаясь въ свои плащи, направились по совершенно безлюдной и темной улицѣ Кочабамба къ рѣкѣ. Они шли подвое.

Въ тотъ моментъ, когда они сворачивали въ послѣднюю улицу, ведущую къ одинокому дому, стоявшему на набережной они вдругъ очутились лицомъ къ лицу съ тремя другими мужчинами, такъ же какъ и они закутанными въ плащи и шедшими со стороны улицы Балькарсе. Тѣ и другіе остановились и нѣсколько минутъ внимательно присматривались другъ къ другу.

— Изъ этого положенія необходимо выйти,—сказалъ одинъ изъ четверыхъ,—во всякомъ случаѣ насъ четверо противъ троихъ!—и онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Простите, смѣю васъ спросить сеньоры, мы ли тому причиной, что вы прервали вашу прогулку?

Тройной взрывъ смѣха былъ единственнымъ отвѣтомъ на его вопросъ.

— Ахъ, чортъ васъ побери!—весело воскликнулъ донъ Мигуэль,—вы насъ порядкомъ напугали.

Узнавъ другъ друга, они составили одну общую группу и продолжали путь къ рѣкѣ. Вскорѣ они достигли того дома, гдѣ читатель уже былъ однажды свидѣтелемъ встрѣчи дона Мигуэля и его друга, профессора чистописанія со священникомъ Гаэте.

Вмѣсто того, чтобы постучать у дверей, одинъ изъ незнакомцевъ приложилъ губы къ замочной скважинѣ и прошепталъ два слова:—*двадцать четыре.*

Дверь тотчасъ-же безъ шума отворилась и затѣмъ затворилась, пропустивъ пришедшихъ. Нѣсколько минутъ спустя, стали приходить еще другіе, все подвое -потрое, иногда по четыре человѣка сразу; всѣ пропускались немедленно послѣ того, какъ произносили пароль: *двадцать четыре.*

Войдемъ и мы въ тотъ домъ, который, какъ вѣроятно помнитъ читатель, былъ собственностью донны Марселины.

Гостиная этой почтенной дамы была обращена въ данный моментъ въ нѣчто такое, что напоминало военный лагерь: ея постель и болѣе скромныя кроватки дѣвицъ, ея племянницъ, были принесены сюда и стояли вдоль стѣнъ; всѣ стулья, имѣвшіеся въ домѣ, и кромѣ того два большихъ сундука были разставлены полукругомъ передъ столомъ, на которомъ стояли двѣ свѣчи; къ столу было придвинуто большое кресло, вѣроятно, предназначавшееся для предсѣдателя этого таинственнаго собранія.

Нѣсколько человѣкъ, размѣстившись повидимому довольно удобно на кроватяхъ, сундукахъ и стульяхъ, молча ожидали чего-то.

Если кто-либо случайно обмѣнивался нѣсколькими словами, то только шепотомъ; время отъ времени кто-нибудь изъ присутствующихъ подходилъ къ окну и окидывалъ внимательнымъ, пытливымъ взглядомъ пустынную, темную улицу.

На башенныхъ часахъ пробило девять съ половиной и ихъ бой донесся до членовъ собранія въ отдаленной улицѣ Кочабамба.

— Сеньоры, теперь половина десятаго, ни одинъ человѣкъ, зная, что его ждутъ по серьезному дѣлу, не можетъ ошибиться на цѣлый часъ,—сказалъ донъ Мигуэль;—тѣ, которые не явились сюда до настоящаго времени, конечно, не придутъ; а потому мы, не теряя времени, откроемъ засѣданіе.

Ставни во всѣхъ окнахъ немедленно закрыли и свѣтъ въ залу проникъ изъ открытыхъ дверей смежной съ ней комнаты.

Донъ Мигуэль сѣлъ къ столу, а по правую его руку помѣстился донъ Луи.

Всѣ остальные стулья и кресла тотчасъ-же были заняты остальными присутствующими; ихъ было двадцать одинъ человѣкъ, самый старшій изъ нихъ не имѣлъ тридцати лѣтъ, все это была молодежь. Лица, костюмъ и вся наружность этихъ людей свидѣтельствовали о томъ, что они принадлежатъ къ высшему кругу аргентинскаго общества.

— Друзья мои,—сказалъ донъ Мигуэль, поклонившись всему собранію,—насъ должно было быть здѣсь въ эту ночь тридцать четыре человѣка, а между тѣмъ насъ только двадцать три; каковы бы ни были тѣ причины, которыя помѣшали нашимъ товарищамъ явиться сюда, никто изъ насъ, надѣюсь, не позволитъ себѣ заподозрить ихъ въ измѣнѣ, я ручаюсь и за отсутствующихъ, какъ за присутствующихъ, такъ что нашей тайнѣ не грозитъ ни малѣйшая опасность. Теперь скажу вамъ, что на случай нападенія убійцъ, подосланныхъ тираномъ, мною приняты всѣ мѣры предосторожности, благодаря чему мы теперь въ полной безопасности. Домъ этотъ выходитъ на набережной и отстоитъ не болѣе 50 шаговъ отъ берега рѣки, гдѣ на всякій случай насъ ждутъ суда. Если-бы насъ застигли, мы легко можемъ бѣжать черезъ окно, выходящее на берегъ, и вздумай они даже сдѣлать на насъ нападеніе во время бѣгства, то двадцать три человѣка, хорошо вооруженныхъ, всегда съумѣютъ добраться до берега, а разъ, что мы успѣемъ сѣсть на суда, нѣтъ ничего легче желающимъ вернуться обратно въ городъ завтра раннимъ утромъ, а желающимъ эмигрировать въ нѣсколько часовъ достигнуть того берега. Мой Тонильо охраняетъ входную дверь, слуга Луи сторожитъ то окно, черезъ

котораго намъ слѣдуетъ бѣжать въ случаѣ нападенія, наконецъ, на крышѣ дома сидитъ въ засадѣ человѣкъ, трусость котораго можетъ служить порукой нашей безопасности. Довольны ли вы мною, господа?

— Хотя повѣствованіе твое было немного длинно, но, выслушавъ тебя, каждый изъ насъ чувствуетъ себя такъ же безопасно, какъ если бы онъ былъ въ Парижѣ!—отозвался красивый молодой человѣкъ съ веселымъ, беззаботнымъ лицомъ, который во все время рѣчи дона Мигуэля не переставалъ играть съ волосяной цѣпочкой, висѣвшей у него на шеѣ.

— Знаю, милый другъ, съ кѣмъ я имѣю дѣло, знаю, что въ душѣ ни одинъ изъ васъ не спокоенъ, и кромѣ того знаю, что вся отвѣтственность за все, что можетъ случиться, падаетъ исключительно на одного меня. Ну, а теперь, сеньоры, перейдемъ къ главной цѣли этого собранія: вотъ, господа, списокъ тѣхъ лицъ, которымъ удалось бѣжать въ теченіе апрѣля и первой половины мая мѣсяцевъ,—произнесъ молодой предсѣдатель, доставъ изъ портфеля, лежавшаго подлѣ него на столѣ, бумагу;—ихъ 160 человѣкъ, всѣ они молоды и полны силы, увлеченія и любви къ родинѣ. Затѣмъ, я могу васъ удостовѣрить въ томъ, что послѣ убійствъ 4-го мая болѣе трехсотъ человѣкъ сговорились съ владѣльцами судовъ, промышляющихъ перевозомъ, доставлять желающихъ на восточный берегъ, съ тѣмъ, чтобы при первой возможности эмигрировать; изъ этого вы видите, что къ іюлю мѣсяцу отъ четырехъ до пятисотъ патріотовъ будутъ въ Буэносъ-Айресѣ, не считая двухъ третей молодежи, покинувшей наше злополучное отечество въ 1838 и 1839 году. Теперь я изложу вамъ, сеньоры, положеніе арміи Освободителя и внутреннихъ провинцій страны, чтобы выяснить хорошенько предыдущіе факты.

Всѣ удвоили вниманіе.

Донъ Мигуэль продолжалъ:

— Послѣ битвы при донъ Кристовалѣ армія Освободителя очутилась на *Arroyo-Grande*, блокирующей армію *Эшага*, оттѣсненную въ *las Piedras*, въ разстояніи всего нѣсколькихъ льё отъ *Bajada*. Въ случаѣ новаго сраженія всѣ выгоды на

сторонѣ Лаваля; если онъ останется побѣдителемъ, то перейдетъ Парану и тогда пойдетъ походомъ на Буэносъ-Айресъ; если-же онъ будетъ разбитъ, то явится реорганизовать свою армію въ сѣверную часть провинціи Буэносъ Айреса, такъ какъ всѣ блокирующія суда къ его услугамъ. Изъ этого вы видите, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ провинція Буэносъ-Айресъ должна ожидать къ себѣ Лаваля. Въ провинціяхъ сила противъ Розаса распространилась съ быстротой пожара: Тукуманъ, Сальта, Катамарка, Ріоя и Хуни не подвластны уже тирану, онѣ явно отложились отъ него и подняли оружіе противъ него. Монахъ Альдао недостаточно силенъ, чтобы подавить революцію, а Кордова сдастся при первой угрозѣ; всѣ свои надежды Розасъ возлагалъ на Ла-Мадрида, а послѣдній возсталъ противъ него и перешелъ на нашу сторону

— Неужели?- воскликнули присутствующіе, повскакавъ со своихъ мѣстъ.

Одинъ донъ Луи остался неподвиженъ, погруженный въ свои размышленія.

— Сейчасъ вы узнаете обо всемъ этомъ подробно,—продолжалъ донъ Мигуэль,—но теперь еще не время для радостныхъ возгласовъ въ Буэносъ-Айресѣ. То, что я сообщилъ вамъ, сущая правда: Ла-Мадридъ, посланный Розасомъ, чтобъ завладѣть арсеналомъ въ Тукуманѣ, самъ присталъ къ возстанію противъ тирана; седьмого апрѣля онъ всенародно возложилъ на себя голубую съ бѣлымъ ленту свободы и попралъ ногами постыдный девизъ федераціи, созданной Розасомъ.

— Браво! Браво!

— Тише, сеньоры! тише! Вотъ самый документъ, я намѣренъ прочесть его вамъ.

Свобода или Смерть!

Общій приказъ отъ 9-го апрѣля 1840 г.

«Согласно распоряженію правительства назначенъ главнокомандующимъ надъ всѣми линейными войсками провинціи и всею милиціей сеньоръ генералъ донъ Грегоріо Араоцъ де Ла-Мад-

рядъ; полковникъ донъ Лоренцо Лугонэзъ — начальникомъ генеральнаго штаба; а командиромъ гвардейскихъ кирасиръ—полковникъ донъ Маріано Ага».

При чтеніи вышеупомянутаго документа радость была всеобщая, и хотя не было ни криковъ, ни виватовъ, но по выраженію лицъ было ясно, что всѣ въ душѣ давали торжественную клятву стоять за свое дѣло. Донъ Мигуэль безмолвно обводилъ всѣхъ собравшихся своимъ орлинымъ взглядомъ во все время, пока длилось молчаніе.

Спустя немного времени, онъ снова заговорилъ.

— Вы видите, сеньоры, что возстаніе всюду подымаетъ голову и принимаетъ гигантскіе размѣры; но этому возстанію нужна глава, необходимъ опредѣленный центръ, чтобы стать дѣйствительно грознымъ и могучимъ, и этотъ центръ, эта глава здѣсь, въ Буэносъ-Айресѣ. И всѣ усилія должны стремиться къ этой цѣли. Не такъ ли, уважаемые сеньоры? я говорю, что всѣ мы должны дѣйствовать для того, чтобы это возстаніе восторжествовало надъ тираніей, чтобы обезпечить ему полный успѣхъ.

— Да! да!— воскликнули всѣ безъ исключенія присутствующіе.

— Тише, сеньоры, тише! будемъ прежде всего логичны и разумны, а ужъ потомъ дадимъ волю и нашему энтузіазму. Вы всѣ отвѣчаете „*Да*", но посчитаемъ всѣхъ тѣхъ патріотовъ, которые уже покинули Буэносъ-Айресъ, посчитаемъ всѣхъ тѣхъ, которые намѣреваются въ ближайшемъ времени бѣжать отсюда, и тогда скажите мнѣ, не достаточно-ли было бы этого числа людей для того, чтобы съ успѣхомъ поднять знамя возстанія здѣсь, въ самой столицѣ. Вѣдь эмиграція отдаетъ въ руки трусливыхъ и жестокихъ враговъ, женщинъ-интриганокъ и Масъ-Горки несчастный городъ, нашъ Буэносъ-Айресъ, т. е. главный центръ ужаснаго правленія Розаса, его гнѣздо! Скажите, сеньоры, развѣ триста-четыреста человѣкъ нашего брата въ арміи генерала Лаваля могутъ обезпечить ему побѣду? Нѣтъ! но тѣхъ же трехсотъ-четырехсотъ человѣкъ было бы совершенно достаточно, чтобы поднять весь городъ и перевѣшать на фонаряхъ Розаса и всю Масъ-Горку, въ тотъ день, когда они бу-

дутъ захвачены врасплохъ вѣстью о приближеніи арміи Лаваля. Мы, конечно, не можемъ вернуть тѣхъ, которые уже успѣли покинуть насъ, но можемъ, если только захотимъ, пріостановить и прервать эмиграцію, столь пагубную для дѣла свободы.

«Правда, теперь въ Буэносъ-Айресѣ не безопасно, но и повсюду намъ грозятъ опасности, ничуть не меньшія. Повѣрьте мнѣ, друзья, я стою ближе, чѣмъ кто-либо изъ васъ, къ Розасу; я ставлю въ этомъ заговорѣ на карту не только свою жизнь, какъ всѣ вы, но и свою честь, которую подвергаю сомнѣнію всѣхъ. Повѣрьте мнѣ, что самая серьезная опасность, какой только можетъ подвергнуться нашъ несчастный городъ, наша молодежь изъ патріотовъ, это та, что она покидаетъ его!

— Я того же мнѣнія,—отозвался одинъ изъ присутствующихъ,—я скорѣй умру подъ кинжаломъ какого-нибудь Масъ-Горкэро, чѣмъ покину городъ. Розасъ въ Буэносъ-Айресѣ, а его то мы и должны сразить и уничтожить. Какъ только Розаса не будетъ въ живыхъ, у насъ не останется враговъ!

— Сеньоры, раздѣляете вы это мнѣніе? спросилъ донъ Мигуэль.

— Да! да! мы должны оставаться здѣсь! послышалось со всѣхъ сторонъ.

Когда водворилось молчаніе, донъ Луи поднялся со своего мѣста и заговорилъ:

— Сеньоры,—сказалъ онъ, —изъ всего того, что сказалъ сеньоръ дель Кампо, нѣтъ ни одного слова, которое бы не согласовалось во всемъ съ моими убѣжденіями, а вмѣстѣ съ тѣмъ, я одинъ изъ тѣхъ, которые пытались покинуть родину, и даже не поручусь, что не повторю этой попытки еще разъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Вотъ эту-то раздвоенность между своими убѣжденіями и своимъ поведеніемъ я и считаю долгомъ пояснить вамъ, сеньоры: несомнѣнно, что мы должны оставаться на мѣстѣ; несомнѣнно также, что мы должны сжимать съ каждымъ часомъ тѣснѣе вокругъ Розаса то желѣзное кольцо, которое въ концѣ концовъ должно задушить его, въ день, когда для аргентинцевъ пробьетъ

счастливый часъ освобожденія. Все это несомнѣнно, но нашъ народъ - исключительный въ этомъ отношеніи; сеньоръ дель Камио сказалъ вамъ, что трехсотъ-четырехсотъ человѣкъ достаточно, чтобы поднять противъ Розаса весь городъ, я противъ этого не спорю; мало того, я допускаю, что всѣ эмигранты вернутся къ тому времени въ городъ и что насъ будетъ не четыреста, а четыре тысячи человѣкъ ярыхъ враговъ Розаса въ стѣнахъ этого города. Но знаете-ли вы, что представляетъ собою эта цифра въ Буэносъ-Айресѣ? а то же самое, что одинъ, единственный человѣкъ. Всякая партія сильна отнюдь не численностью, а своимъ единодушіемъ. Милліонъ отдѣльныхъ индивидовъ не можетъ сравниться съ тремя-четырьмя лицами, тѣсно связанными между собой общностью замысла, идей и стремленій. Разсмотрите, какъ знаете, систему диктатуры Розаса и вы сами убѣдитесь, что вся сила его заключается въ единствѣ и сосредоточенности его власти. Смотрите, вѣдь онъ мучитъ и тиранитъ каждаго человѣка и каждую семью и для такой гигантской пытки прибѣгаетъ къ помощи лишь двухъ десятковъ убійцъ, потому что въ народѣ нѣтъ никакой внутренней связи; всякій стоитъ особнякомъ. Вотъ почему я предпочту пасть на полѣ битвы, чѣмъ подъ кинжаломъ убійцы, въ ожиданіи революціи, къ которой совершенно неспособны, какъ и ко всякому дружному натиску или движенію, наши Буэносъ-Айресцы. Однако, кто то изъ васъ, друзья, сказалъ сущую правду: единственный врагъ, котораго намъ должно уничтожить—это Розасъ; съ его смертью сама собою падетъ тиранія. Скажите же мнѣ, друзья мои, возможно ли между нами полное единство и если *„да“*, то я первый съ полной готовностью откажусь отъ всякой мысли объ эмиграціи!

Всеобщее молчаніе было отвѣтомъ на эту рѣчь.

Всѣ присутствующіе потупили глаза, только донъ Мигуэль высоко поднялъ голову и вопрошалъ взглядомъ лица собравшихся здѣсь людей.

— Сеньоры,—сказалъ онъ, наконецъ,—другъ мой Бельграно говорилъ сейчасъ отъ моего имени, желая высказать вамъ печальную картину обособленности и отсутствія общихъ интере-

совъ, общихъ цѣлей и общихъ привязанностей, являвшихся до сего момента отличительными чертами аргентинцевъ. Желаніе вызвать васъ на единодушіе и дружное отношеніе къ нашему общему дѣлу было главною цѣлью нашего сегодняшняго собранія; мы несомнѣнно должны всѣ оставаться въ Буэносъ-Айресѣ, но не отдѣльными единичными личностями, все мужество и смѣлость которыхъ были бы безсильны и напрасны, а тѣснымъ неразрывнымъ рядомъ звеньевъ, составляющихъ одно цѣлое. Не забывайте, что въ данный моментъ мы находимся на кратерѣ вулкана, который уже волнуется, грохочетъ и моментъ взрыва ужъ близокъ. Преступленія, совершенныя по настоящее время, еще отнюдь не конецъ, но начало страшной эпохи террора. Кинжалы точатся во мглѣ, жертвы намѣчены, и это не мщеніе, а прочно организованная система; наши враги одержимы горячкой кровопролитія. Вскорѣ долженъ наступить часъ рѣзни и поголовнаго избіенія, и если мы тогда будемъ стоять обособленными, жалкими единицами, то мы погибли и нѣтъ для насъ спасенія! Сплотившись же и организовавъ изъ себя противовѣсъ Масъ-Горкѣ, мы не только будемъ спасены, но еще останемся побѣдителями. Я, который покупаю ежедневно цѣною своего добраго имени тайны нашихъ враговъ, я, который, пылая гнѣвомъ съ ненавистью въ душѣ, пожимаю руки этихъ подлыхъ убійцъ, я ихъ толкаю на преступленія и на убійства, и буду это дѣлать потому, что теперь близокъ день, тотъ день, когда, передъ лицомъ самого солнца, честный человѣкъ вонзитъ свой мечъ въ грудь одного изъ этихъ убійцъ и этотъ день будетъ послѣднимъ днемъ тирана! Всѣ угнетенные народы ждутъ только человѣка, который первый поднялъ бы мечъ и первый подалъ бы голосъ, они ждутъ момента, чтобы внезапно перейти отъ покорнаго рабства къ бурной потребности свободы и отъ пришибленности къ дѣятельной жизни!

Лицо дона Мигуэля казалось преобразившимся подъ вліяніемъ вдохновенія и пылкаго, искренняго убѣжденія; глаза его метали молніи, щеки горѣли; присутствующіе не сводили съ него глазъ, лишь донъ Луи сидѣлъ печальный и угрюмый.

— Да, да! единство и организація, воскликнулъ одинъ

молодой человѣкъ изъ числа слушателей,—единство въ настоящее время единственный оплотъ нашъ противъ Масъ-Горки, единственный возможный путь къ уничтоженію и низверженію Росаса!

— Единодушіе и сегодня, и завтра,—сказалъ донъ Мигуэль, впервые возвышая голосъ,—единодушіе и организація общества для противодѣйствія шайкѣ убійцъ, для того чтобъ быть сильными, могучими и грозными, пріобрѣсти тѣ добродѣтели, которыхъ намъ не достаетъ, и стать европейцами въ Америкѣ,

— Да! да! мы всѣ сплотимся! восклинули присутствующіе съ удивительнымъ единодушіемъ и энтузіазмомъ.

— Увы!—сказалъ печально донъ Луи,—эту ассоціацію, которую я призываю всей душой, мы не способны осуществить: мы дѣти, а не взрослые мужчины, у насъ энтузіазма много, но вѣры нѣтъ!

— Молчи, Луи, молчи!—шепнулъ ему донъ Мигуэль и, обращаясь къ присутствующимъ, продолжалъ самъ:—да, друзья мои! мы сплотимся и образуемъ силу, съ которою придется считаться нашимъ врагамъ, а теперь разойдемтесь подъ впечатлѣніемъ этой возрождающей насъ мысли. Я изложу уставъ нашего общества: простое выраженіе нашихъ нуждъ и обязанностей и способа собраться всѣмъ въ четверть часа времени и даже того меньше въ тотъ день, когда, наконецъ, наступитъ часъ мщенія. Сегодня у насъ 24 мая, разойдемся же теперь, друзья мои, чтобы заря 25-го не застала насъ, столькихъ аргентинцевъ, собравшихся вмѣстѣ и еще не свободныхъ. 15-го іюня мы соберемся снова въ этомъ домѣ, въ это же время, а теперь еще одно послѣднее слово: пусть каждый изъ васъ употребитъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы воспрепятствовать эмиграціи своихъ друзей. Если же найдутся такіе, которые все-таки будутъ упорствовать въ своемъ намѣреніи, пусть онъ только предупредитъ меня, и я ручаюсь за его судьбу. Пусть онъ ничего не предпринимаетъ безъ меня. За исключеніемъ этого важнаго вопроса избѣгайте меня, порицайте передъ другими мое поведеніе, произносите со злобой и презрѣніемъ мое имя,—я знаю, что настанетъ день, когда съумѣю возвратить ему

весь его прежній блескъ и добрую славу. Довольны ли вы мною? вполнѣ ли вы довѣряете мнѣ, сеньоры?

Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, бросились обнимать дона Мигуэля. Таковъ былъ молчаливый отвѣтъ каждаго изъ нихъ.

Вслѣдъ затѣмъ двери залы отворились и минутъ пять спустя донъ Мигуэль и Луи остались одни.

Окончательно распростившись со своими друзьями, молодые люди вернулись снова въ залу, гдѣ происходило совѣщаніе и застали тамъ у стола человѣка со шляпою на головѣ и краснымъ плащемъ на рукѣ, который, очевидно, невидимо присутствовалъ при совѣщаніи и слышалъ все изъ сосѣдней комнаты

— Ну, что вы скажете, сеньоръ? - спросилъ донъ Мигуэль.

— Что, донъ Мигуэль?

— Довольны ли вы?

— Нѣтъ.

Донъ Луи улыбнулся и принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Какое же ваше мнѣніе, сеньоръ? — снова спросилъ донъ Мигуэль новую личность.

— Мое мнѣніе таково, что всѣ они ушли отсюда растроганные и взволнованные, полные самаго искренняго патріотическаго воодушевленія, что всѣ они въ данный моментъ были бы способны на самый геройскій подвигъ, но я также увѣренъ въ томъ, что до 15-го іюня половина изъ нихъ покинетъ Буэносъ-Айресъ, а другая половина забудетъ о необходимости единенія и прочной организаціи общества.

— Что же, въ такомъ случаѣ дѣлать, сеньоръ? — воскликнулъ молодой человѣкъ, ударивъ кулакомъ по столу и позабывъ на мгновеніе то уваженіе, съ какимъ онъ, повидимому, привыкъ относиться съ давнихъ поръ къ этому новому лицу, красивая и мужественная наружность котораго ясно говорила объ его недюжинномъ умѣ и проницательности.

— Что дѣлать? настаивать, настаивать и понемногу незамѣтно двигать впередъ то дѣло, которое окончатъ, вѣроятно, наши внуки.

— Но Розасъ?—спросилъ донъ Мигуэль.

— Розасъ есть грубое выраженіе нашихъ соціальныхъ условій, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ и поддерживаютъ его, и даютъ ему ту власть и силу, которыхъ онъ при иныхъ условіяхъ никогда не могъ бы имѣть.

— Однако, если бы намъ удалось его убить!

— Кому? съ улыбкой спросилъ собесѣдникъ дона Мигуэля.

— Кому нибудь изъ насъ.

— Нѣтъ, Мигуэль: для того, чтобы быть тирано-убійцей, надо двѣ вещи: или быть очень корыстнымъ человѣкомъ, чтобы продать себя и свой кинжалъ, а такихъ людей даже нѣтъ въ нашей родинѣ, или-же быть республиканцемъ-фанатикомъ, а таковыхъ не существуетъ въ нашемъ вѣкѣ.

— Что-же тогда дѣлать?!

— Трудиться и трудиться неутомимо; одинъ человѣкъ, пріобрѣтенный для дѣла народной свободы, есть уже тріумфъ; какъ-бы малъ онъ ни былъ, но все-же это тріумфъ! Неправда-ли, Бельграно?

— Да, сеньоръ.

— Ну, мы сегодня сдѣлали достаточно, пойдемте, друзья мои. Богъ вознаградитъ васъ за ваши благородныя чувства и стремленія.

— Пойдемте, сеньоръ,—отвѣтили почти въ одинъ голосъ оба молодыхъ человѣка, выходя вмѣстѣ съ почтенной личностью, имѣвшею очевидно громадное нравственное вліяніе на нихъ обоихъ, изъ залы.

Незнакомецъ взялъ подъ руку дона Луи, который шелъ съ большимъ трудомъ, и бережно повелъ его къ выходной двери.

Тонильо, сторожившій выходъ, внимательно слѣдилъ за всемъ, что дѣлалось на улицѣ.

— Пріѣхала карета?—спросилъ его донъ Мигуэль.

— Да, уже съ полчаса, сеньоръ, она стоитъ на углу улицы.

По приказанію своего господина Тонильо пошелъ за человѣкомъ дона Луи, сторожившимъ на улицѣ у окна, выходившаго на набережную. Донъ Луи и незнакомая личность, въ сопровожденіи слуги Бельграно, отправились къ тому мѣсту, гдѣ

ожидала ихъ карета, а донъ Мигуэль, оставшись во дворѣ дома, тихонько свистнулъ.

На его свистъ отозвался другой, дрожащій, слабый голосъ.

— Я здѣсь, можно мнѣ теперь спуститься съ этой холодной, страшной и ужасной высоты?

— Да, да, спускайтесь, я васъ жду!—отвѣтилъ молодой человѣкъ, принимая въ свои объятія уважаемаго друга и учителя своего, дона Кандидо Родригуэца.

— Мигуэль, мой милый, ты губишь и мое здоровье, и мою душу...

— Идемте скорѣе, сеньоръ, насъ ждутъ въ каретѣ.

И молодой человѣкъ увлекъ за собою дона Кандидо за ворота, между тѣмъ какъ Тонильо замыкалъ всѣ двери, а ключи пряталъ въ карманъ.

Донъ Мигуэль и донъ Кандидо сѣли въ карету, слуга дона Луи и Тонильо помѣстились на запяткахъ, экипажъ тронулся и вскорѣ совершенно скрылся во мглѣ темной улицы Кочабамба. Четверть часа спустя, карета остановилась на улицѣ Возстановителя, позади церкви Санъ-Хуана; изъ кареты вышелъ тотъ неизвѣстный господинъ, о которомъ мы говорили выше, послѣ чего экипажъ поѣхалъ дальше и, наконецъ, подъѣхалъ къ знакомому намъ дому дона Мигуэля, гдѣ всѣ высадились. Было уже половина двѣнадцатаго ночи.

XXI. Федеральный балъ.

Около девяти часовъ вечера гости начали понемногу стекаться въ правительственный домъ, бывшій дворецъ испанскихъ вице-королей; къ одиннадцати часамъ всѣ залы были полны и первая кадриль подходила къ концу.

Большая зала представляла собою довольно привлекательное зрѣлище: расшитые золотомъ мундиры мужчинъ и брилліанты дамъ блестѣли и искрились при свѣтѣ безчисленныхъ, хотя и плохо размѣщенныхъ свѣчей, которыя въ общей сложности все же разливали ослѣпительный свѣтъ.

Среди приглашенныхъ царила какая-то неловкость и стѣсненіе, неуловимыя, но ощущаемыя всѣми; тутъ были люди двухъ противоположныхъ лагерей: федералы, новые люди, вышедшіе по большей части изъ подонковъ населенія Буэносъ-Айреса и достигшіе высокихъ положеній по волѣ Розаса, почти совершенно незнакомые съ требованіями и приличіями порядочнаго общества, чувствовавшіе себя неловко и не по себѣ въ своихъ блестящихъ мундирахъ и нарядахъ, и, подобно ночнымъ птицамъ, боящимся яркаго свѣта залы, прятавшіеся въ углахъ; немногіе унитары, которыхъ пригналъ сюда страхъ или вѣрнѣе чувство самосохраненія, явно выказывали свое неудовольствіе и подавляющее презрѣніе ко всей этой дряни и выскочкамъ, съ которыми имъ волею судебъ и силой обстоятельствъ приходилось сталкиваться и стоять бокъ-о-бокъ. Дочь Розаса, сеньора донна Мануэла, милая и привѣтливая ко всѣмъ, наивная и добродушная, невольно привлекала всеобщее вниманіе; одѣтая просто, но со вкусомъ, она по истинѣ была прелестна, *buenamoza*, какъ говорятъ аргентинцы; первая жертва своего отца, бѣдная дѣвушка, что бы о ней ни говорили, была добра, кротка, доброжелательна и справедлива, и далека отъ тѣхъ страстей, что бушевали вокругъ нея и которыя она порою, сама того не сознавая, однимъ своимъ присутствіемъ сдерживала, мѣшая ихъ проявленію въ грубой, дикой формѣ.

Вскорѣ послѣ появленія донны Мануэлы пріѣхала и донна Августа Розасъ де Мансилья, считавшаяся, и не безъ основанія, красивѣйшею женщиной своего времени; въ ту пору ей было не болѣе двадцати пяти лѣтъ, и красота ея была въ полномъ расцвѣтѣ. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, молодая сестра Розаса, супруга генерала дона Луціо де Мансилья, не имѣла еще никакого политическаго значенія, она тогда не помышляла ни о федералахъ, ни объ унитарахъ, а думала только объ удовольствіяхъ и увеселеніяхъ всякаго рода. Лишь впослѣдствіи ей пришлось играть извѣстную роль, во время управленія ея отца, роль, которую сама она не разъ считала тягостной.

Донна Августина торжественно обходила залы подъ руку

съ своимъ мужемъ, привѣтствуемая со всѣхъ сторонъ лестнымъ шепотомъ одобренія и удивленія ея неоспоримой красотѣ, какъ вдругъ среди толпы присутствующихъ пробѣжалъ глухой ропотъ восторга,—и толпа поспѣшно разступилась передъ двумя дамами вошедшими рука-объ-руку въ танцовальный залъ.

Эти двѣ дамы были донна Гермоза и донна Аврора. Обѣ онѣ были одѣты съ царскою роскошью и удивительнымъ изяществомъ и поражали своей красотой.

Донна Августина вдругъ упала съ того пьедестала, на которомъ она царила до сихъ поръ. Чарующая красота донны Гермозы сразу затмила ея красоту; даже сама она не могла не преклониться передъ этой красотой и противъ воли присоединилась къ восторженному хору похвалъ, повсюду встрѣчавшихъ ея счастливую соперницу.

Обѣ дамы были тотчасъ же окружены цѣлой толпою кавалеровъ; всѣ наперерывъ добивались чести танцовать съ ними. Но донна Гермоза, не знавшая рѣшительно никого въ этомъ обществѣ, старалась стушеваться. Инстинктивно ее влекло въ тотъ уголокъ гостиной, гдѣ сгруппировались дамы унитарки, а донна Аврора танцовала съ однимъ изъ близкихъ друзей дона Мигуэля.

Та дама, подлѣ которой совершенно случайно сѣла донна Гермоза, была уже не молодая, но красивая женщина, типа маркизы временъ блестящей эпохи Людовика XIV-го. Скоро завязалось знакомство между двумя сосѣдками; къ счастью донны Гермозы, не знавшей здѣсь рѣшительно никого, ея сосѣдка, пожилая дама, знала положительно всѣхъ и каждаго и какъ только она успѣла убѣдиться, что донна Гермоза не федералка, дама эта принялась безъ удержу и зло острить и въ томъ-же духѣ сообщать подробныя біографіи всѣхъ тѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, которыя какъ бы нарочно проходили мимо нихъ.

Донъ Педро Ксимэно, командиръ порта, генералъ Мансилья, донъ Лоренцо Торресъ, донъ Бальдомэро Гарсіа, донъ Мануэль Ларрацабалъ, Николасъ Марино и т. д., всѣмъ имъ попало на орѣхи отъ строптивой сеньоры, сосѣдки донны Гермозы, но особенно не взлюбила она дона Николасъ Марино.

Человѣкъ этотъ со свирѣпымъ, звѣрскимъ лицомъ, худощавый, косой, со взглядомъ хищника, стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дамъ и до неприличія упорнымъ взглядомъ уставился прямо въ лицо донны Гермозы, заставляя краснѣть молодую женщину, что чрезвычайно увеселяло ея сосѣдку.

— Вы незнакомы съ сеньоромъ Марино?—спросила она.

— Нѣтъ, я вижу его въ первый разъ.

— Онъ очень смотритъ на васъ; какая честь! -продолжала она съ насмѣшливой улыбкой, господинъ редакторъ знаменитой газеты и командиръ славнаго корпуса Serenos! вы его побѣдили, покорили его гордое сердце. Вѣдь это не малая персона! Еще-бы, онъ великій патріотъ, онъ съ громкимъ крикомъ требуетъ избіенія унитаровъ! Смотрите, вѣдь онъ ни на минуту не отводитъ отсюда глазъ, счастье еще, что его супруга отвлекаетъ немного его вниманіе.

— Эта дама въ красномъ платьѣ съ желтой и черной отдѣлкой и золотой стрѣлою въ волосахъ— супруга сеньора Марино?

— Да.

— Не можете ли вы мнѣ сообщить, сеньора, кто эти четыре господина въ мундирахъ, которые такъ неподвижно стоятъ ужъ столько времени тамъ въ нишѣ, не говоря между собой ни слова?

— Первый изъ нихъ, ближайшій къ намъ, полковникъ Санта-Колома, онъ и полковникъ, и мясникъ въ одно и то же время.

— Онъ?

— Мясникъ и для скота, мясникъ и для людей безъ всякаго различія; это для него просто маленькое разнообразіе въ одномъ и томъ-же ремеслѣ, котораго онъ считаетъ себя большимъ знатокомъ. Второй изъ нихъ командиръ Маэстро, подлецъ по профессіи.

— Это недурно.

— А третій, полковникъ Соломонъ, лавочникъ.

— Прекрасно. Вѣроятно и четвертый принадлежитъ къ той же почтенной категоріи?

— Нѣтъ вы ошибаетесь, сеньора четвертая личность—генералъ Пинтосъ настоящій кабаллеро, настоящій республиканскій солдатъ, который принужденъ, какъ и всѣ мы, якшаться со всякой дрянью.

Въ это время сеньора Негретъ, такъ звали собесѣдницу донны Гермозы, любезно и дружески раскланялась съ какой-то дамой, садившейся неподалеку отъ нея.

— Знаете вы, сеньора, ту даму? — спросила она у молодой вдовы.

— Я уже имѣла удовольствіе сообщить вамъ, что не знаю здѣсь рѣшительно никого.

— Ахъ, Боже мой!

— Я никогда не выѣзжаю никуда.

— Эта дама—супруга генерала Роллона; у нея доброе сердце, она прекрасный, преданный другъ, но къ сожалѣнію тѣ знакомства, къ которымъ ее вынуждаетъ положеніе ея мужа, заставили ее утратить послѣдній остатокъ пониманія свѣтскихъ приличій и *bon-ton*'а; такъ напримѣръ на своихъ пригласительныхъ билетахъ на зимній сезонъ она объявляетъ... ну, какъ вы думаете, что она объявляетъ?

— Дни и часы пріема, я полагаю.

— Ну, да, а что еще?

— Что у нея будутъ танцовальные или музыкальные вечера.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы все еще не угадали; она объявляетъ всѣмъ своимъ приглашеннымъ, что ея вечера будутъ начинаться съ кофе на молокѣ! Ахъ, бѣдная Хуана!

На этотъ разъ даже донна Гермона не могла удержаться отъ смѣха.

Въ этотъ моментъ въ залу вошелъ донъ Мигуэль. Обмѣнявшись издали взглядомъ съ донной Авророй, ходившей въ это время подъ руку съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ изъ числа его друзей, донъ Мигуэль направился къ своей кузинѣ.

Сеньора Негретъ довольно холодно отвѣтила на вѣжливый поклонъ молодого человѣка, который не замѣчая ея поклона, предложилъ руку своей кузинѣ и чуть не бѣгомъ удалился съ ней въ другую залу.

— Скажи, много ты говорила съ этой дамой? — тревожно освѣдомился онъ.

— Нѣтъ, но она разсказывала мнѣ очень много.

— Знаешь ты, кто она?

— Да, сеньора Негретъ.

— Да это самая завзятая унитарка, самая гордая матрона, какая когда либо существовала: она коварно разсказывала тебѣ какой нибудь очень пикантный анекдотъ въ то время, когда я вошелъ, потому что ты смѣялась на всю залу.

— Ну, это ты преувеличиваешь, Мигуэль; да, я дѣйствительно смѣялась, потому она разсказывала мнѣ, будто сеньора де Роллонъ пишетъ на своихъ пригласительныхъ билетахъ, что ея вечера открываются чашкой кофе на молокѣ.

— А!

— Это неправда?

— Конечно нѣтъ; это не больше, какъ выдумки озлобленныхъ унитарокъ; высмѣиваніе единственное оставшееся имъ оружіе и онѣ очень неумѣло пользуются имъ! Давно ты здѣсь?

— Да, минутъ двадцать.

— Ты представлялась доннѣ Мануэлѣ?

— Нѣтъ.

— А Августинѣ?

— Тоже нѣтъ, да я здѣсь никого не знаю!

— Боже мой, а Аврора что дѣлала?

— Она танцовала.

— Ахъ, она танцовала?

— Она не успѣла даже присѣсть на стулъ, какъ уже была ангажирована и теперь...

— Да, да, я вижу, вонъ она гуляетъ, но пойдемъ скорѣе, вонъ тамъ сидитъ Мануэла; я хочу представить тебя ей.

— Скажи мнѣ ради Бога, Мигуэль, неужели я представляясь ей должна буду воскликнуть: «да здравствуетъ Федерація»!—освѣдомилась донна Гермоза, кинувъ на дона Мигуэля веселый и шутливый взглядъ.

— Мануэла—единственное доброе и сердечное существо

изъ всей семьи Розаса, быть можетъ, ея отцу со временемъ удастся сдѣлать ее злой и бездушной, но Богъ создалъ ее съ прекрасной душой и добрымъ сердцемъ!—шепотомъ и почти въ самое ухо кузины сказалъ донъ Мигуэль. Они были всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дочери диктатора.

— Сеньорита, кузина моя, сеньора Гермоза Саэнцъ-де-Салабэрри желаетъ имѣть честь представится вамъ!—сказалъ донъ Мигуэль, почтительно и низко кланяясь молодой дѣвушкѣ.

Донна Мануэла тотчасъ же встала со своего мѣста и сдѣлавъ шагъ впередъ, любезно привѣтствовала молодую женщину.

Донна Гермоза отвѣчала ей тѣмъ же, послѣ чего донна Мануэла усадила донну Гермозу рядомъ съ собой, а донъ Мигуэль, пользуясь этимъ, попросилъ у своей кузины разрѣшенія покинуть ее на минуту и бросился разыскивать донну Аврору, затерявшуюся среди толпы гостей.

— Сеньорита, не будете ли столь добры сказать мнѣ, гдѣ я могу встрѣтить донну Аврору Барроль тъ?—спросилъ донъ Мигуэль у самой донны Авроры, какъ только ему удалось отыскать ее.

— Вонъ тамъ,—шутливо отвѣтила молодая дѣвушка, указывая ему на громадное зеркало, въ которомъ въ данный моментъ отражался ея прелестный образъ.

— Ахъ, прошу извиненія! но она такъ далеко, что, къ великому моему сожалѣнію, я долженъ лишить себя удовольствія просить ее на слѣдующую кадриль.

— Отлично, потому что эта сеньорита уже приглашена. Не правда ли, сеньоръ? обратилась донна Аврора къ своему кавалеру, одному изъ близкихъ друзей дона Мигуэля.

— А я могу узнать, кто тотъ счастливый смертный, который будетъ ея кавалеромъ?

— Вашъ покорнѣйшій слуга!—сказалъ молодой человѣкъ, подходя къ группѣ, центромъ которой являлась донна Аврора, и присутствовавшій также на тайномъ совѣщаніи, созванномъ дономъ Мигуэлемъ.

— Какъ я вижу, это цѣлый заговоръ противъ меня!—сказалъ съ улыбкой донъ Мигуэль.

— Да, оно такъ и есть, сеньоръ!—отвѣтила молодая дѣвушка.

— Прекрасно, въ такомъ случаѣ я поищу кого-нибудь, похожаго на донну Аврору!—сказалъ донъ Мигуэль съ изящнымъ поклономъ, послѣ чего онъ удалился, чтобы вновь очутиться подлѣ своей кузины, которая все еще бесѣдовала съ донной Мануэлой Розасъ.

Обѣ молодыхъ женщины съ первыхъ же словъ поняли другъ друга; кротость, мягкость и деликатность дочери диктатора невольно привлекали къ ней донну Гермозу, которая въ одну минуту забыла о всѣхъ предубѣжденіяхъ противъ нея, какъ дочери ненавистнаго тирана, и поддалась ея очарованію.

Онѣ бесѣдовали съ особымъ удовольствіемъ и оживленіемъ, когда къ нимъ подошелъ донъ Мигуэль. Въ этотъ моментъ полковникъ донъ Маріано Маза склонился передъ донной Мануэлой, прося ее на танецъ, за нимъ слѣдомъ сеньоръ донъ Николасъ Марино, редакторъ газеты также склонился по примѣру полковника Маза, почти въ точности копируя его позу.

Начался вальсъ.

Полковникъ Маза предложилъ руку доннѣ Мануэлѣ, та приняла ее и встала.

Редакторъ газеты повторилъ пріемы полковника, но не совсѣмъ удатно на этотъ разъ: онъ протянулъ руку къ доннѣ Гермозѣ, бормоча какія то невнятныя слова.

Донъ Мигуэль, не говоря не слова, взявъ руку кузины, заставилъ ее встать и затѣмъ, обращаясь къ сеньору Марино, неподвижно стоявшему съ протянутой рукой, сказалъ, сопровождая свои слова самою любезной улыбкой:

— Сеньора уже приглашена!

Съ этими словами онъ удалился, увлекая за собой донну Гермозу.

По окончаніи вальса донна Гермоза и донна Аврора

сѣли рядомъ, а нѣсколько минутъ спустя къ нимъ присоединились донна Мануэла и донна Августина, которыя подошли къ нашимъ дамамъ рука-объ-руку.

Донъ Мигуэль продолжалъ стоять за спиной своей невѣсты и кузины.

Донна Мануэла представила обѣихъ дамъ доннѣ Августинѣ и, когда всѣ онѣ сѣли тѣсною группой, разговоръ завязался самый дружелюбный.

Всѣ четыре были и молоды, и хороши, и привлекательны и потому съ перваго взгляда должны были или возненавидѣть или полюбить другъ друга,—на этотъ разъ взаимная симпатія восторжествовала: онѣ понравились другъ другу.

Донъ Мигуэль только что собрался принять участіе въ разговорѣ и тѣмъ придать ему болѣе дружественный и интимный характеръ, какъ къ ихъ кружку подошла пара весьма оригинальная: тучный и неуклюжій кабаллеро, низенькій и черный, какъ жукъ, и дама высокая, полная, бѣлая какъ бѣлка. Эту пару составляли сеньоръ Ривера, докторъ медицины и хирургіи, и супруга его, донна Мерседесъ Розасъ, сестра Его Превосходительства Ресторадора и донны Августины.

— А я ищу тебя повсюду! — сказала донна Мерседесъ сестрѣ.

— Ну, что-жъ, прекрасно, теперь ты нашла меня, чего же ты хочешь?— спросила донна Августина.

— Я вся въ поту, мой другъ, пойдемте къ столу.

— Уже?

— Да, пора! Ну, какъ вы поживаете, сеньоръ дель Кампо?

— Благодарю, сеньора, низкій поклонъ вамъ!

— Что съ вами, гдѣ вы пропадаете, что васъ нигдѣ не видно? ухаживаете за всѣми дамами, не такъ-ли? А эта дама ваша кузина, если не ошибаюсь?

— Да, сеньора, это сеньора Гермоза Саэнцъ де Салабэрри, которую я имѣю честь представить вамъ!

— Очень рада познакомиться съ вами,—продолжала донна Мерседесъ, обращаясь къ доннѣ Гермозѣ, которая привстала

во время представленія,—я буду очень рада видѣть васъ у себя; но не разсчитываю на то, чтобы донъ Мигуэль привезъ васъ ко мнѣ, нѣтъ,—но все равно, пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать, когда вамъ вздумается. Если хотите, мой мужъ можетъ заѣхать за вами къ вамъ; вѣдь, я не такая ревнивая, какъ онъ; это мой мужъ, Ривера, докторъ Ривера, вы его не знаете?

— Нѣтъ, до сихъ поръ я не имѣла этой чести, сеньора!

— Вотъ ужъ честь, нечего сказать! если-бы вы только знали, что онъ такое! вѣдь онъ положительно дышать мнѣ не даетъ; я говорю это нарочно при немъ, чтобы пристыдить его хоть немного. Слышишь ты?

— Я слышу, Мерседесъ, но ты ошибаешься!

— Ахъ, безстыдникъ! какъ будто я не знаю твоего поведенія!

Донна Гермоза положительно не знала, какъ держать себя въ данномъ случаѣ: такъ ее смущали манеры и рѣчи этой дамы, а вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ оригинальный характеръ сестры Розаса былъ самымъ добродушнымъ и безобиднымъ изъ всѣхъ характеровъ этой семьи.

Полковникъ Маза, который, какъ видно, былъ главнымъ кавалеромъ донны Мануэлы въ этотъ вечеръ, подошелъ къ ней и предложилъ ей руку, чтобы вести ее къ столу.

Дочь Розаса поднялась съ мѣста, и всѣ послѣдовали ея примѣру.

Федеральныя дамы тотчасъ же поспѣшили за нею, чтобы сѣсть за столомъ, какъ можно ближе къ ней, между тѣмъ какъ дамы-унитарки старались незамѣтно отстать и помѣститься какъ можно дальше отъ донны Менуэлы, обмѣниваясь между собой многозначительными взглядами.

Когда всѣ двинулись въ столовую, донна Нэгретъ приблизилась къ доннѣ Гермозѣ и шепнула ей на ухо:

— Поздравляю васъ съ вашими вновь пріобрѣтенными друзьями!

Молодая вдова молча улыбнулась.

— Я понимаю вашу улыбку, мы поняли другъ друга,—сказала пожилая дама;—но въ этомъ дѣлѣ есть нѣчто очень серьезное.

— Нѣчто серьезное?—переспросила донна Гермоза, пріоста-

навливаясь, съ сильно бьющимся сердцемъ; все, что не пугало ее въ этомъ собраніи, то смущало.

— Вы знаете, что здѣсь замѣшанъ Марино?

— Этотъ человѣкъ съ косыми глазами?

— Да, онъ самый.

— Что-же можетъ быть это?

— Вѣдь онъ глазъ не сводитъ съ васъ, онъ положительно пожираетъ васъ этимъ взглядомъ; только что онъ говорилъ одному моему пріятелю, что вы, во что-бы то ни стало, будете его любовницей или пусть его черти поберутъ!

— О!—воскликнула молодая женщина,—въ такомъ случаѣ намъ слѣдуетъ радоваться и веселиться!—и, снова взявъ подъ-руку своего кавалера, она пошла впередъ.

— Ахъ, вы не знаете, сеньора, что за человѣкъ этотъ Марино!—сказала донна Нэгретъ.

— Человѣкъ этотъ, какъ видно, сумасшедшій и больше ничего!—вымолвила донна Гермоза съ едва примѣтнымъ движеніемъ плечъ и, поклонившись пожилой дамѣ самымъ любезнымъ и почтительнымъ образомъ, поспѣшила опередить ее.

Донъ Мигуэль, какъ на иголкахъ, ожидалъ появленія своей кузины, для которой онъ приберегъ мѣсто рядомъ съ донной Авророй. Наконецъ-то она явилась. Донъ Мигуэль и кавалеръ донны Гермозы остались стоять позади стульевъ своихъ дамъ. Начался ужинъ.

Донна Мануэла занимала мѣсто на почетномъ концѣ стола, по лѣвую ея руку сидѣлъ министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ донъ Мануэль Инсіартъ, а по правую—уполномоченный Британскаго двора, сеньоръ Спрингъ, только что проводившій до дома его превосходительство губернатора Буэносъ Айреса, котораго онъ имѣлъ честь принимать у себя на обѣдѣ въ честь дня рожденія королевы Викторіи; дальше помѣщалась дона Мерседесъ-Розасъ, а противъ нея—сестра ея, донна Августина, далѣе уполномоченный Сардиніи и затѣмъ остальные приглашенные, размѣстившіеся, какъ попало.

Полнѣйшее безмолвіе и тишина, едва нарушаемые звукомъ приборовъ, придавали этому парадному ужину характеръ похороннаго обѣда.

Генералъ Мансилья, лучше другихъ понимавшій всю неловкость этого всеобщаго молчанія, которое съ каждою минутой становилось все болѣе тягостнымъ для всѣхъ, рѣшился, наконецъ, разомъ прервать его.

— *Bomba* (обращеніе, принятое при произнесеніи тоста), сеньоры,—сказалъ онъ, вставая съ бокаломъ въ рукѣ и слегка склоняясь впередъ со свойственной ему граціей и изяществомъ позъ.

Всѣ встали

— Я пью,—продолжалъ генералъ,—за перваго человѣка нашего времени, за того, кто искоренитъ въ конецъ дикое племя унитаровъ, кто заставитъ Францію преклониться передъ его властью, за славнаго Ресторадора законовъ, дона Хуана Мануэля Розаса! Я пью еще и за славную дочь его, которая родилась въ тотъ день, котораго сегодняшній является годовщиной, родилась на радость и славу нашей родины и Америки!

Слова генерала были встрѣчены съ необычайнымъ энтузіазмомъ. Ледъ былъ пробитъ, всѣхъ тяготившій этикетъ сброшенъ въ сторону, всѣ сочли себя вправѣ дать волю своимъ чувствамъ.

— Bomba! сеньоры! крикнулъ во всю глотку депутатъ Гарригосъ, поднимая надъ головою свой стаканъ,—станемъ пить за американскаго героя, который первый съумѣлъ показать Европѣ, что мы прекрасно можемъ обходиться и безъ нея; станемъ пить за то, чтобы та же Европа вмѣстѣ съ тѣмъ узнала, что тотъ, который побѣждалъ во всей Америкѣ дикихъ унитаровъ, подкупленныхъ проклятымъ золотомъ французовъ, можетъ отсюда заставить колебаться всѣ эти старые и червивые престолы Европы. Станемъ пить и за славную дочь его, героиню Конфедераціи, сеньориту донну Мануэлу Розасъ и Эскурра!

Если тостъ генерала вызвалъ всеобщій энтузіазмъ федераловъ, то тостъ депутата привелъ ихъ въ положительное неистовство. Всѣ стаканы были мгновенно осушены до дна, не исключая даже стакана Британскаго посла, несмотря на любезный отзывъ оратора объ Европѣ и ея престолахъ.

— Вотъ! сеньоры!—воскликнулъ президентъ Народнаго Общества, замѣтивъ, что донъ Мигуэль, его вѣрный совѣтникъ и руководитель, дѣлаетъ ему знаки.

— Я пью, сеньоры,—продолжалъ Соломонъ,—за то, чтобы нашъ славный Ресторадоръ законовъ всю свою жизнь жилъ для федераціи и никогда не умиралъ, и Америка тоже, для того чтобы... ну, однимъ словомъ... сеньоры, да здравствуютъ славный Ресторадоръ законовъ и его славная дочь, которая родилась сегодня, и да погибнутъ дикіе унитары, всѣ еретики и всѣ идіоты во всемъ мірѣ!

Донна Гермоза и донна Аврора ничего не понимали изъ того, что передъ ними происходило; бокалы ихъ стояли нетронутыми; у нихъ не хватало духа поднести ихъ къ губамъ подъ звуки этихъ тостовъ.

Донъ Мигуэль всегда былъ наготовѣ: онъ дѣлалъ знаки Соломону и Санта Каломѣ, аплодировалъ Гарригосу взглядомъ и улыбкой, улыбался доннѣ Мануэлѣ, посылалъ цвѣтокъ доннѣ Августинѣ, конфекту доннѣ Мерседесъ и т. д. Замѣтивъ, что бокалы его дамъ не тронуты, онъ нагнулся къ нимъ и шепнулъ, улыбаясь:

— Надо пить!

— Я ни за что!—воскликнула донна Гермоза съ такимъ негодованіемъ и достоинствомъ, что ей могла бы позавидовать любая королева.

Донъ Мигуэль не отвѣтилъ ни слова, донна Аврора сдѣлала то, чего онъ желалъ, ради него.

— Сеньора,—сказала она,—пейте, пейте только со мной; между тѣмъ какъ эти кабаллеро будутъ чокаться за что имъ угодно, мы съ вами будемъ пить за нашихъ друзей. Смотрите, донна Гермоза, Мануэла дѣлаетъ вамъ знакъ.

Дѣйствительно, молодая дѣвушка съ конца стола привѣтливо склоняла свой бокалъ въ сторону молодой вдовы, сопровождая этотъ милый жестъ очаровательной улыбкой.

Донна Гермоза отвѣчала ей тѣмъ-же.

— Сеньоры,—возгласилъ донъ Марино, не сводившій глазъ съ донны Гермозы,—за здравіе великаго героя Америки, за его

безсмертную дочь! за гибель всѣхъ дикихъ унитаровъ, будь они еретики или католики! и за *красавицъ* аргентинской республики!—добавилъ онъ, устремивъ многозначущій, страстный взглядъ на молодую женщину.

Приходилось уже сильно кричать, чтобы заставить себя слушать: присутствующіе успѣли уже прійти въ азартъ и каждый говорилъ свое.

Генераламъ Роллону и Пинэдо съ трудомъ удалось заставить выслушать свои тосты, а полковникъ Крэспо былъ принужденъ вскочить на стулъ, чтобъ обратить на себя вниманіе, но мощный голосъ полковника Соломона превозмогъ весь этотъ шумъ и гамъ.

— Сеньоры,—воскликнулъ онъ,—преславная сестра его превосходительства, отца нашего, донна Мерседесъ, поручила мнѣ сказать вамъ, что она проситъ васъ, чтобъ ваше федеральное одушевленіе умолкло на нѣсколько мгновеній, потому что она желаетъ прочесть вамъ нѣсколько стиховъ своего сочиненія.

Мгновенно воцарилось молчаніе, и взоры всѣхъ присутствующихъ обратились на преславную музу.

Федеральная Сафо передала мужу, стоявшему позади ея стула, свернутый въ трубочку листокъ бумаги.

Но супругъ современной Сафо не захотѣлъ принять драгоцѣннаго сверточка; по счастью, всегда любезный и внимательный генералъ Мансилья завладѣлъ этимъ сверточкомъ, который донна Мерседесъ вручила ему съ самой очаровательной улыбкой. Развернувъ листокъ, генералъ предварительно пробѣжалъ его глазами съ выраженіемъ той тонкой, ѣдкой ироніи, которая являлась главной основной чертой его характера и, принявъ торжественную позу, при всеобщемъ молчаніи, прочелъ слѣдующее:

Soneto [1]).

Brillante el sol sobre el alto cielo
Illumina con sus rayos el suelo.

---

[1]) Эта нелѣпица строго историческая и потому должна была быть помѣщена здѣсь; вотъ ея дословный переводъ:

Солнце, свѣтящее съ высоты небесъ, освѣщаетъ лучами сво-

Ef descubrien do se de sus sudarios
Grita el suelo; que mueran los salvajes unitarios!
Llena de horror, y de terrible espanto
Tiembla la tierra de polo a polo
Pero el buen federale se levanta solo
Y la patria se alegra y consuela su llanto
Ni gringos, ni Europa, ni sus Reyes
Podran imponernos ferreas leyes
Y donde quierra que hay federales
Temblaran in sus tumbas sepulcrales
Los enemigos de la santa causa
Zuc no ha de teaer nunca tregua ni pausa.

Mercedès Rosas de Rivera.

Чтеніе этихъ стиховъ произвело на присутствующихъ впечатлѣніе, весьма рѣдко испытываемое во время банкетовъ, а именно, у всѣхъ по сердцу пробѣжала дрожь, дрожь дикаго восторга у Саломона и его сикэровъ (наемныхъ убійцъ) у Гарригоса и ему подобныхъ, и дрожь подавленнаго смѣха и безмолвной насмѣшки у Мансильи, Торреса, Мигуэля и др.

Для федеральныхъ дамъ стихи эти были достойны пера Пиндара. А дамы-унитарки вдругъ почему-то всѣ почувствовали сильный приступъ кашля и были принуждены прижать свои платки къ губамъ.

Тосты быстро слѣдовали одинъ за другимъ, весьма схожіе и по формѣ, и по смыслу; однако, такъ какъ все въ этомъ мірѣ кончается, то и великолѣпный ужинъ роскошнаго бала 24-го числа мая 1840 г. также долженъ былъ кончиться.

Дамы вернулись въ залы; снова начались танцы; лишь ярые, убѣжденные федералы все еще оставались въ столовой. Тутъ только, по уходѣ всѣхъ остальныхъ, ихъ федерализмъ достигъ

ими землю и, пробиваясь сквозь облака, взываетъ къ землѣ: „смерть дикимъ унитарамъ“!—Полная страха и ужаснаго испуга земля содрогается отъ полюса до полюса. Но добрый федералъ встаетъ одинъ—и родина ликуетъ и утираетъ свои слезы; ни еретики, ни Европа, ни ея короли не могутъ предписывать намъ желѣзные законы, и гдѣ бы ни существовали федералы—содрогнутся въ своихъ склепахъ могильныхъ враги святаго дѣла. которые никогда не должны имѣть ни отдыха, ни покоя! G. A.

полнаго апогея, потому что для крайняго возбужденія извѣстныхъ страстей и инстинктовъ нѣтъ лучшаго средства, какъ доброе вино въ неограниченномъ количествѣ, да шумъ и крикъ никому непонятныхъ тостовъ.

Тогда донъ Мигуэль рѣшился привести въ исполненіе мысль, давно уже созрѣвшую у него въ мозгу, и рѣзко выяснить тайную мысль каждаго изъ присутствующихъ, высказавъ ее вслухъ и такъ сказать наклеивъ имъ ее на лобъ.

Проводивъ своихъ дамъ въ танцовальную залу, онъ вернулся въ столовую и, сѣвъ между генераломъ Мансильей и полковникомъ Соломономъ, поднялъ свой стаканъ и сказалъ.

— Сеньоры, я пью за того федерала, который первый будетъ имѣть честь окрасить свой кинжалъ въ крови рабовъ Луи-Филиппа, которые находятся среди насъ, одни въ качествѣ соглядатаевъ и шпіоновъ, или измѣнниковъ и предателей, другіе, большинство, въ качествѣ дикихъ унитаровъ, которые только и ждутъ момента, чтобы насытить неутомимую жажду крови благородныхъ федераловъ, защитниковъ героя Америки, нашего славнаго Ресторадора законовъ, которою они хотятъ упиться,

Ни у кого до этого момента не хватило духа высказать такъ ясно и смѣло эту мысль; никому даже не пришло въ голову, что донъ Мигуэль могъ имѣть при этомъ заднюю мысль, и даже генералъ Мансилья не заподозрилъ его на этотъ разъ ни въ чемъ. Рѣчь его была встрѣчена всеобщимъ восторгомъ, апплодисментами и оглушительными криками.

Въ душѣ онъ любовался этимъ юношей, его смѣлостью и его умомъ, столь быстро сбитымъ съ пути доктринами данной эпохи.

. . . .

Исполнивъ то, что онъ считалъ хотя и страшно тяжкимъ, но необходимымъ своимъ долгомъ, донъ Мигуэль вышелъ изъ столовой, грустный и покойный и, вернувшись въ залу, отъискалъ свою кузину и сказалъ:

— Поѣдемте, пора!

Донна Гермоза испугалась мертвенной блѣдности его лица и тотчасъ-же участливо спросила, что съ нимъ.

— Ничего, — съ горечью отвѣтилъ онъ, — я только что по-

ставилъ на карту свое доброе имя ради спасенія родины; и, обратясь къ своей невѣстѣ, которая какъ разъ въ этотъ моментъ, окончивъ танецъ, подошла къ нимъ, онъ сказалъ и ей:

— Поѣдемъ Аврора, ты ужъ достаточно натанцовалась.

— Поѣдемъ!—съ готовностью отозвалась она, и всѣ трое покинули балъ.

Нѣсколько минутъ спустя карета остановилась передъ домомъ мадамъ Баррольтъ; Аврора простилась со своими друзьями и, выпорхнувъ изъ экипажа, какъ птичка, тотчасъ-же скрылась за дверью своего дома.

Отъѣхавъ шаговъ пятьдесятъ, карета остановилась подлѣ другой кареты, очевидно, поджидавшей эту; изъ нея вышелъ донъ Луи Бельграно, а донъ Мигуэль, простясь со своей кузиной, уступилъ ему свое мѣсто подлѣ донны Гермозы. Обмѣнявшись шепотомъ нѣсколькими словами, молодые люди крѣпко пожали другъ другу руку, послѣ чего донъ Мигуэль сѣлъ въ карету дона Луи и поѣхалъ къ себѣ домой.

Экипажъ, въ которомъ ѣхала донна Гермоза, крупною рысью направился по дорогѣ къ набережной. Старый Пэдро былъ за кучера, а за выѣздного—вѣрный слуга дона Луи. Донна Гермоза бесѣдовала со своимъ спутникомъ о послѣднихъ происшествіяхъ бала; карета почти поровнялась съ часовней Santa Lucia, и въѣзжала на Широкую улицу, какъ вдругъ ее настигли три хиnста (конныхъ солдата), которые спустились вскачь съ ближайшаго холма. Намѣреніе ихъ не подлежало сомнѣнію: двое изъ нихъ мчались по обѣ стороны лошадей кареты и затѣмъ такъ неожиданно и быстро преградили имъ дорогу, что старый Пэдро едва успѣлъ сдержать своихъ коней. Въ этотъ моментъ третій подскакалъ къ дверцѣ кареты и заговорилъ слащавымъ, немного дрожащимъ вслѣдствіе быстрой скачки голосомъ:

— Мы—люди мирные, сеньора, и хотя я знаю, что вы находитесь подъ надежной охраной сеньора дель Кампо, все же эта дорога такая глухая и безлюдная, что я поспѣшилъ вслѣдъ за вами, чтобы имѣть честь предложить вамъ мои услуги въ качествѣ конвоира.

Карета была остановлена, солдаты преграждали лошадямъ дорогу.

Старый Пэдро нагибался, какъ можно ниже съ своихъ высокихъ козелъ, чтобы намѣтить вѣрнѣе одного изъ всадниковъ, въ високъ котораго онъ собирался всадить нѣсколько унцій олова; то же самое дѣлалъ и лакей, стоя на запяткахъ.

У дона Луи не было при себѣ никакого оружія, кромѣ хорошенькаго стилета, спрятаннаго въ трости.

Ни донна Гермоза, ни донъ Луи не сразу узнали голоса того человѣка, который только что говорилъ съ ними; но у женщинъ есть удивительная способность инстинктивно угадывать, и, едва незнакомецъ докончилъ свою фразу, какъ донна Гермоза, склонясь къ самому уху дона Луи, шепнула ему едва слышно:

— Это Марино.

— Марино!—воскликнулъ донъ Луи.

— Да, какой-то помѣшанный!

— Нѣтъ, негодяй, сеньора,—сказалъ донъ Луи, возвышая голосъ.—Дама эта находится подъ надежной охраной, и я прошу васъ удалиться и вашихъ товарищей то же.

— Я говорилъ не съ вами, сеньоръ дель Кампо!

— Здѣсь нѣтъ никого, кого-бы звали этимъ именемъ, здѣсь только...

— Молчите, ради Бога!..—зажала ему ротъ рукою донна Гермоза.—Сеньоръ,—продолжала она обращаясь къ Марино, я очень благодарна вамъ за вашу любезность, но повторяю вамъ слова этого кабаллеро: я подъ надежною охраной и услуги ваши мнѣ въ данный моментъ не нужны, а потому умоляю васъ удалитесь и прикажите удалиться и солдатамъ.

— Это ужъ лишнее! слово «прошу» было въ вѣжливой формѣ произнесено два раза!—сказалъ донъ Луи, просовывая руку въ одну изъ дверецъ кареты съ намѣреніемъ открыть ее.

Донна Гермоза энергичнымъ движеніемъ остановила его.

— Какъ кажется, этотъ сеньоръ, не привыкъ встрѣчаться съ кабаллеро!—сказалъ Марино.

— Да, съ кабаллеро, которые по ночамъ останавливаютъ

кареты на большихъ дорогахъ и могутъ быть приняты за воровъ и грабителей. Пэдро, впередъ!—крикнулъ донъ Луи такимъ рѣзкимъ, повелительнымъ голосомъ, что тѣ два солдата, которые преграждали дорогу, не попытались даже воспрепятствовать.

Пэдро хлестнулъ по лошадямъ и пустилъ ихъ вскачь, что есть духу.

Марино, такъ какъ это, дѣйствительно, былъ онъ, далъ шпоры своему коню и, слѣдуя за каретой карьеромъ, успѣлъ еще сказать доннѣ Гермозѣ на прощаніе слѣдующія слова:

— Знайте, сеньора, что я не имѣлъ никакихъ дурныхъ намѣреній по отношенію къ вамъ; но со мною обошлись неслыханнымъ образомъ, а такіе люди, какъ я, никогда не забываютъ своихъ обидъ.

Проговоривъ эту фразу, въ которой таилась страшная угроза, Марино раскланялся, повернулъ своего коня и вернулся обратно въ городъ, въ сопровожденіи своихъ подчиненныхъ.

Пять минутъ спустя карета остановилась у воротъ дачи донны Гермозы; молодая женщина вышла изъ экипажа и подъ руку съ дономъ Луи вошла въ свою гостиную.

Она была очень блѣдна и, несмотря на всѣ свои усилія скрыть овладѣвшее ею волненіе, дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Боже мой! дорогая Гермоза.—воскликнулъ донъ Луи, который, прощаясь съ нею, замѣтилъ ея блѣдность и волненіе,— что съ вами? вы больны?

— Нѣтъ, донъ Луи,—отвѣчала она съ грустной улыбкой,—я не больна, я боюсь...

— Боитесь? чего?

— Этого человѣка.

— Этого мерзавца Марино?

— Да, его, я чувствую, что онъ принесетъ мнѣ несчастіе!..

Напрасно донъ Луи силился разогнать эти мысли, успокоить и обнадежить взволнованное воображеніе молодой женщины,—это не удалось ему, и, простившись съ ней, онъ удалился къ себѣ задумчивый и невеселый.

XXII. Въ Монтевидео.

Болѣе девятисотъ судовъ мѣрно покачивались на своихъ якоряхъ въ прекрасномъ рейдѣ Монтевидео, подобно громадному пальмовому лѣсу во время бури.

Была ночь одного изъ послѣднихъ дней іюля, ночь лунная, но не тихая; волны вздымались высоко и съ глухимъ ревомъ разбивались о берегъ.

Съ семи часовъ вечера на горизонтѣ показалась маленькая бѣлая точка, напоминавшая серебристую морскую чайку южныхъ морей: гонимыя вѣтрами съ береговъ Патагоніи, онѣ летаютъ надъ волнами, окуная въ нихъ свои длинныя, сильныя крылья, то появляясь, то исчезая въ волнахъ, снуя туда и сюда надъ водою до тѣхъ поръ, покуда не найдутъ надежнаго пристанища гдѣ-нибудь на мачтахъ кораблей или на крутыхъ скалахъ.

Несмотря на высоко вздымавшіяся волны сердитой рѣки, маленькое, едва примѣтное судно смѣло ввѣряло себя имъ, не страшась гнѣва мощной рѣки, которая въ дни непогоды ужаснѣй самаго океана, и быстро приближалось къ порту.

Съ военныхъ судовъ не замедлили признать въ маленькомъ суднѣ китобойную лодку изъ Буэносъ-Айреса, одну изъ тѣхъ утлыхъ на видъ лодочекъ, которыя занимались преимущественно контрабандой со времени французской блокады.

Въ маленькой лодочкѣ помѣщались четверо мужчинъ: двое изъ нихъ на средней скамьѣ, очевидно, были матросы; третій, сидѣвшій на рулѣ въ тяжеломъ плащѣ и клеенчатой шляпѣ на головѣ, былъ владѣлецъ судна; четвертый, сидѣвшій на кормѣ, оперпись на лѣвый бортъ лодки, укутанный въ длинный резиновый плащъ, въ шляпѣ съ двойнымъ козырькомъ, былъ, какъ надо полагать, пассажиръ.

Владѣлецъ судна не спускалъ глазъ съ паруса, а пассажиръ былъ, казалось, погруженъ въ глубокую задумчивость.

— Далеко мы еще отъ пристани, Дугласъ?—вдругъ спро

силъ онъ, поглядывая на свои карманные часы, на которыхъ было уже половина десятаго.

— Нѣтъ, сеньоръ,—отвѣчалъ хозяинъ судна, съ сильнымъ англійскимъ акцентомъ,—мы скоро пристанемъ вонъ тамъ вправо отъ того укрѣпленія.

— Какъ оно называется?

— Фортъ Санъ-Хозе.

— Что-же, тамъ есть молъ?

— Нѣтъ, сеньоръ, но тамъ есть хорошая пристань, называемая *el Bano de los padres*, гдѣ пристаютъ катера всѣхъ военныхъ судовъ, и тамъ мы высадимся, не замочивъ даже ногъ, не смотря на то, что теперь вода очень высока.

На самомъ дѣлѣ, нѣсколько минутъ спустя, донъ Мигуэль сошелъ на берегъ въ указанномъ мѣстѣ и, стряхнувъ капли воды со своего плаща, послѣдовалъ за владѣльцемъ судна который, отдавъ какія-то приказанія своимъ людямъ, сказалъ ему:

— Сюда, сеньоръ!—съ этими словами онъ свернулъ направо и пошелъ дальше по улицѣ Санъ Бенито.

Пройдя нѣсколько шаговъ на второй кварталъ улицы, судовладѣлецъ остановился у дверей одного дома.

— Здѣсь, сеньоръ!—сказалъ онъ.

— Хорошо, вы будете ждать меня въ гостинницѣ. Какъ вы называете ее?

— Паровая!

— Ну, ну, такъ ждите въ Паровой гостинницѣ и займите для меня приличную комнату, на случай если бы намъ пришлось провести здѣсь ночь.

— Но какъ-же вы вернетесь по всѣмъ этимъ незнакомымъ для вас улицамъ?

— Отсюда меня проводятъ.

— Прежде чѣмъ мы разстанемся, не желаете-ли вы, чтобъ я освѣдомился, дома-ли то лицо, которое вы желаете видѣть?

— Нѣтъ, благодарю, въ этомъ нѣтъ надобности; если этого лица нѣтъ дома, то я подожду его. Вы можете идти.

Судовладѣлецъ удалился, а донъ Мигуэль, такъ какъ это

былъ онъ, стукнулъ два раза молоткомъ, придѣланнымъ у двери, и спросилъ у слуги, явившагося отворить ему.

— Господинъ Бушэ-де-Мартиньи у себя?

— Да-съ!—отвѣчалъ слуга, внимательно оглядывая молодого человѣка.

— Въ такомъ случаѣ передайте ему вотъ это,—продолжалъ донъ Мигуэль, подавая слугѣ половину визитной карточки!—передайте сейчасъ-же.

Слуга принялъ эту половинку карточки съ видимою неохотой и не сразу понесъ ее своему господину; онъ не зналъ, слѣдуетъ-ли ему запереть дверь передъ незнакомцемъ или оставить ее открытой, такъ какъ успѣлъ замѣтить, что за поясомъ у молодого человѣка было два двухствольныхъ пистолета. Однако, подумавъ немного, онъ не рѣшился затворить дверь передъ носомъ этаго страннаго посѣтителя, а, нѣсколько секундъ спустя, вернулся, вѣжливо прося дона Мигуэля войти.

Молодой человѣкъ сбросилъ съ себя свой плащъ, снялъ пальто, отстегнулъ пистолеты въ маленькой прихожей и, поправивъ волосы, вошелъ въ гостиную, гдѣ де Мартиньи, сидя у камина, просматривалъ газеты и журналы.

Глаза французскаго политическаго агента остановились на мгновеніе на красивомъ, умномъ и выразительномъ лицѣ дона Мигуэля, блѣднаго и взволнованнаго; на лицѣ агента, человѣка еще молодого, съ пріятной и изящной наружностью, выразилось невольное удивленіе, которое не утаилось отъ его гостя.

Дружески поздоровавшись, хозяинъ и гость сразу почувствовали себя старыми знакомыми; донъ Мигуэль пожелалъ, однако, выяснить свое положеніе и съ милой улыбкой обратился къ французскому агенту.

— Я вижу, вы удивлены,—сказалъ онъ на прекраснѣйшемъ французскомъ языкѣ,—видѣть въ такомъ молодомъ человѣкѣ вашего стараго корреспондента.

— Да, это правда, я былъ удивленъ, но теперь еще болѣе удивленъ вашей проницательностью, сеньоръ... Простите, что не могу назвать васъ по имени: оно, вѣдь, составляетъ для меня тайну.

— Которая сейчасъ станетъ извѣстна вамъ; вы понимаете, что письма могли скомпрометировать меня, но слова, довѣренныя вашей чести, никогда: меня зовутъ Мигуэль дель Кампо.

Въ отвѣтъ на это де Мартиньи любезно поклонился и затѣмъ, придвинувъ къ камину второе кресло, предложилъ своему гостю сѣсть съ нимъ рядомъ.

— Я ждалъ васъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, сеньоръ дель Кампо, послѣ вашего письма отъ 20 сего числа, которое я получилъ 21-го.

— Да, я васъ просилъ въ этомъ письмѣ о свиданіи на 23-е, а сегодня 23-е число іюля.

— О, вы во всемъ замѣчательно точны и аккуратны, сеньоръ дель Кампо!

— Это необходимо, иначе рискуешь постоянно пропускать случаи, которые намъ доставляютъ событія.

— Ну, а какія вѣсти, сеньоръ дель Кампо?

— Вѣсти,— сраженіе проиграно!

— Что вы!

— Вы не вѣрите, почему?

— У насъ еще нѣтъ оффиціальныхъ свѣдѣній объ этомъ, но если вѣрить нѣкоторымъ письмамъ, то я имѣю основаніе думать, что оно не проиграно.

— Итакъ, вы полагаете, что Лаваль выигралъ это сраженіе?

— Нѣтъ, я и этого не думаю, а полагаю, что было безполезное кровопролитіе и больше ничего.

— Вы ошибаетесь, сеньоръ де-Мартиньи!—возразилъ донъ Мигуэль такимъ увѣреннымъ и серьезнымъ тономъ, что французскій агентъ невольно былъ пораженъ.

— Но вѣдь вы не можете имѣть другихъ свѣдѣній, кромѣ слуховъ, ходящихъ въ Буэносъ-Айресѣ или изъ правительственныхъ газетъ генерала Розаса, въ которыхъ упоминается исключительно только объ его успѣхахъ.

— Вы забываете, сеньоръ де-Мартиньи, что уже болѣе года, какъ вы получаете всѣ свои свѣдѣнія отъ меня, а также и аргентинская коммиссія и мѣстная ваша пресса не только относительно всего, что происходитъ и говорится въ Буэносъ-

Айресѣ, но и по части самыхъ тайныхъ и подпольныхъ дѣйствій кабинета Розаса. Вы, очевидно, забываете объ этомъ, предполагая, что я почерпаю свои свѣдѣнія изъ городскихъ толковъ и слуховъ или же изъ правительственныхъ газетъ, когда дѣло касается столь серьезнаго вопроса, какъ тотъ, который занимаетъ насъ въ настоящее время. Вѣрьте мнѣ, сраженіе это проиграно; что же касается прокламаціи генерала Эчага, которую я сейчасъ имѣю при себѣ, то она засвидѣтельствована мнѣ нѣсколькими частными письмами отъ лицъ, очень свѣдущихъ и безусловно преданныхъ мнѣ въ войскахъ Розаса.

— Вы говорите, что прокламація у васъ?

— Да, вотъ она!—и съ этими словами онъ вручилъ французскому агенту отчетъ о сраженіи генерала дона Паскаль Эчага.

— Изъ этого отчета или прокламаціи, какъ называютъ ихъ, вы помимо всякихъ преувеличеній и небылицъ видите, что сраженіе проиграно Лавалемъ.

— Да, а между тѣмъ полученныя мною письма...

— Вы меня извините, сеньоръ, но я пріѣхалъ сюда не для того, чтобы обсуждать правдивость этого документа; я пріѣхалъ, чтобы узнать, что можно будетъ сдѣлать, разъ этотъ фактъ будетъ установленъ.

— Гм! какъ вы полагаете, что можно будетъ сдѣлать въ случаѣ, если это извѣстіе подтвердится?

— Что можно сдѣлать? это сейчасъ скажу вамъ.

И донъ Мигуэль развернулъ передъ французскимъ агентомъ планъ дѣйствій съ такою глубиною замысла, съ такимъ полетомъ мысли, какіе трудно было даже предположить въ такомъ молодомъ человѣкѣ.

Господинъ де Мартиньи слушалъ его, не прерывая и съ величайшимъ вниманіемъ.

— Прекрасно,—сказалъ агентъ, когда донъ Мигуэль кончилъ,—вы разсуждаете прекрасно; и я весьма счастливъ, что могу сообщить вамъ, что и генералъ Лаваль раздѣляетъ ваше мнѣніе и считаетъ вторженіе въ Буэносъ-Айресъ положительною необходимостью.

— Неужели?

Де Мартиньи молча подошелъ къ столу, на которомъ лежала связка бумагъ, развязалъ ее и, выбравъ то, что ему было нужно, вручилъ эту бумагу дону Мигуэлю.

— Вотъ, посмотрите, — сказалъ онъ, — это выдержки изъ письма самого генерала Лаваля, сообщенныя господину Петіону, командиру французскихъ военныхъ силъ господиномъ Каррилемъ.

— Итакъ,—сказалъ донъ Мигуэль,—если таково было мнѣніе генерала Лаваля до сраженія, то теперь онъ и подавно долженъ быть того же убѣжденія. Что вы скажете, легко будетъ устроить это внезапное вторженіе въ предѣлы Буэносъ-Айреса, о которомъ я говорилъ вамъ?

— Это не только не легко, но даже совершенно невозможно

— Невозможно!

— Да, вы не знаете, что то, о чемъ вы теперь говорите, уже не тайна: секретъ этотъ проданъ. Ривера, который питаетъ бо́льшую вражду къ Лавалю, чѣмъ даже самъ Розасъ, прикидывается, что считаетъ этотъ планъ кампаніи измѣной. Развѣ вамъ неизвѣстно, что президентъ Ривера желаетъ продолженія войны и поддерживаетъ правительство Розаса въ его разсчетахъ? Ривера не только не согласится на осуществленіе этого плана, но въ случаѣ, если бы Лаваль попытался занять Буэносъ-Айресъ, воспрепятствовалъ бы тому всѣми зависящими отъ него мѣрами.

— Да они просто сумасшедшіе!

Де Мартиньи только пожалъ плечами.

— Они помѣшанные! —повторилъ молодой человѣкъ,—развѣ Ривера не понимаетъ, что въ этомъ вопросѣ онъ ставитъ на карту существованіе Монтевидео и его независимость еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ независимость самой нашей республики?!

— Нѣтъ, онъ все это знаетъ и отлично понимаетъ.

— И что же?

— Да то, что для Риверы пораженіе Лаваля имѣетъ несравненно меньше значенія, чѣмъ побѣда; вы не можете себѣ составить даже понятія о той розни, какая теперь суще-

ствуетъ между аргентинцами и нѣкоторыми изъ эмигрантовъ изъ Буэносъ-Айреса, приставшими къ Риверѣ. Они опутываютъ сѣтями лжи президента, который вѣритъ имъ во всемъ, возбуждаютъ въ немъ самыя дурныя его страсти, возстановляютъ его противъ истинныхъ его друзей, раздражаютъ его, эксплуатируютъ его слабыя стороны, разжигаютъ въ немъ ложное самолюбіе и вообще направляютъ его согласно своимъ личнымъ видамъ и выгодамъ. Изъ этого вы видите, что въ этой странѣ не существуетъ общихъ интересовъ; у васъ полнѣйшая анархія во всемъ, нельзя ни на кого разсчитывать. Франція, выведенная изъ терпѣнія этими неурядицами и безтолковщиной въ вашихъ дѣлахъ, собирается совершенно отступиться отъ этого вопроса; получаемыя мною предписанія очень ограничены, а къ тому же, въ данный моментъ, мое правительство обратило все свое вниманіе на Востокъ и на вновь возникшую войну въ Африкѣ.

Донъ Мигуэль былъ блѣденъ, какъ мертвецъ.

— Но кто же распоряжается въ Монтевидео? - спросилъ онъ.

— Ривера.

— Прекрасно, я знаю, что Ривера—президентъ, но вѣдь теперь онъ въ походѣ. Существуетъ палата депутатовъ. Развѣ она не имѣетъ права распоряжаться и не распоряжается теперь?

— Нѣтъ, распоряжается Ривера.

— А совѣтъ, собраніе?

— Его не существуетъ.

— А народъ?

— Народа нѣтъ; вѣдь въ Америкѣ народъ еще не имѣетъ права голоса въ дѣлѣ правленія, здѣсь есть только Ривера и никого болѣе. Есть, дѣйствительно, люди способные и энергичные, доброжелательные, какъ, напр.,Васкэсъ, Муньозъ и др., но вмѣстѣ съ тѣмъ, масса посредственностей и людей злонамѣренныхъ, окружающихъ Риверу, относится до крайности враждебно къ этимъ талантливымъ людямъ именно вслѣдствіе того, что они сторонники Буэносъ-Айреса.

Донъ Мигуэль безмолвно опустилъ голову; на красивомъ

лицѣ его отразилась глубокая скорбь: всѣ его планы были разрушены, всѣ надежды разбиты.

— Пусть такъ,—сказалъ онъ, минуту спустя, — я не изъ тѣхъ людей, которые любятъ терять время надъ обсужденіемъ совершившихся фактовъ. Слѣдовательно, дѣло обстоитъ такъ: генералъ Ривера не желаетъ дѣйствовать совмѣстно съ Лавалемъ; добиться того, чтобы они общими силами двинулись на Буэносъ-Айресъ, нѣтъ никакой надежды; одно сраженіе проиграно; мнѣніе генерала Лаваля таково, что слѣдуетъ занять провинцію Буэносъ-Айресъ и затѣмъ неожиданно двинуться на столицу. Не такъ ли?

— Совершенно такъ.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ мое мнѣніе: слѣдуетъ поддерживать въ генералѣ Лавалѣ мысль о занятіи провинціи Буэносъ-Айресъ и предложить ему сдѣлать вторженіе въ пунктѣ, по возможности ближайшемъ къ столицѣ, съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же идти на этотъ городъ, не задерживаясь ни минуты въ пути на схватки съ кое-какими жалкими отрядиками, которые быть можетъ попытаются преградить ему путь; пусть онъ смѣло взойдетъ въ городъ, тамъ найдутся ему помощники, и пусть онъ тамъ поставитъ на карту тріумфъ или гибель нашей партіи. Я вѣрю, что должна произойти реакція въ его пользу уже вслѣдствіе одной только смѣлости подобнаго шага, и лично беру на себя первымъ выступить съ сотней моихъ друзей и расчистить въ улицахъ Буэносъ-Айреса дорогу войскамъ Лаваля, или же овладѣть арсеналомъ, или крѣпостью, или какимъ либо другимъ важнымъ пунктомъ въ городѣ, который мнѣ пожелаетъ указать генералъ Лаваль.

— Вы благородный и отважный человѣкъ, такими людьми должна гордиться родина,—сказалъ де Мартиньи, съ жаромъ пожимая руку молодого человѣка,—мнѣ очень бы хотѣлось помочь вамъ, но вы сами знаете, что мое оффиціальное положеніе таково, что требуетъ отъ меня крайней осмотрительности въ эти моменты политическихъ кризисовъ, и потому я могу высказать генералу Лавалю лишь мое личное мнѣніе, какъ частный человѣкъ; впрочемъ, я могу сдѣлать еще вотъ что: я по-

говорю съ нѣкоторыми изъ членовъ аргентинской комиссіи, и если, какъ я полагаю, сраженіе проиграно и генералъ Лаваль рѣшится занять Буэносъ-Айресъ, я поддержу, на сколько только въ моихъ силахъ, вашъ планъ относительно внезапнаго и быстраго занятія самой столицы.

— Это главное!—сказалъ донъ Мигуэль,—въ столицѣ—Розасъ, тамъ его власть, тамъ сгруппированы всѣ его силы, всѣ орудія его тираніи. Не надо забывать, что Буэносъ-Айресъ—это вся аргентинская республика. Стоитъ уничтожить Розаса,—и его система правленія погибнетъ вмѣстѣ съ нимъ; она вѣдь не привилась и не больше, какъ лишай, болячка, больше ничего; все держится лишь страхомъ... Однако, я долженъ проститься съ вами, мнѣ надобно вернуться въ Буэносъ-Айресъ. Быть можетъ, мы когда-нибудь еще увидимся съ вами; какъ знать?! Наша несчастная родина переживаетъ теперь страшный кризисъ; если мы восторжествуемъ, я первый принесу вамъ нашу глубокую благодарность; если же нѣтъ, то до свиданія въ лучшемъ мірѣ!—добавилъ онъ съ печальною улыбкой.

— Нѣтъ, мы не можемъ такъ разстаться,—сказалъ де Мартиньи,—провожая гостя до прихожей, гдѣ тотъ опять закутался въ свой резиновый плащъ и пристегнулъ пистолеты;—мы съ вами увидимся еще, хоть одинъ разъ, я очень прошу васъ объ этомъ!

— Какъ мнѣ ни грустно, но это совершенно невозможно,—часы мои всѣ на счету. Вы знаете все, что происходитъ въ Буэносъ-Айресѣ; почва вамъ знакома, дѣйствуйте же согласно вашимъ честнымъ и благороднымъ побужденіямъ. Вотъ все, о чемъ я смѣю васъ просить. Моя корреспонденція будетъ теперь еще подробнѣе и еще послѣдовательнѣе, чѣмъ прежде.

— Если только возможно, то день за день!

— Я буду пользоваться каждымъ случаемъ. А теперь у меня есть къ вамъ небольшая просьба.

— Все, что хотите, милый другъ!—горячо воскликнулъ де Мартиньи.

— Пришлите мнѣ завтра рекомендательное письмо къ сеньору Сантяго Васкэсу.

— Вы непремѣнно получите его. Гдѣ вы остановились?

— Въ Паровой гостинницѣ, куда вы, надѣюсь, будете столь добры приказать одному изъ вашихъ слугъ проводить меня.

— Сію минуту!

— Но я попрошу васъ предупредить сеньора Васкэса, чтобы онъ ожидалъ меня не ранѣе восьми часовъ вечера.

— Хорошо! Я повидаю его завтра; онъ будетъ ждать васъ, когда вамъ удобно. Что еще могу я сдѣлать для васъ?

— Подарить меня братскимъ поцѣлуемъ!

— Ахъ, отъ всей души!

Молодые люди заключили другъ друга въ объятія и крѣпко поцѣловались.

— Не смѣйтесь надъ тѣмъ, что я сейчасъ скажу вамъ, — продолжалъ донъ Мигуэль, — мнѣ почему то кажется, что я здѣсь, въ Монтевидео, въ послѣдній разъ, и что никогда болѣе въ этой жизни я не увижу тѣхъ лицъ, которыхъ я встрѣчу здѣсь.

— Что за мрачныя мысли, другъ мой!

— Пустое суевѣріе, печальная поэзія моихъ двадцати семи лѣтъ жизни! Но у меня, я чувствую, болѣзненно сжимается сердце. Прощайте, прощайте, сеньоръ де Мартиньи!

Они еще разъ крѣпко пожали другъ другу руки, и донъ Мигуэль вышелъ изъ дома въ сопровожденіи слуги г-на де Мартиньи, которому было приказано проводить его до гостинницы.

На другой день, между десятью и одиннадцатью часами вечера, донъ Мигуэль, послѣ довольно продолжительнаго и интереснаго свиданія съ дономъ Сантяго Васкэсомъ, сѣлъ въ китобойную шлюпку Дугласа, и легкое судно, благодаря попутному все время вѣтру, быстро понеслось по направленію къ Буэносъ-Айресу.

Молодой путешественникъ былъ грустенъ и печаленъ; онъ прибылъ въ Монтевидео, полный надеждъ на близкій успѣхъ, а теперь уѣзжалъ оттуда съ разбитыми надеждами, разочарованный и въ людяхъ, и дѣлахъ, съ твердымъ намѣреніемъ, однако, продолжать отважную борьбу противъ тирана своей ро-

дины, но отнынѣ продолжать ее одинъ, безъ друзей и поддержки, безъ той глубокой вѣры въ успѣхъ, которая разрушаетъ передъ собою всѣ препятствія, сомнѣваясь во всѣхъ и даже въ самомъ себѣ, и не желая ничего болѣе, какъ только пасть со славой на томъ полѣ чести, гдѣ до него ужъ было пролито столько благородной крови.

Между тѣмъ, гонимое благопріятнымъ вѣтромъ, легкое судно, какъ чайка, скользило по волнамъ, и ровно въ назначенный часъ донъ Мигуэль ступилъ на берегъ Буэносъ-Айреса и, не замѣченный никѣмъ, вернулся къ себѣ домой.

XXIII. Донна Марія Хозефа Эскурра.

Теперь мы попросимъ любезнаго читателя послѣдовать за нами въ одинъ изъ домовъ на улицѣ «Возстановителя законовъ», гдѣ онъ уже бывалъ однажды.

Невѣстка его превосходительства давала аудіенцію въ своей спальной. Смежная съ этой комнатой зала была наполнена разнымъ сбродомъ, преимущественно женскаго пола.

Старая мулатка одновременно исполняла должность адъютанта при особѣ невѣстки его превосходительства, курьера и церемоніймейстера.

Стоя у двери, ведущей въ спальню, она одной рукой держалась за скобку двери, какъ-бы говоря этимъ, что помимо ея никто не можетъ проникнуть въ святилище, а другой принимала записочки отъ тѣхъ лицъ, которыя почему-либо желали быть приняты первыми сеньорой донной Маріей-Хозефой Эскурра.

Ничего болѣе разнообразнаго и разноплеменнаго, какъ это странное смѣшеніе всякихъ народностей въ пріемной залѣ, не можетъ себѣ представить никакое воображеніе: здѣсь были и негры, и мулаты, и негритянки, и мулатки, индійцы и европейцы,—подонки и сливки общества, мерзавцы и честные люди, которыхъ привели сюда различныя страсти, тревоги, заботы и надежды.

Старая мулатка у дверей, невозмутимая, какъ скала, не поддавалась ни на какія мольбы, неуклонно исполняя приказанія своей госпожи.

Молодая негритянка лѣтъ 17-ти или 18-ти вышла изъ спальной и съ надменнымъ видомъ прошла ч резъ залу. Въ ту же минуту старая мулатка сдѣлала особый знакъ одному мужчинѣ, стоявшему въ сторонѣ отъ другихъ у окна. На немъ была куртка и панталоны изъ синяго сукна и ярко-красный жилетъ; въ рукахъ онъ держалъ суконную фуражку.

Онъ медленно прошелъ черезъ толпу и, подойдя къ мулаткѣ, обмѣнялся съ ней нѣсколькими словами, послѣ чего прошелъ въ спальню, и двери за нимъ плотно затворились.

Донна Марія-Хозефа сидѣла на маленькомъ индійскомъ диванчикѣ подлѣ своей еще не приведенной въ порядокъ постели и пила свой чай.

— Войди, товарищъ, добро пожаловать, садись! — сказала она вошедшему, который, видимо стѣсняясь, сѣлъ на стоявшій тутъ же стулъ.

— Ты пьешь сладкій или горькій чай *)? —освѣдомилась она.

— Какъ вашей милости будетъ угодно! —отвѣтилъ онъ, смущаясь еще болѣе и теребя свой головной уборъ.

— Не называй меня «ваша Милость», а зови, какъ хочешь, только не титулуй — теперь прошли тѣ времена дикихъ унитаровъ, когда каждый бѣднякъ обязанъ былъ величать всякими титулами тѣхъ, на комъ былъ новый плащъ или шляпа съ перомъ. Теперь мы всѣ равны, потому что всѣ мы —федералы. Что-же, ты находишься на службѣ?

— Нѣтъ, сеньора! Вотъ уже пять лѣтъ, какъ генералъ Пинэдо приказалъ отчислить меня по болѣзни, а выздоровѣвъ, я сталъ служить въ кучерахъ.

— Значитъ ты былъ солдатомъ у Пинэдо?

— Такъ точно, сеньора! Я былъ на службѣ раненъ и потому меня отчислили.

---

*) Собственно матэ—парагвайскій чай. Г. Э.

— А-а... ну, а теперь Хуанъ-Мануэль призываетъ всѣхъ на службу.

— Я слыхалъ объ этомъ, сеньора.

— Носятся слухи, будто Лаваль хочетъ захватить неожиданно всѣхъ насъ и занять нашъ городъ. Необходимо, чтобы всѣ защищали святое дѣло Федераціи, потому что всѣ мы — дѣти этой Федераціи. Хуанъ-Мануэль—отецъ нашъ, онъ первый сядетъ на коня, чтобы во главѣ добрыхъ федераловъ выступить на защиту Федераціи. Но такъ какъ несправедливо было-бы тащить на военную службу людей, которые могутъ быть полезны отечеству въ другомъ дѣлѣ, то Хуанъ-Мануэль вручилъ мнѣ 50 билетовъ, освобождающихъ отъ военной службы. Я могу раздать ихъ тѣмъ лицамъ, которыя оказываютъ инымъ путемъ крупныя услуги отечеству. Ты долженъ знать, пріятель, что истинные слуги отечества—это тѣ, которые обличаютъ тайные замыслы и подпольныя интриги дикихъ унитаровъ, потому что это худшіе изъ всѣхъ унитаровъ. Не такъ-ли?

— Такъ говорятъ, сеньора!—съ поклономъ отвѣчалъ отставной солдатъ, возвращая молодой негритянкѣ, прислуживавшей ему, выпитую имъ чашку.

— Я тебѣ говорю, что это худшіе: изъ-за нихъ и изъ-за ихъ интригъ мы не имѣемъ покоя. У насъ нѣтъ мира въ странѣ, никто не можетъ жить спокойно на своихъ мѣстахъ и работать для своихъ семействъ, какъ того желаетъ Хуанъ-Мануэль. Какъ ты полагаешь, развѣ таковы должны быть условія Федераціи?

— Конечно, нѣтъ!

— Жить такъ, чтобы никто не подлежалъ призыву, чтобы всѣ были мирными супругами, богатые и бѣдные. Вотъ она, что называется, настоящая Федерація. Не такъ-ли?

— О, да, сеньора!

— А этого-то именно и не хотятъ дикіе унитары. Поэтому всякій, кто откроетъ правительству ихъ тайные замыслы, настоящій слуга отечества и настоящій федералъ. Моя дверь и дверь Хуана-Мануэля всегда открыты для слугъ Федераціи въ странѣ нужды.

— Я всегда былъ, сеньора, федераломъ!

— Знаю! поэтому я и послала за тобой, въ увѣренности, что ты не утаишь правды, если узнаешь что-либо полезное для нашего дѣла.

— Что-же я могу знать, сеньора? Вѣдь я живу постоянно среди федераловъ!

— Какъ знать?!. Вы—честные, простые люди, васъ такъ легко ввести въ обманъ. Скажи, у кого ты служилъ въ послѣднее время?

— Я и сейчасъ служу у англичанина.

— Знаю, а раньше у кого?

— Раньше я жилъ у одной молодой вдовы.

— Звали ее донной Гермозой,—да?

— Да, сеньора!

— А-а! вотъ въ этомъ-то вся штука! Здѣсь мы узнаемъ все! Знай, товарищъ, горе тому, кто вздумаетъ обмануть Хуана-Мануэля или Марію-Хозефу! — прошипѣла она, вперивъ свои маленькіе злорадные глаза въ лицо своего собесѣдника, который дрожалъ всѣмъ тѣломъ, не понимая, чего отъ него хотятъ.

— Когда ты поступилъ къ этой госпожѣ?

— Въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года.

— А когда ты ушелъ?

— Въ маѣ этого года.

— Въ маѣ! Какого числа, ты не помнишь, не 5-го ли мая?

— Да, кажется, 5-го числа.

— А почему ты ушелъ отъ этой госпожи?

— Сеньора сказала намъ, что хочетъ сократить свои расходы, и отпустила вмѣстѣ со мной повара и еще одного мальчика испанца. Отпуская насъ, она дала намъ каждому по золотому унцу и сказала, что, быть можетъ, со временемъ она опять приметъ насъ къ себѣ на службу, и чтобы въ случаѣ нужды мы во всякое время обращались къ ней.

— Скажите, какая добрая госпожа!—ехидно и злорадно воскликнула донна Марія-Хозефа, тряся своею старою, сѣдою головой,—ха, ха, ха... Она хочетъ сокращать расходы, а сама раздаетъ золотые унцы! Это прекрасно!

— Да, сеньора, донна Гермоза—лучшая госпожа, какую я когда либо знавалъ въ своей жизни!

Донна Марія-Хозефа даже и не слыхала этихъ словъ: она была поглощена интимною бесѣдой съ господиномъ чортомъ, ея совѣтникомъ и пособникомъ.

— Скажи мнѣ, въ какое время донна Гермоза отпустила тебя и другихъ слугъ?

— Часовъ въ 7 или въ 8 утра!

— А она постоянно встаетъ такъ рано?

— Нѣтъ, комнатная прислуга говорила, что она, напротивъ того, имѣетъ привычку спать до поздняго утра.

— Ахъ,—поздно! Я такъ и знала!!. Не замѣтилъ-ли ты чего-нибудь особеннаго въ домѣ?

— Нѣтъ, сеньора, ничего!

— Видалъ ты кого-нибудь въ ту ночь?

· Нѣтъ, никого, сеньора, мы не видали.

— А кого изъ слугъ оставила при себѣ донна Гермоза?

— Пэдро!

— А кто онъ такой?

— Старый солдатъ, служившій въ войну за независимость на глазахъ котораго родилась сеньора.

— Кого еще?

— Молоденькую служанку, которую сеньора привезла съ собой изъ Тукумана, и двухъ старыхъ негровъ, которые смотрятъ за дачей.

— Прекрасно! До сихъ поръ ты говорилъ мнѣ правду, А теперь я хочу спросить тебя объ одной вещи, очень важной для Хуанъ-Мануэля и для Федераціи...

— Я всегда говорю правду, сеньора!—сказалъ злополучный слуга англичанина, невольно потупя взоръ передъ испытующимъ и злобнымъ взглядомъ своей собесѣдницы.

— Мы это сейчасъ увидимъ. Въ продолженіе тѣхъ пяти мѣсяцевъ, что ты служилъ у донны Гермозы, какіе мужчины бывали у нее по вечерамъ?

— Никакіе, сеньора!

— Какъ! у нея не бывалъ никто!?

— За все время, что я жилъ у нея, я знаю навѣрно, что у нея ни разу не былъ никто вечеромъ!

— А самъ-то ты былъ дома въ это время?

— Я никогда не отлучался изъ дома, потому что въ лунные вечера сеньора часто приказывала запрягать лошадей и везти себя на набережную; тамъ она выходила изъ экипажа и нѣкоторое время прогуливалась.

— Ахъ, она любила прогулки!

— Да, сеньора, обыкновенно она брала съ собой маленькую Лизу и вмѣстѣ онѣ гуляли при лунѣ и бесѣдовали между собою.

— Маленькую донну Лизу! Гмъ, она вѣроятно очень заботилась объ этой дѣвочкѣ?

— Да, такъ заботилась, какъ будто она родная ей!

— Да, вѣроятно, это такъ и есть!

— Ахъ, нѣтъ, сеньора, она совсѣмъ чужая ей!

— Неужели! А люди говорятъ, что она—ея дочь!

— Боже правый! Да, вѣдь, донна Гермоза еще сама-то совсѣмъ дѣвочка, а доннѣ Лизѣ ужъ четырнадцатый годъ!

— Ты говоришь, донна Гермоза еще молода. Сколько же ей можетъ быть лѣтъ?

— Двадцать два—двадцать три, никакъ не больше!

— Конечно, не считая того времени, когда она сосала грудь и ползала на четверенькахъ!—злобно засмѣялась донна Марія-Хозефа,—ну, а съ кѣмъ, говоришь ты, она разгуливала по набережной ночами?

— Да съ донной Лизой!

— Въ самомъ дѣлѣ! И она никого не встрѣчала во время этихъ прогулокъ?

— Никогда никого, сеньора!

— Она, конечно, шептала молитвы!—насмѣшливо сказала злая старуха.

— Не знаю, сеньора, но только могу васъ увѣрить, что она никого не встрѣчала и что по вечерамъ никто не входилъ въ домъ,—повторилъ кучеръ, становясь осторожнѣе въ своихъ отвѣтахъ, потому что видѣлъ явное недоброжелательство со

стороны этой сеньоры къ своей бывшей госпожѣ, которую онъ любилъ и которой былъ преданъ.

Донна Марія-Хозефа на минуту призадумалась.

— Это обстоятельство совершенно разбиваетъ всѣ мои планы!—прошептала она.—Ну, а скажи мнѣ, — продолжала она, обращаясь къ кучеру англичанина,—въ продолженіе дня она также не принимала никого?

— Нѣтъ, днемъ, время отъ времени къ ней проѣзжали какія-то дамы.

— Я спрашиваю о мужчинахъ!

— Иногда пріѣзжалъ сеньоръ дель Кампо, донъ Мигуэль двоюродный братъ сеньоры.

— Онъ бывалъ каждый день?

— Нѣтъ, разъ или два въ недѣлю.

— Съ тѣхъ поръ, какъ эта барыня отпустила тебя, былъ ты у нея?

— Да, я тамъ былъ три раза.

— Ну, а когда ты приходилъ туда, кого ты видѣлъ кромѣ самой хозяйки?

— Никого!

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ-таки никого?

— Никого, сеньора!

— Въ домѣ не было никого больныхъ?

— Больныхъ? Нѣтъ никого, сеньора, всѣ были здоровы!

— Хорошо. Хуанъ-Мануэль желалъ имѣть кое-какія свѣдѣнія объ этой барынѣ. Я передамъ ему все, что ты сказалъ мнѣ, и если это правда, то ты оказалъ этимъ услугу доннѣ Гермозѣ, если же ты утаилъ отъ меня что-нибудь, то самъ знаешь, какъ поступаетъ Хуанъ-Мануэль съ тѣми, которые не хотятъ служить Федераціи.

— Я федералъ, сеньора, и всегда говорю правду.

— Вѣрю, можешь идти!

Какъ только бывшій кучеръ донны Гермозы вышелъ, донна Марія Хозефа позвала старуху мулатку, исполнявшую роль курьера.

— Та дѣвушка, что приходила вчера здѣсь? — спросила она.

— Да, сеньора.

— Пусть войдетъ.

Спустя минуту въ спальную вошла грязная, оборванная негритянка лѣтъ 18-ти или 20-ти. Донна Марія-Хозэфа съ минуту строго смотрѣла на нее, затѣмъ проговорила грубымъ и рѣзкимъ голосомъ:

— Ты солгала: въ домѣ той барыни, на которую ты донесла мнѣ вчера, не живетъ никакого мужчины. Не было тамъ и больныхъ.

— Клянусь вашей милости, что я сказала вамъ правду. Я служу въ лавкѣ, которая находится какъ разъ противъ дома этой унитарки, и изъ кухни вижу каждое утро молодого мужчину, который никогда не носитъ девиза. Онъ разгуливаетъ по саду и срѣзаетъ цвѣты для букетовъ, затѣмъ гуляетъ подъ руку съ унитаркой, а вечеромъ, когда стемнѣетъ, они садятся на скамеечку подъ большой ивой, и имъ подаютъ туда кофе.

— Откуда ты видишь все это?

— Кухня нашей лавки выходитъ въ садъ этой унитарки, и я изъ-за рѣшетки выслѣживаю ихъ, потому что я на нихъ зла.

— Почему-же ты зла на нихъ?

— Да потому, что они—унитары!

— А ты почему знаешь это?

— Потому, что эта донна Гермоза, когда она проходитъ мимо нашей лавки, никогда не кланяется ни мнѣ, ни моей хозяйкѣ, ни моему хозяину; потому, что ея слуги никогда ничего не покупаютъ у насъ, хотя прекрасно знаютъ, что и самъ хозяинъ лавки, и всѣ мы—добрые федералы. Кромѣ того, я часто видѣла эту унитарку въ платьѣ небесно-голубого цвѣта. Въ прошлую ночь, когда я увидала, что ординарецъ сеньора Марино и двое изъ его солдатъ наблюдаютъ за ея домомъ и справлялись у насъ въ лавкѣ, я поспѣшила разсказать вашей милости все, что я знаю, потому что я добрая федералка, а она унитарка. Увѣряю васъ!

— Ну, что-же ты еще знаешь о ней?

— Вчера я разсказала вашей милости все, что я видѣла:

почти ежедневно она принимаетъ къ себѣ молодого человѣка, который, какъ говорятъ, приходится ей двоюроднымъ братомъ, а въ прошлые мѣсяцы къ ней еще ѣздилъ очень часто докторъ Алькорта. Вотъ почему я думала, что у нея въ домѣ былъ кто-нибудь больной.

— Помнишь ты еще что-нибудь?

— Да, полагаю, что этотъ больной былъ тотъ молодой человѣкъ, который срѣзаетъ цвѣты въ саду, потому что первое время я замѣчала, что онъ сильно хромалъ.

— А когда это было? Сколько времени тому назадъ?

— Мѣсяца два тому назадъ, я полагаю. Теперь онъ уже больше не хромаетъ и, кажется, совсѣмъ здоровъ, и докторъ больше не ѣздитъ. А молодой человѣкъ не хромая прогуливается по цѣлымъ часамъ по саду съ донной Гермозой.

— Прекрасно! Надо слѣдить за всѣмъ, что происходитъ въ этомъ домѣ, и доносить мнѣ, потому что такимъ образомъ ты оказываешь большую услугу дѣлу Федераціи. А это дѣло — ваше дѣло, бѣднаго люда, потому что въ Федераціи нѣтъ различія между бѣлыми и черными, бѣдными и богатыми; мы всѣ равны, ты это понимаешь?

— Да, сеньора, я понимаю это, потому-то я конфедератка все, что я знаю, я вамъ донесу.

— Ну, хорошо! Теперь можешь идти!

Негритянка вышла очень довольная, гордясь тѣмъ, что оказала серьезную услугу дѣлу Федераціи и имѣла честь лично бесѣдовать съ невѣсткой его превосходительства, «отца Федераціи»

Такимъ образомъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ толпа шпіоновъ, предателей и доносчиковъ продолжала поочередно являться, предавать и клеветать на все, что было честнаго, благороднаго и порядочнаго въ Буэносъ-Айресѣ...

Переспросивъ и выслушавъ всѣхъ клеветниковъ и доносчиковъ, донна Марія-Хозефа собиралась выѣхать изъ дома, чтобы, по заведенному порядку, сдѣлать подробный докладъ своему зятю, когда мулатка, дежурившая въ пріемной, доложила ей о приходѣ сеньора Марино, редактора «Торговой газеты». Хозяйка дома сама вышла на встрѣчу своему гостю.

— Никого, кромѣ васъ, я не приму,—сказала она,—такъ какъ собралась ѣхать къ Хуану. Мануэль, знаешь я положительно взбѣшена!

— И я тоже!—сказалъ Марино, садясь на диванъ рядомъ съ хозяйкой.

— Да, но, вѣроятно, вслѣдствіе другихъ причинъ, чѣмъ я!

— Вѣроятно! Скажите же мнѣ причины вашего гнѣва, а потомъ я сообщу вамъ и свои.

— Ну, такъ вотъ: я сердита на васъ за то, что вы лишь на половину служите намъ, т. е. Хуану-Мануэлю, нашему дѣлу, мнѣ, всѣмъ однимъ словомъ!

Почему же вы изволите говорить это?

— Потому, что вы въ своей газетѣ очень усердно проповѣдуете избіеніе унитаровъ самцовъ, а про самокъ не говорите ни слова, между тѣмъ онѣ во сто разъ хуже.

— Слѣдуетъ начинать съ мужчинъ!

— Слѣдуетъ и начинать, и кончать всѣми сразу, но я начала бы съ женщинъ, такъ какъ онѣ хуже мужчинъ. Я передушила бы всѣхъ ихъ поганыхъ дѣтенышей, какъ прекрасно выразился о нихъ мировой судья Монтеррата, донъ Мануель Касаль Гаэте, который, какъ знаете, примѣрный федералистъ.

— Прекрасно, но всему—свое время! Унитарокъ я не забуду, но долженъ вамъ сказать, что и нѣкоторыя изъ федеральныхъ дамъ, относятся довольно безучастно къ нашему святому дѣлу...

— Ну, что касается меня...

— Я именно о васъ-то и хочу говорить!

— Гм! Вы шутите!

— Нѣтъ, сеньора, я говорю серьезно. Недѣли двѣ тому назадъ я довѣрилъ вамъ одинъ секретъ. Помните вы это?

— Дѣло о Барранкасъ?

— Да, и вы все это передали моей женѣ.

— Я шутила съ ней.

— Эта шутка дорого обошлась мнѣ: жена моя хочетъ выцарапать мнѣ глаза.

— Ба!

— Нѣтъ не «ба»! Дѣло очень серьезное!

— Не говорите этого.

— Да нѣтъ, повторяю, дѣло серьезное! зачѣмъ вамъ дѣлать непріятности моей женѣ и мнѣ?!

— Ну, что за глупости, Марино! Послушайте, вѣдь, все-равно она не сегодня—завтра узнала бы объ этомъ! Я сказала ей только, что вдовушка изъ Барранкасъ на вашъ взглядъ красива,—и ничего болѣе! Какъ можете вы думать, что я желаю ссорить васъ!

— Все равно; теперь уже это зло сдѣлано; не будемъ болѣе говорить объ этомъ!

— Пусть такъ! Допустимъ, что зло сдѣлано, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано и добро.

— Какъ такъ?

— Вы мнѣ что сказали?

— Я вамъ сказалъ, что желалъ бы получить кое-какія свѣдѣнія объ этой вдовѣ, о ея образѣ жизни, о томъ, кто ее посѣщаетъ, а главное, кто тотъ человѣкъ, который живетъ въ ея домѣ, въ ея квартирѣ, и который, очевидно, скрывается, потому что никогда никуда не выходитъ и даже не подходитъ къ окнамъ. Вотъ что я вамъ сказалъ и при этомъ добавилъ, что во всемъ этомъ я преслѣдую исключительно только одну политическую цѣль.

— Ба!

— Почему вы такъ хитро и лукаво усмѣхаетесь?

— Хе! ужъ таковъ мой характеръ.

— Я это знаю, сеньора.

— И я тоже, продолжайте, Марино!

— Это все, что я говорилъ вамъ, полагая, что вы не откажете мнѣ въ этой маленькой услугѣ, вы, которая все знаете и все можете.

— Прекрасно; сейчасъ вы узнаете о томъ, что я за это время сдѣлала, и убѣдитесь, другъ ли я вамъ, или нѣтъ. Эта женщина живетъ очень уединенно и слѣдовательно должна быть унитаркой. Это я знала давно.

— Хорошо, продолжайте, сеньора!

— Вы мнѣ сказали, что она укрываетъ у себя кого то.

— Я только подозрѣвалъ это!

— Ну, нѣтъ, вы утверждали! Но не въ этомъ дѣло! Я послала одного изъ своихъ людей собрать какія можно свѣдѣнія. Какъ разъ противъ дома вдовы находится лавка, въ которой служитъ мололая негритянка, креолка. Мой посланный бесѣдовалъ съ этой дѣвушкой и сказалъ ей, что домъ вдовы подозрителенъ, что нѣкоторые люди сторожатъ его ночью.

— Какимъ образомъ вашъ посланный могъ знать объ этомъ?

— Очень просто, я сказала ему.

— А вы какъ узнали объ этомъ?

— Я? Да, вѣдь, я же васъ знаю! Какъ только я поняла. что для васъ въ этомъ дѣлѣ замѣшана важная политическая цѣль,—насмѣшливо подчеркнула она послѣднія слова,—я тотчасъ же сообразила, что вы не такой человѣкъ, чтобы зѣвать. Итакъ, мой посланный сказалъ молодой негритянкѣ, что домъ вдовушки подозрителенъ властямъ, что за нимъ слѣдятъ и что если ей что нибудь извѣстно, то для нея было бы крайне выгодно прійти и разсказать мнѣ все, что ей извѣстно. Негритянка послушалась совѣта моего посланца и явилась ко мнѣ съ доносомъ.

— Что же она сказала?

— Что на дачѣ живетъ одинъ очень красивый молодой человѣкъ.

— Ну?

— Что они разгуливаютъ по цѣлымъ часамъ подъ-руку съ красивой вдовушкой, пьютъ вмѣстѣ чай подъ большой ивой, сидятъ тамъ до ночи и...

— И что?—воскликнулъ Марино, сгорая отъ ревности.— Что? продолжайте сеньора!

— Наступаетъ ночь, и...

— И?!

— И ничего болѣе не видно!—спокойно и безстрастно докончила донна Марія-Хозефа.

— Прекрасно, но изъ всего этого выходитъ лишь то, что

въ домѣ вдовы живетъ какой то молодой человѣкъ. А это я говорилъ вамъ еще двѣ недѣли тому назадъ.

— Да, это правда. Но теперь мы увѣрены въ этомъ. Двѣ недѣли тому назадъ это дѣло интересовало только васъ, а со вчерашняго дня одинаково интересуетъ и меня.

— Со вчерашняго дня! Почему же такъ?

— Потому, что, собирая свѣдѣнія для васъ, я случайно натолкнулась на одну мысль. Не знаю почему, но мнѣ кажется, что я, наконецъ, изловлю одну дичинку... Но это, впрочемъ, мое личное дѣло.

— Для меня гораздо важнѣе знать, въ какихъ отношеніяхъ этотъ человѣкъ находится съ молодой вдовой. чѣмъ то, кто онъ такой? Вотъ какого рода услуги я ожидаю отъ васъ. Надо вамъ сказать, что этотъ домъ—сущій монастырь, что въ немъ никогда ни одна дверь и ни одно окно не остаются открытыми ни на минуту, и въ довершеніе таинственности всѣ слуги въ этомъ домѣ, кажется, нѣмые. Въ теченіе трехъ послѣднихъ недѣль въ этомъ домѣ были: Аврора Баррольтъ—три раза; дель Кампо, двоюродный братъ вдовы, почти каждый день, въ послѣобѣденные часы, и донна Августина—четыре раза.

— Скажите, почему вы не сдружились съ дель Кампо?

— Онъ добрый федералъ, этого отрицать нельзя, но только — ужасный гордецъ. А это мнѣ не нравится.

— Такъ почему вы не попросили Августину представить васъ?

— Я не хочу, чтобы это дѣло стало кому либо извѣстно. Это такого рода политическій успѣхъ, которымъ я хочу быть обязанъ всецѣло вамъ одной.

— Ба! вы человѣкъ, полный всякаго рода предразсудковъ робкій и совѣстливый, я это знаю. Однако, скажите, будете ли вы довольны, если эта красавица-вдова черезъ нѣсколько дней явится просить объ одной услугѣ, а я направлю ее къ вамъ и пошлю въ типографію или какой либо другой домишко, по сосѣдству съ вашей типографіей.

— Вы не шутите?—спросилъ Марино, глаза котораго вдругъ разгорѣлись, какъ у дикой кошки.

— Ахъ разбойникъ! смотрите, вѣдь, какъ онъ радъ! Да, это дѣло возможное, и даже ничего не можетъ быть легче, если только мои подозрѣнія оправдаются; вы предоставьте только это дѣло мнѣ, и дня черезъ четыре или пять это будетъ дѣло рѣшенное такъ или иначе.

— Ахъ, другъ мой!—почти любовно воскликнулъ Марино — я только бы желалъ, чтобы благодаря вашему всемогущему вліянію и вашему несравненному таланту вы сдѣлались необходимы этой дамѣ. Я вижу, что вы угадали мое желаніе: «Сегодня для меня, а завтра для тебя»—говорится въ пѣснѣ.

— Нѣтъ, милый мой Марино! Мнѣ кажется, что въ этомъ дѣлѣ я больше сдѣлаю для себя, чѣмъ для васъ и, если только подозрѣнія мои оправдаются, то окончательно погублю Викторика въ глазахъ Хуана-Мануэля.

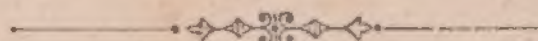
— Значитъ, тутъ есть что-нибудь очень серьезное.

— Да, можетъ быть! Но вы не бойтесь! Что касается вдовы, то это дѣло улаженное.

— Благодарю васъ!

— А теперь, прощайте, Марино! Передайте вашей супругѣ мой поклонъ и не тревожьтесь тѣми глупостями, какія она вамъ говоритъ.

— Прощайте! — сеньора! — и достойный собесѣдникъ невѣстки Розаса вышелъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

